

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева
Уфимского научного центра Российской академии наук

На правах рукописи

Чегодаев Евгений Анатольевич

**Латыши Башкортостана:
формирование и функционирование этнической группы
(конец XIX – начало XXI в.)**

Специальность 07.00.07 – «Этнография, этнология, антропология»

Диссертация
на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
кандидат исторических наук
Галиева Ф.Г.

Уфа – 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Формирование этнической группы латышей на территории Башкортостана (конец XIX – начало XX в.)	
1.1. Причины и характер переселения.....	18
1.2. Основание латышских селений и их этнический состав.....	21
1.3. Ареалы расселения.....	31
1.4. Топонимика.....	42
1.5. Грамотность латышских переселенцев.....	46
1.6. Хозяйственная деятельность.....	51
Глава II. Этапы этнической истории латышской диаспоры (XX – начало XXI в.)	
2.1. Непринятие советской власти.....	75
2.2. Меры по советизации латышей Башкирской республики.....	86
2.3. Политические репрессии и их последствия.....	105
2.4. Ликвидация латышских хуторов: причины и последствия.....	118
2.5. Латышская диаспора в едином государстве (1941–1991).....	125
2.6. Меры по возрождению этнической культуры (1991–2013).....	135
Глава III. Этническая культура диаспоры	
3.1. Традиционный быт: жилище, одежда, пища.....	139
3.2. Организация религиозной жизни.....	143
3.3. Обряды и праздники.....	161
3.4. Декоративно-прикладное искусство.....	174
3.5. Суеверия и знахарство.....	178
Заключение	188
Список использованных источников и литературы.....	195
Список иллюстративного материала.....	221
Приложение.....	230

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования обусловлена продолжающимися изменениями в этнополитической карте мира, повышением роли диаспор, необходимостью решения вопросов гармонизации межэтнических отношений, исходя из новых знаний об особенностях функционирования разных народов, включая давних и современных переселенцев.

Научный аспект актуальности диссертационной темы заключается в проведении первого комплексного исследования латышей (*латвиеши, latvieši*) Республики Башкортостан (Башкирии, Уфимской губернии), прошедших разные этапы развития диаспоры – от ее формирования, внутриэтнической консолидации, взаимодействия с местными народами до ассимиляции, активизировавшейся в последние десятилетия. Латышская диаспора функционировала то в условиях единого государства, то за пределами отделившейся от России Латвии, при различных политических системах. Латышская общность в Башкортостане образована выходцами из Прибалтийского края и инфлянтских уездов Витебской губернии, является одной из значительных в России (вместе с латышами Сибири) и мире (диаспоры в США, Ирландии, Великобритании, Канаде, Бразилии).

Социально-экономическая значимость темы определяется необходимостью изучения опыта хозяйствования латышей. С момента переселения на башкирские земли во второй половине XIX в. они внедряли передовые технологии и приемы, которые остаются актуальными до сих пор (фермерство, кооперативы, предпринимательство). В то же время латыши, перенимая местные традиции, сформировали оригинальную локальную культуру. В 2010 г. в Башкортостане насчитывалось 1117 чел., идентифицировавших себя как латыши.

Научно-образовательный аспект характеризуется возрастающим интересом широкой общественности к этнической истории и культуре, что

нашло отражение в новых учебных программах и государственных проектах, а также в республиканских государственных программах по возрождению их языков и фольклора.

Объект исследования – латышское население Республики Башкортостан.

Предмет исследования – историко-этнографическая характеристика латышской этнической общности на территории Башкортостана, этнические процессы в их среде.

Территориальные рамки исследования – Республика Башкортостан: селения Архангельского, Иглинского, Стерлибашевского районов, в которых компактно расселены латыши, а также город Уфа со значительной долей латышей. В разные исторические периоды указанные районы относились к Уфимской губернии (обр. 1865 г.) и Башкирской АССР (1919).

Хронологические рамки исследования охватывают период с конца XIX (формирование латышской диаспоры в регионе) до начала XXI в. (2010–2014 гг.).

Степень изученности проблемы. Сведения о латышах Уфимской губернии накапливались с начала XX в. и издавались на латышском и русском языках. На латышском языке опубликованы две монографии, касающиеся темы исследования. Первая – эмигранта Карлиса Шкилтерса «История латышских колоний» (Šķilters K. Latkoloniju vēsture. 1. Izceļošana no Baltijas un koloniju pirmsākumi. Maskava, 1928). Шкилтерс, будучи членом (секретарем) Центральной комиссии по исследованию латышских колоний СССР, образованной при латсекции ЦК ВКП(б) в 1926 г., в своей книге особое внимание уделил противоречивому отношению латышей к советской власти: для арендаторов земель она давала перспективы, а у владельцев отнимала веру в будущее. Данная монография является библиографической редкостью, напечатана готическим шрифтом. Вторая монография – Викбертса Краснайса «Латышские колонии» (Krasnais V. Latviešu kolonijas. Rīga, 1938), как и

предыдущая, имеет идеологическую направленность. Автор пишет о перегибах во время коллективизации, попытках латышей взорвать клуб в Архангельской колонии. Он использует сведения предыдущего исследователя, дополняя их фактами из неофициальных источников. Современный латышский исследователь Томс Кикутс, научный сотрудник Национального музея истории Латвии, продолжил изучение предшественниками истории образования латышских колоний за пределами исторической родины, в том числе в Уфимской губернии. В своих русскоязычных статьях он пишет также о межэтнических отношениях в хронологических рамках 1877–1914 гг. (Сб.: Россия и Балтия. М., 2011. С. 27–41; Актуальные проблемы истории и этнологии. Уфа, 2011. С. 93–106).

В Башкирии литература о латышах появилась в дореволюционное время в связи с решением правительства об изучении опыта передовых хуторских хозяйств и его дальнейшего использования для поднятия сельского хозяйства страны. По результатам исследований, проведенных Н. Смирновым, издана брошюра «Хозяйство на латышских хуторах в Уфимской губернии» (Уфа, 1908). В ней дается характеристика латышских колоний Ауструм и Балажи, описана история переселения, способы ведения хозяйства. Информация о латышских хозяйствах публиковалась также в «Вестнике Уфимского земства» (1880), «Сельскохозяйственном календаре» (1915), «Сельскохозяйственном листке» (1916–1930). В первые годы советской власти газетные публикации основное внимание стали уделять революционной пропаганде («Вперед», «Известия», «Красная Башкирия», «Известия Уфимского губернского революционного комитета» и пр.).

В 1928–1930 гг. Башкирской экспедицией Академии наук СССР под руководством С.И. Руденко проведены комплексные исследования населения республики. Особенности земледелия и животноводства у народов Башкирской республики, включая латышей, изучал этнологический подотряд экспедиции под руководством А.С. Бежковича. Работа велась в четырех волостях Уфимского кантона: Иглинской, Петровской, Архангельской и Улу-

Телякской, а также в западной части Усмангалинской волости Тамьян-Катайского кантона. Отличительной особенностью экспедиции являлось то, что она проводилась в последние годы традиционного хозяйствования, в преддверии сплошной коллективизации и массового раскулачивания крестьян. Уникальный материал, собранный А.С. Бежковичем, был издан лишь спустя 43 года в сборнике «Археология и этнография Башкирии» (Уфа, 1973). Столь поздняя публикация связана с тем, что ее автор в 1933 г. был репрессирован. Кроме того, советская власть старалась скрыть основной вывод исследования о преимуществах хуторских хозяйств. В статье А.С. Бежковича значительный объем информации посвящен характеристике земледелия латышских хозяйств, которая без всякого преувеличения свидетельствует о передовой на тот период сельскохозяйственной культуре, а также трудолюбию латышей и их предприимчивости.

1930-е – 1950-е гг. для латышей Башкирии стали самыми трагическими. Сотни людей были репрессированы и осуждены по статье 58 УК РСФСР (за контрреволюционные преступления). Информация о них долгое время хранилась в архивах, стала публиковаться с 1990-х гг. в «Книге памяти жертв политических репрессий Республики Башкортостан» (Уфа, 1997, 1998, 2001, 2003, 2005, 2008). Эти сведения не только характеризуют страницы истории этнической группы, но и масштабы, дают возможность объяснить резкое уменьшение численности латышей в республике.

В 1960-е – 1970-е гг. исследования переселенцев из западной России (немцев, латышей, эстонцев и др.), наиболее сильно пострадавших в годы репрессий, не были под официальным запретом, но и не приветствовались. Интерес к ним появился только после изменения политического курса страны в период гласности и перестройки. В 1985 г. большой фактический материал собрала комплексная экспедиция Академии наук Латвии. В 1987 г. ее руководитель доктор филологических наук, чл.-корр. Академии наук Латвийской ССР А.Ф. Блинкена основные результаты экспедиции опубликовала в статье «Латыши в Башкирской АССР» сборника

«Этнические процессы в Башкирии в новое и новейшее время» (Уфа, 1987). В 1990-е гг. А.Я. Блинкена совместно с И.М. Габдрафиковым подготовила раздел о латышах в коллективной монографии «Народы Башкортостана» (Уфа, 2002).

С 1990-х гг. публиковались работы российских исследователей, касающиеся религиозной жизни латышей Уфимской губернии. О латышском православном приходе упоминают М.И. Роднов и О.В. Васильева в работе «Храм в Архангельском» (Уфа, 1999). Документы о закрытии Уфимской кирхи в 1930 г. приведены О.В. Курило в монографии «Лютеране в России XVI–XX вв.» (М., 2002). Участие представителей Уфимской губернии в Синодальном съезде Латышской евангелическо-лютеранской церкви в 1928 г. отражено в работе В.В. Солодовникова «Лютеранская диадема» (Псков, 2010). Особенности традиционной религии латышей познавались диссертантом благодаря обращению к фундаментальным монографиям О.А. Лиценбергер «Евангелическо-лютеранская церковь и советское государство (1917–1938)» (М., 1999) и «Евангелическо-лютеранская церковь в Российской истории» (М., 2003). Баптистам посвящены работы Ю.Н. Сергеева «Баптизм в Башкирии: очерки истории (конец XIX–XX вв.)» (Уфа, 1998) и А.П. Александрова «Долиною смертной тени» (Уфа, 2014). Современная религиозная жизнь республики освещена в монографии А.Н. Кляшева «Протестантизм в Республике Башкортостан: социальная реакция на вызовы современности» (Уфа, 2013).

В 2000-е гг. башкирский историк М.И. Роднов издал работы со статистическими сведениями о крестьянском, в том числе латышском населении Уфимской губернии: «Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения» (Уфа, 2002), «Крестьяне Бирского уезда по переписи 1917 года» (Уфа, 1997), «Крестьянство Уфимского уезда по переписи 1917 года» (Уфа, 1997), «Крестьянство Златоустовского уезда по переписи 1917 года» (Уфа, 2002), «Крестьянство Стерлитамакского уезда по переписи 1917 года» (Уфа, 2010),

«Материалы всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по Уфимской губернии (Белебеевский, Бирский и Уфимский уезды)» (<http://mrodnov.ru/index.php?Page=3&id=0>; дата обращения: 11.04.2013). Автор приводит архивный источник – подворные карточки, позволяющие произвести вычисления по этническим, территориальным, сословным, имущественным, конфессиональным группам населения, рассмотреть почти каждое крестьянское хозяйство, его экономический потенциал, обеспеченность инвентарем, посевы, землевладение и пр.

В 2010-е гг. башкирский этнолог А.Р. Хабибуллина в диссертации «Историко-культурные центры как форма оптимизации этнической идентичности и межэтнических коммуникаций в Республике Башкортостан» (Ижевск, 2010) и ряде статей среди прочих описала деятельность латышского центра.

Продолжились исследования этнических процессов в среде латышей Сибири, которые начали Я. Баллод и А. Эйсуль в «Сибирской Советской энциклопедии» (1932), описав сквозь призму советской идеологии историю расселения латышей, хозяйственную деятельность, народную медицину. Издаются работы обобщающего характера: И.В. Лоткина «Прибалтийская диаспора Сибири: история и современность» (М., 2000) и «Социально-политическая, экономическая и культурная адаптация прибалтийских поселенцев в Сибири» (1920–1940 гг.), Д.Г. Коровушкина «Латыши и эстонцы в Западной Сибири: Расселение и численность в конце XIX – начале XXI в.» (Новосибирск, 2008) и «Диаспоры в Западной Сибири: особенности этнокультурного развития сельских сообществ в конце XIX – XX в.» (Омск, 2001). Историей и этнографией народов Среднего Урала, включая латышей, занимается А.В. Черных, автор статьи «Латышские хутора Пермского Прикамья: становление и особенности традиционной культуры» (Вестник Пермского университета. 2012. № 3 (20). С. 30–36). Глубокий анализ формирования латышской идентичности в различные исторические периоды, основанный на изучении понятия «латышскость», впервые

представила С.И. Рыжакова в докторской диссертации «Этнокультурные представления об основах латышской идентичности: исторический контекст, взаимосвязи, современные аспекты (середина XIX – начало XXI вв.)» (М., 2011). Ее монография «Язык орнамента в латышской культуре» (М., 2002) является комплексным историко-этнографическим исследованием одной из важнейших областей латышской культуры – национального орнамента, фактически имеющего в настоящее время статус государственного достояния и символизирующего одну из форм понятия «латышскость».

В последние десятилетия актуализировались историко-этнографические исследования немецких и эстонских диаспор России, сформировавшихся в результате единого с латышами переселенческого потока. Они отражены в кандидатской диссертации Д.В. Григорьева «Немцы Башкортостана в конце XIX – XX в.» (Уфа, 2002), книгах А.В. Черных «Народы Пермского края: история и этнография» (Пермь, 2007), А.В. Черных и Д.И. Ваймана «Немецкие хутора Прикамья: история и традиционная культура в XX – начало XXI в.» (СПб., 2008), А.В. Черных, Т.Г. Голевой, С.А. Шевырина «Эстонцы в Пермском крае: очерки истории и этнографии» (СПб., 2010), монографии Р.Р. Садикова «Эстонцы на Южном Урале: историко-этнографические очерки» (Уфа, 2012). В них есть информация по истории образования хуторских хозяйств, приобретении переселенцами земельных участков.

Вышеприведенные публикации имеют источниковедческое и методологическое значение. Они устанавливают, что переселение латышей на Южный Урал началось в конце XIX – начале XX в., и в отличие от депортированных народов, вынужденных переселенцев, происходило, как правило, в рамках государственной политики Российской империи, носило добровольный характер. Подавляющее большинство латышей были безземельными крестьянами, которые переселялись в центральные губернии России, на Урал и в Сибирь в поисках «лучшей жизни», с целью приобретения земли и ведения крестьянского хозяйства. Этому

способствовало строительство Самаро-Златоустовской железной дороги (с вводом которой в крае сложился региональный рынок, ранее труднодоступные земли стали объектом рыночных отношений), политика государства, деятельность Крестьянского поземельного банка. Земли, прилегающие к железной дороге, стали скупаться выходцами из западных регионов страны – латышами, эстонцами, немцами, украинцами, белорусами. Новые переселенцы принесли с собой уникальный для внутренних регионов России уклад жизни и ведения хозяйства на хуторах. Историография накопила материалы об основании латышских колоний в Башкирии, формах хозяйствования, организации религиозной жизни, деятельности национально-культурных центров. Однако до сих пор не было работ обобщающего характера, характеризующих формирование и развитие этнической группы в целом. В связи с этим сформулированы цель и задачи исследования.

Целью исследования является выявление особенностей формирования и функционирования этнической группы латышей Башкортостана.

В соответствии с поставленной целью необходимо решение следующих **задач**:

- систематизировать сведения о заселении региона латышским населением, основании латышских селений, адаптации к местным условиям;
- реконструировать этническую историю и этнокультурные процессы в среде латышей Республики Башкортостан в хронологических рамках исследования;
- охарактеризовать этническую культуру латышской диаспоры.

Источники. Источниковая база состоит из комплекса неопубликованных и опубликованных материалов.

Неопубликованные материалы подразделяются на следующие:

- а) архивные: Центрального исторического архива Республики Башкортостан, Архива Управления ФСБ по Республике Башкортостан, Архива общественных объединений Республики Башкортостан, Архива

г. Златоуста Челябинской области, Архивных отделов Иглинского и Архангельского районов. Эти материалы дают информацию о времени формирования латышских хуторов в Уфимской губернии, численности, социальной структуре и уровне грамотности латышского населения, формах хозяйствования, религиозной идентичности, масштабах политических репрессий.

б) полевые материалы автора. Это основные источники, они собраны в 7 селениях Иглинского района (Балажи, Балтика, Ауструм, Кудеевка, Искра, Дубовка, Ясная поляна), Архангельского (М. Горький, Бакадино) и Стерлибашевского (Банковка), а также города Уфы. Основными информаторами стали 80 человек. Фото-базу составили снимки информаторов из семейных архивов, и сделанные диссертантом в ходе полевой работы (праздников «Лиго», домов, домашнего интерьера, хозяйств, предметов быта латышей, памятников на кладбищах с. Ауструм, М. Горький, Балтика и Ясная поляна);

в) материалы национально-культурного центра латышей Башкортостана «Максим Горький» (планы, отчеты, сценарии).

Опубликованные материалы, в том числе:

а) документы законодательной и исполнительной органов власти; материалы переписей населения, статистические данные,

б) публикации в периодических изданиях: «Уфимский сельскохозяйственный листок» за 1912–1917 гг., «Сельскохозяйственный листок Уфимского губернского земства» за 1908–1911 гг., «Вперед» за 1917 г. (орган Уфимского комитета РСДРП), «Известия» за 1919–1920 гг. (орган Уфимского губревкома), «Красная Башкирия» за 1930–1940 гг., «Сталинский путь» за 1939 г. (орган Иглинского райкома ВКП(б)), «Вестник Уфимского земства» за 1880 г., «Вперед» за 1940 г. (орган Архангельского райкома ВКП(б)), «Журналы Уфимской Городской Думы» за 1900 и 1905 гг., «Власть труда» за 1920 г. (орган Уфимского губкома ВКП(б)), «Молочно-маслодельная промышленность» за 1937 г., «Октябрь» за 1993 г. (орган

Миякинского исполкома райсовета), «Рабочее дело» за 1922 г. (орган Башкирского областного совета профессиональных союзов), «Башкирский край» за 1923 г. (орган Башэкосо, Башнаркомфина, Башнаркомзема, Башпрома), «Хозяйство Башкирии» за 1929 г. (орган Государственной плановой комиссии Башкирской АССР Республики) и др.

В качестве источников для характеристики хозяйственных занятий, одежды, обуви, интерьера жилища, музыкальной культуры латышей, привлечены экспонаты школьных музеев (Бакалдино, М. Горький). В свою очередь, в процессе работы над диссертацией попутно собирались экспонаты для Музея археологии и этнографии ИЭИ УНЦ РАН.

Методологическая основа исследования. Изучение истории и этнографии латышей Башкирии сопровождалось применением разных методологических подходов. Междисциплинарный подход (использование методологии истории, этнологии, археологии, религиоведения, культурологии, статистики) позволяет усилить достоверность и обоснованность выдвигаемых положений и выводов. Имманентный подход выявляет внутреннюю организацию этнической группы, а контекстуальный подход – влияние внешней среды, конкретных исторических обстоятельств.

Работа основана на принципах историзма, сравнительно-типологическом (обобщение и анализ обширного материала на синхронном и диахронном уровнях) и сравнительно-историческом (изучение этноса в процессе исторического развития) методах исследования. Использовались специальные методы полевой этнографии: опрос в форме интервью по заранее составленному вопроснику, простое и включенное наблюдение. Данные дополнялись и уточнялись в ходе интервью с последующими компетентными респондентами. С их согласия велась запись бесед на диктофон и фотографирование.

При написании диссертационного исследования использовались теоретические выводы и методологические приемы российских и зарубежных этнологов по теории этноса (С.М. Широкогоров, П.И. Кушнер,

С.А. Токарев, Н.Н. Чебоксаров, Ю.В. Бромлей, Л.Н. Гумилев¹) и диаспоры (D. Armstrong, R. Brubaker, R. Cohen, W. Safran, И.В. Арутюнян, С.А. Арутюнов, Л.М. Дробижева, В.А. Тишков, В.И. Дятлов, З.И. Левин, Т.В. Полоскова, В.Д. Попков, С.Я. Козлов, Ю.И. Семенов и др.)². Изучены проблемы международных миграций, освещенные независимым научным журналом «Диаспоры» (1999). Отличительными признаками диаспоры ученые называют дисперсность расселения, при которой община не имеет своей территориальной базы (Дж. Армстронг), «рассеянность» в регионах при обладании единым этническим сознанием, сохранением коллективной памяти о своей родине и стремлением туда вернуться (Р. Коэн), способность противостоять ассимиляции в новом обществе (З.И. Левин). Для диссертанта более приемлемым является определение диаспоры Ю.В. Арутюняна, Л.М. Дробижевой и А.А. Сусоколова как «части этнонации, живущей за пределами территории её самоопределения»³.

Диссертант опирался на методологическую установку Р.Г. Кузеева о том, что изучать глобальные тенденции этнических, социальных,

---

¹ Широкогоров С.М. Место этнографии среди наук и классификация этносов. Введение в курс этнографии Дальнего Востока, прочитанный в 1921–1922 году в Дальневосточном государственном университете. Владивосток: Свободная Россия, 1922; http://www.shirokogorov.ru/s-m-shirokogorov/publications/mesto_etnografii_sredi_nauk (дата обращения: 04.05.2014); Кушнер П.И. Этнические территории и этнические границы. М.: АН СССР, 1951; Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983; Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989; Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы, расы, культуры. 2-е изд. М., 1985; Токарев С.А. Этнография народов СССР. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958; Он же. Избранное: теоретические и историографические статьи по этнографии и религиям народов мира. М., 1999.

² Armstrong J.A. Mobilized and proletarian diasporas // *American political science review*. Wash., 1976. Vol. 70. No. 2. P. 393–408; Brubaker R. Accidental diasporas and external "homelands" in Central and Eastern Europe: Past a. present. Wien., 2000; Brubaker R. The "diaspora" // *Ethnic and racial studies*. N.Y., 2005. Vol. 28. No. 1. P. 1–19; Арутюнов С.А. Диаспора – это процесс // *Этнографическое обозрение*. М., 2000. № 2. С. 74–78; Арутюнов С.А., Козлов С.Я. Диаспоры: скрытая угроза или дополнительный ресурс // *Независ. газ*. М., 2005. 23 нояб.; Левин З.И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). М., 2001; Попков В.Д. "Классические" диаспоры: к вопросу о дефиниции термина // *Диаспоры*. М., 2002. № 1. С. 6–22; Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры // *Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв.* М., 2001. С. 9–44. Полоскова Т.В. Диаспора – самостоятельный игрок // *Независ. газ*. 8.05.2014; http://www.ng.ru/project/2002-04-10/7_diaspora.html (дата обращения: 08.05.2014) и др.

³ Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. *Этносоциология*. М., 1999. С. 36.

культурных, языковых, демографических процессов возможно лишь исходя из исследований регионов. Именно такой подход позволит «глубоко понять и адекватно объяснить движение мира, историю человечества и использовать новые знания для создания обновленного баланса, равновесия в сложных обществах»¹. Кроме того, «основным объектом исследования на макроуровне является не собственно этнос, а территория <...>, включающая конкретную совокупность этнических образований (находящихся во взаимодействии и в состоянии динамичного развития). На микроуровне объектом исследования являются подразделения этносов, в масштабе которых отчетливо прослеживаются результаты длительных межэтнических взаимодействий»². Общности менее 100 тыс. чел. ученым были названы малыми этническими группами (МЭГ). Они во многом определяют особенности историко-этнографических областей (ИЭО), особенно Волго-Уральской ИЭО³, на территории которой на протяжении веков проживают финно-угорские, тюркские, восточнославянские и другие народы. Опираясь на эту теорию, можно выделить уникальный историко-этнографический район (ИЭР) расселения латышей в современных Иглинском и Архангельском районах Республики Башкортостан.

В работе также использован опыт этнографического изучения диаспор регионов мира, например, российской диаспоры в странах СНГ и Балтии (Т.В. Полоскова), бурят в Монголии (О.С. Ринчинова), а также Республики Башкортостан: украинцев (В.Я. Бабенко), белорусов (Ф.Г. Галиева), эстонцев (Р.Р. Садиков), поляков (В.В. Латыпова), евреев (Э.А. Шкурко) и др.

Научная новизна. Впервые проведено комплексное исследование этнической группы латышей Республики Башкортостан. Получены новые сведения по истории переселения латышей на территорию республики,

---

¹ Кузеев Р.Г. Этнология в РБ вчера, сегодня и завтра (к итогам деятельности Отдела народов Урала с Музеем археологии и этнографии в 1991–1995 гг.) // Взаимодействие культур народов Урала. Уфа, 1999. С. 10–11.

² Там же. С. 14–15.

³ Кузеев Р.Г. Народы Южного Урала и Среднего Поволжья: этногенетический взгляд на историю. М.: Наука, 1992. С. 287–294.

формированию их этнической группы, адаптации к социально-политическим и местным природно-географическим условиям, функционированию в многоэтничном и многоконфессиональном социуме в условиях разных политических систем, в хронологических рамках с конца XIX в. до настоящего времени. Прослежена драматическая судьба людей, оказавшихся вдали от исторической родины, благодаря огромному трудолюбию и высокой грамотности создавших крепкие хозяйства, но ставшие заложниками успеха для советской власти, переживших насильственную ликвидацию хуторов и тотальные репрессии, ощутивших невозможность вернуться на родину и обреченность доживать и ассимилироваться в местной среде. Изучены сложные судьбы членов латышских семей, разбросанных по разным странам – в Латвии, России, Бразилии, США.

Обобщены, систематизированы и введены в научный оборот архивные источники: записи об актах гражданского состояния лютеранской церкви начала XX в., карточки всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по Уфимской губернии, отчеты латышских секций обкомов и райкомов партии 1920-х – 1930-х гг., архивно-следственные дела органов НКВД и КГБ за 1918–1954 гг., похозяйственные книги сельских поселений за 1946–1982 гг. и др. Архивные источники вкупе с полевыми материалами (письменные и устные воспоминания очевидцев, документы, письма, фотографии) позволили охарактеризовать не только историю, но и культуру этнической группы, в том числе: семейные и общественные обряды и праздники, декоративно-прикладное искусство, музыкальную и театральную культуру, народную медицину. Значительное место в работе уделено традиционной религии – лютеранству – как фактору сохранения этнокультурной идентичности. Показана роль латышей в хозяйственном развитии региона (новейшие для своего времени технологии земледелия, скотоводства, маслоделия), и влияние местных народов на современный этнокультурный облик латышей Башкортостана. Комплекс источников позволил на примере латышей Башкортостана рассмотреть этническую

диаспору как ресурс модернизации общества, выявить механизмы сохранения культурной идентичности, этапы жизненного цикла.

Практическая значимость. Результаты исследования уже оказывают помощь руководителям и специалистам органов государственного и местного управления, Министерства культуры и национальной политики, учреждений культуры, национально-культурных центров региона в решении вопросов, связанных с их деятельностью, возрождением национальных культур, прогнозированием этнокультурных процессов.

Материалы и выводы диссертационного исследования используются для лекционно-просветительской работы, при подготовке учебников, учебно-методической литературы по истории и культуре республики.

Положения, выносимые на защиту:

1. Латыши, несмотря на численную незначительность, сыграли важную роль в этнокультурном и хозяйственном развитии края.

2. В годы советской власти лишь часть латышей стала революционным элементом. Большинство латышских крестьян, исходя из собственных экономических интересов, боролось за сохранение общественно-политической системы.

3. Формирование общего слоя региональной культуры латышей и других народов Башкортостана стало залогом устойчивости их взаимоотношений, фактором стабилизации межэтнических отношений.

4. Несмотря на общие интеграционные процессы в советское время и взаимодействие с народами, отсутствие поддержки со стороны прежней родины, латыши сохранили идентичность и элементы этнической культуры. В последние годы ассимиляционные процессы усиливаются, что может привести к исчезновению латышской диаспоры в Башкортостане.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Содержание диссертации определяется комплексом опубликованных и неопубликованных источников. Введенные впервые в научный оборот материалы архивов подтверждаются собственными полевыми источниками,

собранными в 2010–2014 гг. во всех местах компактного расселения латышей в Республике Башкортостан. Сформулированные в диссертационном исследовании выводы соответствуют положениям известных российских этнографов. В качестве сравнительного материала использованы результаты исследования латышей Прикамья и Сибири, а также других европейских народов Урало-Поволжья – эстонцев, немцев, украинцев, белорусов. Основные положения диссертационного исследования нашли отражение в 11 публикациях общим объемом более 6,4 п. л., в том числе в трех изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ, и апробированы на различных научных – международных (2010–2014) и всероссийских (2008–2013) – конференциях.

Диссертационная работа обсуждена и рекомендована для представления к защите ученым советом ИЭИ УНЦ РАН от 06 мая 2014 г. (протокол № 5).

Глава 1

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ГРУППЫ ЛАТЫШЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ БАШКОРТОСТАНА (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.)

1.1. Причины и характер переселения

Причины миграций народов на башкирские земли различны. Расселение греков, болгар, отчасти немцев и евреев, было вынужденным, как следствие депортации. Целые русские деревни появлялись в результате переселения крепостных крестьян из губерний России. В большинстве случаев заселение региона происходило с середины XIX столетия в связи с отменой крепостного права и наличием здесь свободных необрабатываемых земель. В условиях нехватки рабочих рук крупные помещичьи хозяйства при посредстве Крестьянского банка продавали переселенцам земельные участки.

Массовому переселению латышей во внутренние губернии, в том числе – в Уфимскую, способствовали причины экономического характера. Основной являлось тяжелое положение латышских крестьян, связанное с их обезземеливанием. Как пишет Н.Н. Садофьева, на их прежней родине наблюдался «избыток рабочих рук в сельском хозяйстве и жестокий экономический гнёт немецкого дворянства на их прежней родине. <...>. Высокий уровень буржуазного аграрного развития, успешная капиталистическая перестройка дворянских экономий при выделении значительного слоя многоземельных крестьян сопровождалась формированием обширного слоя батраков и мелких арендаторов, положение которых было наихудшим именно в процветающих хозяйствах»¹. В середине

---

¹ Садофьева Н.Н. К вопросу о причинах переселения эстонских крестьян в Европейскую Россию // Река времени. Уфа, 2004. С. 93–95.

XIX в. половина прибалтийских крестьян стала безземельной. В конце века их доля превысила 2/3 сельского населения. В начале XX в. 600 тыс. крестьян вообще не имели земли¹.

На первом этапе переселение шло в близлежащие западные губернии страны – Витебскую, Петербургскую, Новгородскую и Псковскую. В дальнейшем, в связи с ростом цены на аренду и приобретение земли в собственность на указанных территориях, латыши стали переселяться в губернии центральной России, Поволжья, Урала и Сибири. Часть латышей Витебской, Самарской и Симбирской губерний устремилась в Уфимскую губернию, а те, кто не смог здесь обустроиться, – в Западную и Восточную Сибирь.

На рубеже XIX и XX вв. предложения о свободных землях давали крупные землевладельцы путем публикаций в газетах объявлений. По поручению Уфимского губернатора Н.М. Богдановича, в 1897 г. было проведено изучение переселенческого дела в Уфимской губернии с опубликованием результатов в серии изданий, посвященных каждому уезду². Накопленный переселенческий опыт получил положительную оценку, и было принято решение продолжить прежнюю политику. К переселению в Уфимскую губернию приглашали крестьян разных губерний, в том числе прибалтийских. О переселенцах в тот период много писалось в латышских газетах, таких как «Latviesu avizes» / «Латвиешу Авизес» («Латышская газета»), «Mājas Viesis» / «Маяс Виесис» («Гость дома»), «Dienas Lapa» / «Диенас Лапа» («Ежедневный листок») и др.³.

Притоку латышских переселенцев в Уфимскую губернию способствовали такие факторы, как дешевизна земли, льготы, представляемые переселенцам, а также окончание строительства Самаро-

---

¹ Бутулис И., Зунда А. История Латвии. ООО Jumava. Рига, 2010. С. 65.

² Абрютин В.А. Переселенцы и переселенческое дело в Уфимском уезде Уфимской губернии: отчет по командировке члена Уфимского губернского присутствия В.А. Абрютина. Уфа, 1898. С. 23.

³ Блинкена А.Ф. Латыши в Башкирской АССР // Этнические процессы в Башкирии в новое и новейшее время. Уфа. 1987. С. 90.

Златоустовской железной дороги. По опросам информаторов, их родители переселялись на башкирские земли разными путями, чаще – по железной дороге¹.

С 1 марта 1898 г. правительство существенно снизило тарифы на перевозку переселенцев и их клади. Стоимость проезда к новому месту жительства на одного человека была установлена в размере 1/4 стоимости пассажирского билета III класса против платы из расчета 3/10 коп. с человека на одну версту и в 1/100 коп. с пуда клади на одну версту, вместо прежнего тарифа 1/75 коп. Также переселенцы получали путевое пособие и пособие на обустройство по прибытию на место².

Фактором, способствовавшим выбору нового места расселения латышей, был природно-географический. Многие исследователи, например, Х.Ф. Усманов³, В.Я. Бабенко⁴, Н.В. Ремезов⁵ отмечают стремление переселенцев селиться в местах, наиболее подходящих для традиционной хозяйственной деятельности и похожих на их родину. Аналогичные выводы сделал В.А. Абрютин, в 1898 г. изучавший переселенческое дело в Уфимском и Белебеевском уездах. Все это в полной мере характерно и для латышских переселенцев. Природно-климатические условия Уфимской губернии существенно отличаются от Прибалтики более суровым климатом, но ландшафт ареалов их расселения – преимущественно восточная часть Уфимского и Стерлитамакского уездов – имеет много сходного. Волости их компактного проживания расположены на предгорной увалисто-волнистой равнине, изрезанной оврагами с большими лесными массивами. В

---

¹ Полевые материалы автора (далее – ПМА) 2010 г. Информатор А.И. Терещенко (Гартман) (1928 г. р.), пос. Кудеевка Иглинского р-на Республики Башкортостан (далее – РБ).

² Центральный исторический архив Республики Башкортостан (далее – ЦИА РБ). Ф. И-10. Оп. 1. Д. 2461. Л. 6.

³ Усманов Х.Ф. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период: 60–90-е годы XIX в. М.: Наука, 1981. С. 74–75.

⁴ Бабенко В.Я. Украинцы в Башкирской ССР. Поведение малой этнической группы в полиэтничной среде. Уфа, 1992. С.35.

⁵ Ремезов Н.В. Переселенческая эпопея // Очерки из жизни дикой Башкирии. М., 1889. С.17–18.

широколиственных лесах преобладают породы деревьев, характерные для Прибалтики – липа, клен, дуб, местами береза, осина. В предгорной части широколиственные леса переходят в смешанные. Имеются природные луга и пастбища, характерно обилие осадков.

Таким образом, основной причиной переселения латышей в Уфимскую губернию было обезземеливание крестьян прибалтийских губерний и наличие дешевых необрабатываемых свободных земель на Южном Урале. При выборе мест поселений имели значение природно-географические условия, схожие с местами прежнего расселения латышей.

1.2. Основание латышских селений

Из воспоминаний старожила Бакалдинской колонии Хуго Рукшана следует, что первыми из латышей, жившими в Уфимском и Стерлитамском уездах, были «углежоги Инзерского, Симского, Французского и других чугунно- и меднолитейных заводов, изгнанные из Родины». С его слов, на старом кладбище Бакалдинской колонии были могилы латышей, живших в тех местах задолго до приезда первых колонистов¹.

По результатам переписи 1865 г., которая впервые стала учитывать этнический состав населения, латышей, проживающих на территории Уфимской губернии, выявлено не было. Из выходцев Европы, проживавших в этот период в губернии, были учтены поляки, немцы и евреи. В 1880 г. известный Уфимский ученый и общественный деятель Н. Гурвич подготовил доклад под названием «Племенной состав Уфимской губернии и приблизительная численность его к 1878 году»². В данном исследовании информация о латышском населении также отсутствует. В отношении

---

¹ Рукшан Х., Аунс-Уралиетис А. Письма с земли детства. Верхние Татышлы, 2007. С. 25.

² Вестник Уфимского земства 1880 г. Т. IX. Уфа, 1880. С. 1–15.

поляков, немцев и евреев отмечена их незначительная численность, при этом «можно и в настоящее время с достоверной приближенностью принять цифры 1865 года, что составит максимум, в особенности относительно поляков, число которых в последние годы значительно убавилось»¹. Отсутствие сведений о проживании латышей в уфимской губернской статистике, вероятнее всего, связано с тем, что их количество было незначительным, чтобы упоминать их в числе других этносов.

Интересные заметки из жизни крестьянства Уфимской губернии оставил С.Р. Минцлов, русский писатель и библиограф, служивший в Уфимской губернии в 1910–1911 гг. земским начальником. Характеризуя племенной состав края, Минцлов цитирует высказывание редактора «Уфимского вестника» графа П.П. Толстого, который сравнивал Уфимскую губернию с Калифорнией: «Уфимская губерния – это в полном смысле слов Калифорния – совершенно неизвестная еще ни в археологическом, ни в этнографическом отношении. Жители – невообразимая смесь: и киргизы, и башкиры, и татары, и мордва, и чуваша, и русские»².

Первым переселенцем, а также организатором переселения латышей в Уфимскую губернию считается И.Я. Вейнберг, приехавший из Дзербене Лифляндской губернии³. По сведениям, опубликованным в газете «Маяс Виесис» в 1878 г., он приобрел земельный участок, на территории которого в настоящее время расположено село Ауструм Иглинского района⁴. Резюмируя неудачную попытку Вейнберга взять в долгосрочную аренду у башкир участок леса, Н.В.Ремезов пишет: «...как говорят, ездил уже на свою сторону в Лифляндию и там подговорил латышей к переселению в Уфимскую

¹ Вестник Уфимского земства 1880 г. Уфа, 1880. С. 5.

² Минцлов С.Р. Уфа. Дебри жизни. Дневник 1910–1915. Уфа, 1992. С. 11.

³ Šķilters, K. Latkoloniju vēsture. I. Izceļošana no Baltijas un koloniju pirmsākumi. Maskava, 1928. 65. lpp.

⁴ Габдрафиков И.М., Блинкена А.Я. Латыши // Народы Башкортостана: историко-этнографические очерки. Уфа, 2002. С. 419.

губернию. <...> Не знаю, приедут ли сюда латыши, а поездка Вейнберга не пропала даром»¹.

По инициативе Вейнберга в Уфимскую губернию приезжали не только безземельные переселенцы, были и зажиточные крестьяне: «Один из зажиточных хозяев из Дзербене Дамбис (Dambis), которого привез с собой Вейнбергс, купил 100 дес. земли и был одним из создателей села Ауструми»². Кроме дзербенцев приехали и переселенцы из Друсти (в настоящее время поселок и станция Цесисского края Латвии, этнографическая область Видземе), которые недолго были в Уфимской губернии. В 1888 г. в газете «Mājas Viesis», в № 41 появилась следующая информация: «Переселенцы из Друсти приехали вместе с нами. Каждый взял по 10 десятин земли. Поработав месяц, они собираются бросать топоры и ехать обратно в Видземе. Они ремесленники и не могут ждать, что земля даст прибыль только через год. Поэтому они продали свою одежду и голыми ушли назад»³.

Аналогичные сведения о первых переселенцах приводит Н.Ф. Смирнов: «Заселение происходило в промежуток времени 1881–1896 гг., инициатором его был И.Я. Вейнберг, который играл роль комиссионера между местным землевладельцем г. Заварицким и переселявшимися латышами»⁴.

Наиболее крупными латышскими поселениями, они же были самыми ранними по времени основания, в Уфимском уезде стали колонии Ауструм (Austrumu ciems), Балажи (Baložu ciems), Балтийская (Baltijas ciems), Дубовская (Ozolu ciems), Симбирская (Simbirskas ciems) и Цветаевская (Cvetajevas ciems).

---

¹ Ремезов Н.В. Очерки из жизни дикой Башкирии. Быль в сказочной стране. М., 1887. С. 94.

² Šķilters. Op. cit. 66. lpp.

³ Turpat. 67. lpp.

⁴ Смирнов Н.Ф. Хозяйство на латышских хуторах в Уфимской губернии. Уфа: Электрическая губернская типография, 1908. С. 3.

Даты основания колоний в различных источниках не совпадают или вообще отсутствуют, но можно считать, что наиболее ранние поселения образовались в конце 70-х – начале 80-х гг. XIX в. По всей видимости, это связано с тем, что переселенцы не сразу оформляли землю в собственность, какое-то время уходило у них на поиски подходящих участков, ведению переговоров с владельцами земли, созданию товариществ и т.д.

Например, Симбирскую, Ауструмскую, Балтийскую и Дубовскую колонии основали «переселенцы-крестьяне Остзейской губ.; в восьмидесяти годах переселились частью из Симбирской губ., частью с родины. Купили землю у владельцев Заварицкого и Зайцева отдельными участками, каждый двор по особой купчей. В общее владение товариществами земли приобретено от 12 до 20 десятин, с целью простроить на ней молитвенные дома и школы»¹.

Основанием Симбирской колонии указан 1892 г., когда переселилась 41 семья численностью 220 чел., в том числе 110 мужчин и 110 женщин². Н.Ф. Смирнов со слов старожилов приводит дату основания колонии Балажи – 1882 г. (см. Табл. 1). Участки переселенцами-латышами покупались у землевладельцев Малеева и Заварицкого, первоначально по 25 руб., потом по 30–40–80 и, наконец, в 1905 г. по 90 руб. за дес.³ Переселенцы-крестьяне из Лифляндской губернии Вольмарского уезда⁴ в 1886 г. купили у владельца Заварицкого 800 дес. по 20 руб. за дес. Крестьянский банк выдал ссуду по 5 руб. за дес., крестьяне уплатили наличными деньгами⁵.

---

¹ Абрютин В.А. Переселенцы и переселенческое дело в Уфимском уезде Уфимской губернии: отчет по командировке члена Уфимского губернского присутствия В.А. Абрютина. Уфа, 1898. С. 66.

² Там же.

³ Смирнов Н.Ф. Хозяйство на латышских хуторах в Уфимской губернии. Уфа: Электрическая губернская типография, 1908. С. 11.

⁴ Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. 1. Уфимский уезд. Оценочно-статистические материалы по данным местных исследований 1895–1896 годов. Уфа, 1898. С. 347.

⁵ Смирнов Н.Ф. Указ. соч. С. 11.

Переселение латышей в колонию Балажи

Год переселения	Количество дворов	Число жителей
до 1890	20	107
1890	1	3
1891	-	-
1892	5	32
1893	1	5
1894	2	9
1895	15	63
1896	4	11
1897	2	12
Итого	50	242, в. том числе 125 мужчин и 117 женщин

Источник: Абрютин В.А. Указ. соч. С. 68–69.

К 1897 г. здесь было 50 хозяйств с общей численностью 242 чел., что примерно соответствует данным переписи 1914 и 1917 гг. Из рассказа жителя д. Балажи Л.И. Гайлис, ее отец прибыл с родителями и братом в Уфимскую губернию из Вольмарского уезда. Они добирались по железной дороге, выбрали участок в колонии Балажи, а брат отца уехал дальше на поиски земли в Сибирь¹.

В конце XIX в. была основана Дубовская колония (см. Табл. 2):

Переселение латышей в Дубовскую колонию

Год переселения	Количество дворов	Число жителей
1894	21	106
1895	4	14
1896	3	13
Итого	28	133, в. том числе 68 мужчин и 65 женщин

Источник: Абрютин В.А. Указ. соч. С. 68–69.

Схожая ситуация наблюдалась в Балтийской колонии (см. Табл. 3). По сведениям К. Шкилтерса, «Латыши Балтийского колонии прибыли около

¹ ПМА – 2013 г. Информатор Л.И. Гайлис (1929 г. р.), д. Балажи Иглинского р-на РБ.

1885 г. из Смилтене и Рауна»¹ (в настоящее время – это центры одноименных краев исторической области Латвии Видземе).

Таблица 3

Переселение латышей в Балтийскую колонию

Год переселения	Количество дворов	Число жителей
до 1890	14	90
1890	5	25
1891	-	-
1892	2	9
1893	1	7
1894	3	15
1895	2	11
1896	1	1
1897	2	11
Итого	30	169, в том числе 83 мужчины и 86 женщин

Источник: Абрютин В.А. Указ. соч. С.68–69.

Переселение шло не только из Прибалтийских и внутренних губерний страны, присутствовала миграция и внутри края. Например, в № 29 «Mājas Viesis» за 1900 г. опубликована информация: «...ранее закупленной земли не хватает. Владельцы окружающих лесов начали брать плату за выпас скота в их лесах. Землю нужно покупать, но за десятину уже просят 100 рублей. Некоторым из Балажи и Балтии повезло купить земельные участки редко дешево – 23 рубля за десятину. На этой купленной земле 40 верст от Балажи, 20 верст от Балтии и 5 верст от железнодорожной станции Тавтиманово из примерно 12 хозяйств было создана Рижская колония (Rīgas ciems)².

В отличие от латышей Уфимского уезда, приобретающих участки в собственность у частных землевладельцев, переселившиеся в Стерлитамакский уезд обосновались на арендованных землях Удельного ведомства. В. Михайлов, в 1897 г. исследовавший переселенческое дело в Стерлитамакском уезде, отмечал: «В 1893–1894 гг. по распоряжению Удельного ведомства были приглашены в качестве арендаторов латыши до

¹ Šķilters. Op. cit. 68. lpp.

² Turpat. 70. lpp.

150 семей в приобретенное Уделом громадное лесное имение от графа Коссаковского»¹.

По переписи 1897 г., в Стерлитамакском уезде насчитывалось уже 385 латышских семей². В дальнейшем численность латышей продолжала расти. Как отмечал В. Краснайс, «Архангельская латышская колония получилась самой большой латышской колонией за пределами родины. Она длиной 30 км и шириной 25 км, включает 432 хозяйства»³. В связи с тем, что колония была очень большой, что создавало определенные неудобства в ее нормальном функционировании, «часть хозяев этой колонии подало прошение земскому начальнику об отделении их от общества Архангельского села. Разрешение было получено 29 декабря 1901 г., и так из одной большой Архангельской колонии были созданы две – Архангельская и Бакалдино»⁴.

Переселение латышей шло не только в губернии России, но и другие страны. Так, по сведениям, полученным от Бригиты Тамужа (Brigita Tamuža), председателя правления «Общества друзей латышей Бразилии»⁵, в период с 1903 г. по 1914 г. из Уфимской губернии в Бразилию переселилось 191 чел. В их числе была и семья Мартинсон (Martinsons) из Архангельской латышской колонии, которая прибыла в порт Сантос на корабле «Арагон» 23 июля 1913 г.; осели Мартинсоны в колонии «Новая Одесса». Алма Кронис (урожденная Мартинсон), в 1916 г. прислала родственникам в Уфимскую губернию фотографию своей семьи. Это фото в настоящее время хранится у М.А. Вецис⁶ (Фото 93). О родственниках, переселившихся в Канаду из Балажинской колонии, также рассказала В.К. Михельсон. Переселялись

---

¹ Михайлов В.П. Переселенцы и переселенческое дело в Стерлитамакском уезде Уфимской губернии: отчет по командировке члена Уфимского губернского присутствия В.П. Михайлова Уфа, 1897. С. 202.

² Там же.

³ Krasnais, V. Latviešu kolonijas. Rīga, 1938. 178. lpp.

⁴ Šķilters. Op. cit. 70. lpp.

⁵ «Brazīlijas latviešu draugu biedrība», г. Огре (Латвия).

⁶ ПМА – 2011 г. Информатор М.А. Вецис (1929 г. р.), с. Максим Горький Архангельского р-на РБ.

латыши из Уфимской губернии и в Канаду. По сообщению М.Г. Гулбис¹, брат ее дедушки Ян Гулбис с семьей переселились в Канаду из Симбирской колонии. До настоящего времени у информаторов хранятся фотографии, присланные из Канады в Уфимскую губернию (Фото 94).

Таким образом, основание латышских селений на территории Уфимской губернии, в первую очередь, Уфимского и Стерлитамакского уездов, проходило в конце XIX – первом десятилетии XX в., точнее – до 1918 г. В это время в целом завершилось формирование карты латышских поселений на территории Уфимской губернии. Н.Ф. Смирнов в 1908 г., описывая Ауструмскую и другие соседние с ней колонии, пишет: «Здесь, на пространстве 4500 дес., имеется до 270 латышских и белорусских небольших земельных владений, представляющих каждое обособленную, самостоятельную хозяйственную единицу – хутор².

Незначительная часть латышей добровольно здесь обосновалась в годы Первой Мировой и Гражданской войн, индустриализации и Великой Отечественной войны. Однако они обустроивались в городах или уже основанных селениях. Массового потока латышей в эти периоды не происходило. Депортаций латышского населения на территорию Башкирской АССР во времена сталинских репрессий также не проводилось.

Основной тип селения – хутора, объединенные в колонии, создал условия для успешного ведения хозяйства, выживания и адаптации латышей в новой среде, полноценного развития самобытной культуры в многоэтничном регионе. Этим же целям способствовала моноэтничность латышских селений в Башкирии с незначительным включением русских, белорусов, поляков, украинцев, – тех этносов, которые были хорошо знакомы латышам на прежней родине в качестве соседей. В волостях Уфимской губернии, где проживали латыши, финно-угорские и тюркские этносы составляли незначительное количество.

---

¹ ПМА – 2012 г. Информатор М.Г. Втюрина (1947 г. р.), с. Балажи Иглинского р-на РБ.

² Смирнов Н.Ф. Указ. соч. С. 3.

Рассмотрим этнический состав волостей с латышским населением Уфимского и Стерлитамакского уездов по результатам материалов Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по Башкирии (см. Табл. 4):

Таблица 4

**Этнический состав волостей компактного проживания латышей
Уфимского уезда Уфимской губернии (1917 г.)**

Народы	Волости									
	Свято-Троицкая		Иглинская		Охлебининская		Урман-Кудейская		Кальтовская	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Восточнославянские (русские, белорусы, украинцы)	1761	76,83	4746	4,09	649	92,52	310	2,11	230	0,4
Тюркские (башкиры, татары, чувашаи)	224	4,53	036	0,28	98	4,2	5312	43,87	365	5,3
Латыши	1260	8,23	564	2,83	288	3,08	280	2,31	86	1,25
Финно-угорские (марийцы, мордва)	-	-	4	0,02	-	-	164	1,36	163	2,37
Другие (немцы, поляки, литовцы, эстонцы, австрийцы, евреи)	63	0,41	552	2,78	13	0,14	42	0,3	47	0,68
Итого	5308	00%	9902	00%	348	00%	2108	00%	891	00%

Выборка произведена по таблицам книги: Роднов М.И. Крестьянство Уфимского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 1997.

Нами приведены данные пяти волостей Уфимского уезда – Свято-Троицкой, Иглинской, Охлебининской, Кальтовской и Урман-Кудейской. В первых четырех численность восточнославянских народов составляла от 74,09% до 92,52% населения. Только в Урман-Кудеевской волости

соотношение славянского и тюркского населения было примерно одинаковым, с незначительным, в 8,2%, превышением славянского населения.

Рассмотрим Стерлитамакский уезд Уфимской губернии (см. Табл. 5):

Таблица 5

**Этнический состав волостей компактного проживания латышей
Стерлитамакского уезда Уфимской губернии (1917 г.)**

Народы	Волости					
	Архангельская		Инзерская		Калкашевская	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Восточнославянские (русские, белорусы, украинцы)	11824	66,55	4024	41,89	3329	24,63
Тюркские (башкиры, чувашаи, татары)	2670	15,02	5377	55,97	8979	66,43
латыши	3144	17,7	197	2,05	83	0,61
Финно-угорские (мордва)	29	0,16	-		505	3,74
Другие (немцы, эстонцы, евреи)	101	0,57	9	0,0	621	4,59
Итого	17768	100%	9607	100%	13517	100%

Выборка произведена по таблицам книги: Роднов М.И. Крестьянство Стерлитамакского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 2010.

В Архангельской волости Стерлитамакского уезда славянское население составляло 66,55%, вторыми по численности были латыши 17,7%, немного превышая тюркские народы. В Инзерской волости латышей было незначительно, а славянского населения меньше тюркского. Только в Калкашевской волости с крайне малочисленным латышским населением превышение тюркских этносов было довольно ощутимым по сравнению со славянским.

Таким образом, приведенные данные с фотографической точностью подтверждают то, что латыши старались расселяться в уездах и волостях вместе с бывшими соседями на прежней родине, наиболее близкими к ним в

этнокультурном отношении – с русскими, белорусами, украинцами, эстонцами. Тюркское население – башкиры, татары – в ареалах расселения латышей было незначительно.

1.3. Ареалы расселения

По результатам переписи 1897 г., в Уфимской губернии проживало 3873 латышей, в основном в сельской местности – 3801 чел. (98,1%): в Уфимском, Стерлитамакском, Белебеевском, Бирском, Златоустовском уездах. Незначительная часть – 72 чел. – в городах, в т.ч. в Уфе – 61 чел., а также в Стерлитамаке, Мензелинске, Белебее, Бирске и Златоусте (см. Табл. 6):

Таблица 6

Распределение латышей по уездам Уфимской губернии по результатам переписи 1897 г.

Уезды Уфимской губернии	Число латышей	Уезды Уфимской губернии	Число латышей
Уфа	61	Мензелинск	3
Уфимский уезд	1597	Мензелинский уезд	-
Итого:	1658	Итого:	3
Стерлитамак	6	Бирск	-
Стерлитамакский уезд	1949	Бирский уезд	215
Итого:	1955	Итого	215
Белебей	-	Златоуст	2
Белебеевский уезд	36	Златоустовский уезд	4
Итого:	36	Итого:	6

Источник: Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. СПб., 1904. Т. XLV: Уфимская губерния. Тетрадь 2. С. VII.

Основной ареал расселения латышей Уфимской губернии составили хутора Уфимского и Стерлитамакского уездов, что соответствует компактному проживанию латышей до последнего времени. Также 215 чел. были зафиксированы в Бирском уезде, но уже через 20 лет, по результатам

сельскохозяйственной переписи 1917 г., их количество в этом уезде составляло лишь 7 чел.

В Белебеевском уезде в 1897 г. латышей было 36 чел., но в отчете по командировке В.А. Абрютина 1898 г., опубликованного в сборнике «Переселенцы и переселенческое дело в Белебеевском уезде Уфимской губернии», учтено 239 семей. Он пишет: «Значительная численность переселенцев из Курляндской губернии находит себе объяснение в том, что немало Курляндцев, бывших давними колонистами в Самарской губернии, перешли по соседству в Белебеевский уезд и затем привлекли к себе родичей из Остзейского края»¹. По результатам переписи 1917 г., в Зильдияровской волости Белебеевского уезда существовали Балтийский хутор с 15 семьями, общей численностью 83 чел., и Ореховский хутор – 3 семьи, 15 чел. После коллективизации 30-х гг. XX в. латышские поселения в районе перестали существовать.

Рассмотрим расселение латышей в Уфимской губернии по уездам, волостям и селениям по итогам сельскохозяйственной переписи 1917 г. В Уфимском уезде по численности латышских хозяйств и населения выделяются Иглинская, Охлебининская и Свято-Троицкая волости. В Иглинской волости Балтийской колонии в 44 хозяйствах проживало 210 чел., Симбирской – насчитывалось 42 хозяйства, 253 чел. В Охлебининской волости латыши компактно проживали в колонии Балажи – 50 хозяйств, 277 чел. В Свято-Троицкой волости крупными были Цветаевская колония – 206 хозяйств и 223 чел., Ауструмская колония – 106 хозяйств, 529 чел., Дубовская колония – 35 хозяйств, 177 чел., Рижская колония – 18 хозяйств, 113 чел. (см. Табл. 7):

---

¹ Переселенцы и переселенческое дело в Белебеевском уезде Уфимской губернии. Отчет о командировке члена Уфимского губернского присутствия В.А. Абрютина, составленный по поручению г. Уфимского губернатора К. М. Богдановича. Уфа, 1898. С. 17.

**Расселение латышей в сельской местности Уфимского уезда Уфимской губернии
по итогам сельскохозяйственной переписи 1917 г.**

Селение	Число хозяйств	Число жителей
Биш-Унгаровская волость		
Пристань Мешкова	1	1
Частновладельческое хоз-во	3	8
Благовещенская волость		
Благовещенский завод	2	7
Богородская волость		
Восточная слобода	4	13
Булгаковская волость		
Частновладельческое хоз-во	5	14
Дмитриевская волость		
Частновладельческое хоз-во	2	11
Иглинская волость		
Базилевка	1	5
Балтийская колония	44	210
Будинские хутора	5	42
Иглино	4	4
Иглино (станция)	2	5
Кубовские хутора	7	38
Позолотинские хутора	2	7
Симбирская колония	42	253
Казанская волость		
Школа огородничества и пчеловодства	1	5
Кальтовская волость		
Александровский 1-й	1	9
Кальтовка	1	1
Ново-Лугомовический	1	5
Ново-Петровские хутора	2	15
Ново-Петровское	1	9
Позолотинские хутора	4	25
Хутора 1-й Сергеевской колонии	4	22
Нагаевская волость		
Хутора при Каменном перевозе	2	11
Хутора при Елкибаево	8	38
Юрмаш		
	1	5
Охлебининская волость		
Балажи (колония)	50	277
Калнинская колония	1	5
Хутора при Балажи	3	6

Ново-Никольская волость		
Шубинский	1	11
Новоселовская волость		
Хутора	1	6
Осоргинская волость		
Хутор Шамгулова	1	4
Сафаровская волость		
Частновладельческое хоз-во	1	1
Свято-Троицкая волость		
Ауструмская колония	106	529
Дубовская колония	35	177
Зайцевские хутора	4	19
Ивановские хутора	2	7
Куликовская пристань	1	3
Куликовские хутора	2	11
Куприяновское 2-е товарищество	2	17
Ново-Троицкое (Свято-Троицкое)	2	9
Петровское 4-е (Ново-Петровское)	1	5
Преображенские хутора	1	6
Пыхановский	1	1
Раневская колония	4	31
Рижская колония	18	113
Северные хутора	8	55
Спасский	1	6
Тавтиманово	9	35
Хутора Ново-Восточные	5	13
Цветаевские хутора (Цветаевская колония)	36	223
Урман-Кудейская волость		
Аксаковские хутора	2	9
Ардегельские хутора	1	5
Ергазинские хутора	24	143
Имение Заварицкого	5	25
Ликсненская колония	12	69
Улу-Теляк (станция)	1	5
Улу-Теляк	1	4
Хутор Розе	3	14
Хутор Черезова	1	1
Хутора и пчельники	1	5
Шарыповская волость		
Частновладельческое хоз-во	5	19

Катав-Ивановская волость		
Запрудовка-Белорецкая при Катав-Ивановском заводе (станция)	1	3
Миньярская волость		
Миньяр	1	4
Симская волость		
Симский завод	1	4
Усть-Катавская волость		
Усть-Катавский завод	1	7
Итоги по уезду	506	2650

Выборка произведена по таблицам книги: Роднов М.И. Крестьянство Уфимского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 1997.

Самыми крупными в Уфимской губернии были Архангельская колония Стерлитамакского уезда – 325 хозяйств, 1775 чел., и Бакалдинская колония – 173 хозяйства, 955 чел. (см. Табл. 8):

Таблица 8

Расселение латышей в сельской местности Стерлитамакского уезда Уфимской губернии по итогам сельскохозяйственной переписи 1917 г.

Селение	Число хозяйств	Число жителей
Архангельская волость		
Архангельская Латышская колония (хутора)	325	1775
Архангельский завод	24	94
Бакалдинская колония (хутора)	173	955
Бейсово	2	12
Воробьевка	2	9
Ливановская колония (хутора)	11	56
Липовская колония (хутора)	17	89
Муллакаево (с хуторами)	1	10
Хутора Юрьевского товарищества	3	14
Хутора латышей близ Кизгов	6	30
Хутора (разные)	2	10
Хутора Роднинского товарищества	5	20
Хутора близ Зайтово	9	44
Частновлад. хоз.	4	17
Чик-Илга	1	2
Шальковский хутор	1	7

Дедовская волость		
Дедово	1	1
Инзерская волость		
Дмитриевский	1	6
Курто-Ключевское	1	4
Николаевские хутора	22	105
Хутора 1-го Сухояшинского тов-ва	1	8
Хутора на земле быв. Заварицкого	6	31
Хутор Логиновский	1	10
Хутора 3-го Сухояшинского тов-ва и др	3	17
Хутора Берзинского товарищества	3	16
Калкашевская волость		
Банковский	13	65
Барановский	2	8
Денисовка	1	10
Кармышевская волость		
Имение Падурова	1	1
Макаровская волость		
Верхние казармы	1	4
Мелеузовская волость		
Мелеуз	1	5
Ново-Егорьевка	1	5
Ново-Андреевская волость		
Частновлад. хоз.	1	2
Петровская волость		
Петровское	1	7
Частновлад. хоз.	1	5
Итоги по уезду	648	3354

Выборка произведена по таблицам книги: Роднов М.И. Крестьянство Стерлитамакского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 2010.

В Белебеевском уезде латыши компактно были представлены в Балтийском хуторе Зильдяровской волости – 15 хозяйств, 83 чел. (см. Табл. 9):

Расселение латышей в сельской местности Белебеевского уезда Уфимской губернии по итогам сельскохозяйственной переписи 1917 г.

Расселение	Число хозяйств	Число жителей
Альшеевская волость		
Будки и казармы ж.д.	1	3
Частновлад. хоз.	1	1
Богадинская волость		
Будки и казармы ж.д.	1	9
Зильдяровская волость		
Балтийский хутор	15	83
Ореховский хутор (выдел из Ново-Федоровки)	3	15
Казангуловская волость		
Давлеканово	6	28
Тюрюшевская волость		
Частновлад. хоз.	1	2
Итоги по уезду	27	138

Выборка произведена по таблицам книги: Роднов М.И. Материалы всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по Уфимской губернии (Белебеевский, Бирский и Уфимский уезды): [сайт] URL: <http://mrodnov.ru/index.php?Page=3&id=0> (дата обращения 26.03.2014).

В Златоустовском уезде латышское население было незначительным (см. Табл. 10):

Расселение латышей в сельской местности Златоустовского уезда Уфимской губернии по итогам сельскохозяйственной переписи 1917 г.

Селение	Число хозяйств	Число жителей
Айлинская 2- волость		
Никольский завод (чугоноплавильный)	2	5
Петропавловский завод	1	10
Месягутовская волость		
Месягутово	8	23
Саткинская волость		
Жукатау (станция)	1	3
Сатка	8	22
Старо-Белокатакская волость		
Новый Белокатай	1	7
Старый Белокатай	2	6

Усть-Икинская волость		
	1	3
Юрюзанская волость		
Юрюзанский завод	2	7
Итоги по уезду	26	86

Выборка произведена по таблицам книги: Роднов М.И. Крестьянство Златоустовского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 2002. С. 14–53.

Таким образом, по переписи 1917 г., в Уфимском уезде латышское население в количестве 2351 чел. проживало в 63 сельских населенных пунктах, в том числе в качестве работников в частновладельческих хозяйствах, на уральских заводах, пристанях, в отдельно стоящих хуторах, железнодорожных станциях. Но абсолютное большинство было расселено в условиях компактного проживания в колониях. Так, 1994 чел., или 84,8% , проживало в 9 колониях, которые находились в 4 волостях Уфимского уезда. В Свято-Троицкой волости располагались: Ауструмская, Дубовская, Рижская и Цветаевская колонии. В Иглинской волости: Балтийская и Симбирская. В Урман-Кудейской волости: Ликсненская колония и Ергазинские хутора. В Охлебининской волости – колония Балажу. В Стерлитамакаском уезде в это время проживало латышей 3454 чел. Самыми крупными колониями были Архангельская – численностью 1775 чел. и Бакалдинская – 995 чел.

Покажем динамику численности сельского латышского населения в Уфимской губернии, опираясь на данные переписей 1897, 1912 и 1917 гг. Из данных Таблицы 11 видно, что рост числа латышей в течение 15 лет, между переписями 1897г. и 1912 г., было незначительным. Оно составило всего 366 чел., что в большей степени соответствует естественному приросту и мало связано с внешними причинами, например с аграрной реформой П.А. Столыпина. На заметное увеличение числа латышских крестьян в Уфимской губернии оказала Первая мировая война.

В этот период в губернию хлынул поток беженцев с территорий, охваченных военными действиями. Наравне с беженцами других этносов,

стали прибывать и латыши. Толчком к движению латышей стало вторжение немцев в Курляндию в апреле 1915 г. Первые латышские беженцы появились в Уфе 20 мая 1915 г. Поток беженцев-латышей в губернию особенно усилился в середине июля и в начале августа¹.

Для работы с беженцами в Уфимской губернии был создан губернский совет, в уездах – уездные советы, на местах – различные мелкие районные организации (комитеты, попечительства и пр.). Неоценимую помощь в их расселении оказывали национальные организации, в том числе Уфимское «Латышское общество взаимопомощи». Кроме того, были созданы:

– «Балтийское латышское общество помощи пострадавшим от войны и переселенцам» (район деятельности – Иглинская волость Уфимского уезда);

– «Ауструмское латышское общество помощи пострадавшим от войны и переселенцам» (Свято-Троицкая волость Уфимского уезда);

– «Балажинское латышское общество помощи пострадавшим от войны и переселенцам» (Ногаевская волость Уфимского уезда);

– «Архангельско-Бакалдинское латышское общество помощи пострадавшим от войны и переселенцам» (Архангельская и Инзерская волости Стерлитамакского уезда);

– «Златоустовский латышский комитет по оказанию помощи беженцам» (г. Златоуст с уездом)².

К августу 1915 г. Уфимское «Латышское общество взаимопомощи» встретило свыше 400 латышей, небольшую часть из которых устроило на работу в Уфе, 20 чел. отправило на бумажную фабрику «Белый Ключ», несколько семей – на завод общества «Магнезит» в Сатку. Большинство беженцев расселилось в латышских колониях³. К февралю 1916 г. в

---

¹ [Б. а.] Отчет о деятельности земско-городской организации помощи беженцам. Уфа, 1915. С. 31.

² Там же. С. 30.

³ Рыбакин Мих. Сведения о беженцах // Уфимский сельскохозяйственный листок. 1915. № 21, авг. С. 36.

Уфимском уезде их проживало уже 1200 чел.¹. Количество латышей к 1917 г., во многом за счет беженцев, увеличилось на 2171 чел.

Таблица 11

**Количество латышей, проживающих в сельской местности
в Уфимской губернии по переписям 1897 г., 1912 г. и 1917 г.**

Уезды	1897г. (чел.)	1912г. (чел.)	1917г. (чел.)
Уфимский	1597	1950	2650
Белебеевский	36	94	141
Бирский	215	0	7
Златоустовский	4	0	86
Стерлитамакский	1949	2123	3454
Мензелинский	0	-	-
	3801	4167	6338

Источник: Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. СПб., 1904. Т. XLV: Уфимская губерния. Тетрадь 2. С. VII; Историко-статистические и экономические таблицы по Автономной Башкирской республике. Изд. Башнаркомзема. Уфа: Типо-литография Башпрома «Октяб. натиск», 1923. С. 22; Выборка из Таблиц 5–8.

Изменения административно-территориального устройства страны, произошедшие после 1917 г., результатом которых стало упразднение Уфимской губернии и образование Башкирской АССР, не оказывают существенного влияния на анализ статистических данных. Связано это с тем, что абсолютное большинство латышских поселений Уфимской губернии располагались на территориях, вошедших в состав Башкирской АССР (в настоящее время Республика Башкортостан). Количество латышей, проживающих в населенных пунктах, переданных в состав других регионов страны, незначительно. Так, на территории Мензелинского уезда, вошедшего в состав Татарской АССР, латыши не проживали. Численность латышского сельского населения волостей Уфимского и Златоустовского уездов (использованы данные сельскохозяйственной переписи 1917 г.), включенных в состав Челябинской области (Катав-Ивановская, Миньярская, Симская, Усть-Катавская, Саткинская, Юрюзанская), составила около 50 чел. или 0,8 % от общего числа сельских жителей латышей.

¹ [Б. а.] Расселение беженцев в губернии // Уфимский сельскохозяйственный листок. 1916. № 4, февр. С. 30.

С ноября 1922 г. до августа 1930 г. административно-территориальное устройство Башкирской республики имело кантонно-волостное деление. Было создано 8 кантонов, а большинство латышских поселений оказалось в Уфимском кантоне. Численность латышей в республике к 1920 г. составила 9396 чел., из которых 1374 чел. были городскими. Увеличение числа латышей продолжалось за счет притока беженцев также в период Гражданской войны (см. Табл. 12).

Таблица 12

Количество латышей в БАССР по переписи 1920 г.

Кантоны	Население	Число жителей
Уфимский	Городское	1246
	сельское	7129
	итого	8375
Аргаяшский	Городское	0
	сельское	3
	итого	3
Белебеевский	Городское	56
	сельское	468
	итого	524
Бирский	Городское	13
	сельское	51
	итого	64
Зилаирский	Городское	0
	сельское	7
	итого	7
Месягутовский	Городское	0
	сельское	12
	итого	12
Стерлитамакский	Городское	58
	сельское	352
	итого	410
Тамьян-Катайский	Городское	1
	сельское	0
	итого	1
Всего по Башреспублике	Городское	1374
	сельское	8022
	итого	9396

Источник: Историко-статистические и экономические таблицы по Автономной Башкирской республике. Изд. Башнаркомзема Уфа: Типо-литография Башпрома «Октябр. натиск», 1923. С. 11.

В дальнейшем происходит стабильное уменьшение численности латышей. Связано это с открывшейся возможностью возвращения беженцев и эвакуированных на родину. По данным переписи 1926 г., число латышей, проживающих в сельской местности, составило 6675 чел., и лишь 370 латышей проживало в городах, в основном – в Уфе¹.

Таким образом, основными ареалами проживания латышей стали хутора центральных (Уфимского и Стерлитамакского) уездов Уфимской губернии. Впоследствии некоторые хутора стали селами, либо население хуторов было переселено в близлежащие села, переселялось в города. Однако границы первоначального расселения латышей сохранились до настоящего времени – ныне это Иглинский и Архангельский районы Башкортостана. Росту численности латышей вплоть до 1930-х гг. способствовал естественный прирост населения и новые переселенцы из прибалтийских и внутренних губерний России.

1.4. Топонимика

Топонимика латышских селений отражает прежние места жительства: Балтийская, Рижская, Симбирская. Происхождение названия Ликсненской колонии скорее всего связано с названием волости на исторической родине переселенцев. Так, в дореволюционный период Ликсненская волость находилась в Двинском уезде Витебской губернии, в настоящее время – в Даугавпилском районе Латвии. Как известно, Даугавпилс является неофициальным центром Латгалии – этнографической области Латвии. Отсюда большая вероятность того, что жители Ликсненской колонии также могли быть и латгальцами.

---

¹ Национальный состав населения БАССР (Таблицы по данным переписи 1926 г.). Издание Государственной плановой комиссии Башкирской АССР Республики, Уфа, 1926. С. 4. .

Из общего числа колоний только 3 имели названия на латышском языке – это Ауструмская, Балажи и Ликсненская колонии. Так, Ауструмская – «austrumiem», в переводе с латышского – «восток», Балажи, «balodis» – «голуби». Происхождение этих топонимов доподлинно неизвестно, бытуют различные предположения. По поводу первого топонима А.И. Гартман, проживающая в поселке Кудеевка Иглинского района, высказывает предположение, что латышские переселенцы, прибыв по железной дороге на станцию Тавтиманово, направлялись далее в восточном направлении на земли, предназначенные к заселению. Из чего следует, что наименование колонии произошло от её местоположения относительно железнодорожной станции. Нам кажется, что это не совсем верно. Так, в подтверждающем свидетельстве Эдуарда Лизона от 30 сентября 1907 г. (Фото 67) местом прохождения обряда указано «austrumiemzema baznica», т.е. восточноземельская церковь, из чего можно предположить, что переселенцы воспринимали свою колонию как «латышские земли», находящиеся на востоке от их исторической родины.

О происхождении наименования колонии Балажи (Baložu ciems) М.И. Осис из с. Балажи рассказала, что латышей сравнивали с голубями (лат. balodis – голубь), которые прилетают весной на поля.

В документальных источниках конца XIX в. – первых десятилетий XX в. колонию Baložu ciems именовали как Балажу. Мы считаем, что это название не совсем верно, так как слово Baložu в латышском языке родительного падежа множественного числа используется в словосочетаниях, например: Baložu ciems, Baložu kolonija, Baložu viensētas (Баложинское поселение, Баложинская колония, Баложинские хутора). Местные жители (не латыши) стали называть это поселение так, как его произносили латыши, отбросив вторую половину фразы, но в таком усеченном виде это наименование должно звучать как Baloži т.е. Баложии. При этом во всех источниках сельское товарищество называлось Баложинским. Кроме того, в названии поселения допущена орфографическая

ошибка, во втором слого буква «о» была заменена на «а». В настоящее время это село Иглинского района республики, имеет название Балажи. Мы считаем целесообразным, рассказывая о Балажинской колонии в период до Октябрьской революции, называть ее Балажу, а далее – под названием Балажи. Названия других латышских колоний приведены так, как их называли на русском языке.

Происхождение названия деревни Банковка в Стерлитамакском уезде связывают с Крестьянским поземельным банком, при посредстве которого были куплены земли. Банковка, заселенная латышами и эстонцами, была единственным поселением, которая сразу стала деревней, так как земельные участки переселенцев находились несколько в стороне от усадеб хозяев. Топоним «Банковка» рассмотрен Р.Р. Садиковым в монографии «Эстонцы на Южном Урале» – от топонима Панга, мыса на острове Сааремаа¹.

Название Бакалдинской колонии, а в дальнейшем и села Бакалдино, до конца не изучено, имеется несколько версий. Бытует мнение, что от латышского слова «Вāка», в переводе на русский – маяк. Колхоз, основанный в 1930 г., назвали «Маяк». Историк и краевед Н.С. Гибет со слов местных жителей приводит несколько легенд. Согласно одной из них, латышские переселенцы, занимавшиеся вырубкой леса, обратили внимание на то, что местность, которую занимали их участки, представляет собой котловину, окруженную со всех сторон горами, по внешнему виду напоминавшую форму чайного бокала. Отсюда якобы произошло название Бакалдино². Вторая легенда также интересна, хотя тоже маловероятна. Рассказывают, что по дороге в сторону д. Валентиновка находится овраг, который в весеннюю пору так переполнялся водой, что мощный поток, устремлявшийся из него вниз по склону в сторону реки Инзер, представлял бурную, пенящуюся реку, которая на своем пути образовывала цепочку, состоящую как будто бы из

---

¹ Садиков Р.Р. Эстонцы на Южном Урале: историко-этнографические очерки. Уфа, 2012. С. 41.

² ПМА – 2011 г. Информатор Н.С. Гибет (1955 г. р.), с. Бакалдино Архангельского р-на РБ.

бокалов с кипящей водой¹. Есть и третья версия, более аргументированная, но также не бесспорная. В соответствии с ней, название имеет башкирское происхождение, и первоначально эта местность называлось Бакалды, что в переводе на русский язык означает «лягушачья местность». Также река Баса раньше называлась Бакасу – «лягушечья река», но со временем слог «ка» из названия выпал². Нам кажется, что первым латышским переселенцам башкирское название Бакалды было созвучно с латышским словом «Vāka», которое было для них в тот период очень символичным.

Деревня Ливановка в Стерлитамакском уезде первоначально называлась Ливония. Этот топоним местные жители связывают с названием исторической области в северо-восточной Прибалтике – Ливонией. Недалеко от Ливонии располагалась небольшая колония Самольня. Историю происхождения названия рассказал А. Аунс-Уралиетис, и связано оно было с тем, что переселенцы, на долю которых не хватило выделенной земли, самовольно заняли «свободные болотистые луга возле деревни Ирныкши»³. В последующем занятая ими земля была оставлена за переселенцами, а колония стала называться Самольней, т.е. искаженно от слова «самовольно».

Интересная версия топонима Ореховский в Белебеевском уезде. Из рассказа Э. Озола следует, что название «взято от слова Рекст (rieksts) в переводе с латышского – «орех». Название деревни Рекстовка для удобства произношения было изменено на Ореховка. Люди, носящие фамилию Рекст, впервые основали эту деревню»⁴.

До настоящего времени на топографических картах Иглинского и других районов республики сохранились названия, связанные с пребыванием здесь латышского населения. Возле д. Балажи Иглинского района имеется ручей Грасмана, гидроним назван по фамилии хозяина земли, где был исток

---

¹ ПМА – 2011 г. Информатор Н.С. Гибет (1955 г. р.), с. Бакалдино Архангельского р-на РБ.

² Информатор тот же.

³ Рукшан Х., Аунс-Уралиетис А. Указ. соч. С. 29.

⁴ Сафаров Т. Ореховка // Октябрь. Орган Миякинского исполкома райсовета. 1993. 19 июня.

и по чьей территории протекал ручей, а таково происхождение названий «Валова гора», «Выдрин хутор» и др. Многие названия местности не закреплены на картах, но используются как ориентиры местными жителями: «Первый Щепной», «хутор Осиса», «хутор Ринэ», «овраг Гегера».

Таким образом, многие названия латышских селений отражают имена первопоселенцев и места прежнего расселения латышей, со временем некоторые из них трансформировались на русский лад. Население пользуется не только официальными, но и народными топонимами и гидронимами.

1.5. Грамотность латышских переселенцев

Уровень грамотности латышских переселенцев был очень высоким, что показывает статистика по переписи 1897 г. (см. Табл. 13). Обучение латышских детей в возрасте до 9 лет велось в основном на родном языке. В возрасте от 10 до 19 лет юноши владели латышской и русской грамотой примерно одинаково: соответственно 49,3% и 42,5%. Девушки отдавали предпочтение родному языку, а не русскому: 67% и 26,2%. В возрасте от 20 до 29 лет знали русскую грамоту – 73% мужчин и 30,5% – женщин. Женщин, владеющих в этом возрасте латышской грамотой, было 65,7% и только 21,9% – мужчин.

В последующих возрастных группах доля людей, знающих русскую грамоту, постепенно снижается, при этом неуклонно возрастает количество тех, кто владел грамотой на родном языке. Так, в возрастной группе 60 лет и старше доля лиц, владеющих русской грамотой, была невелика и составляла у мужчин – 6,8%, а у женщин – 3,2%, при этом были грамотными на родном языке 82,5% мужчин и 84,8% – женщин.

**Распределение латышей по грамотности и возрастным группам
Уфимской губернии (1897 г.)**

Возраст	Муж.	Жен.	Знание русского языка				Знание др. языков				Образ. выше начал.	
			М.	%	Ж.	%	М	%	Ж.	%	М	Ж.
до 1	111	61	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
1–9	499	506	2	0,4	2	0,4	133	26,7	118	23,3	-	-
10–19	402	394	175	2,5	03	6,2	98	9,3	64	7,0	1	1
20–29	215	233	157	3,0	1	0,5	7	1,9	53	5,7	4	1
30–39	275	292	158	7,5	9	0,2	14	1,5	21	5,7	3	1
40–49	246	186	78	1,7	6	4,0	62	5,9	56	3,9	1	-
50–59 л	126	99	23	8,3	6	6,1	100	79,4	89	89,9	-	-
60 и старше	103	125	7	6,8	4	3,2	85	82,5	106	84,8	-	-
Всего	1977	1896	600	30,4	271	14,3	839	42,4	1107	58,4	9	2

Источник: Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. XLV: Уфимская губерния. Тетрадь 2. СПб., 1904. С. VII.

Анализ этих данных свидетельствует о том, что русской грамотой в своем большинстве владели молодые мужчины, которым в большей степени консолидировались в русскоговорящем пространстве для решения насущных жизненных вопросов. Женщины были заняты домашним хозяйством, вследствие чего необходимость знания русской грамматики была несколько ниже, чем у мужчин. Люди более старшего возраста обучались грамоте еще на исторической родине, где не было насущной необходимости знания русской грамоты, а также в связи с тем, что дела в хозяйстве уже вели более молодые члены семьи.

Сравним уровень грамотности латышей и русских (великороссов) Уфимской губернии по данным переписи 1897 г. в разных возрастных группах и по гендерному признаку (см. Табл. 14). Возможно, не совсем корректно сравнивать показатели грамотности русских и латышей, учитывая несопоставимую их численность и компактность проживания, но в

процентном отношении видно значительное отставание русского населения по степени грамотности. Максимальная грамотность у русских наблюдалась в возрастной группе 10–19 лет и была она не намного ниже, чем у латышей. Но уже в следующей возрастной группе 20–29 лет грамотность латышей почти в два раза выше у мужчин и в три раза у женщин. В последующих возрастных группах грамотность постепенно снижается и становится примерно равной в группе 50–59 лет. Русское население фактически не знало никакой грамоты, а у латышей в старших возрастных группах наблюдалась высокая степень грамотности на родном языке. Высокая степень грамотности латышей была зафиксирована и Всесоюзной переписью населения 1926 г.

Таблица 14

**Распределение великороссов и латышей Уфимской губернии
по грамотности на русском языке (1897 г.)**

Возраст	Грамотные на русском языке (великороссы) %		Грамотные на русском языке (латыши)	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
1-9 лет	4,5	2,0	0,4	0,4
10-19 лет	41,1	15,0	42,5	26,2
20-29 лет	37,8	11,1	73	30,5
30-39 лет	31,9	5,5	57,5	20,2
40-49 лет	26,3	5,7	31,7	14
50-59 лет	19,2	4,4	18,3	6,1
60 лет и старше	13,5	3,5	6,8	3,2

Источник: Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. XLV: Уфимская губерния. Тетрадь 2. СПб., 1904. С. VII.

В 1929 г. в журнале «Хозяйство Башкирии» опубликована статья Н.Н. Барсова «Грамотность основных народностей БАССР», в которой автор приводит анализ итогов переписи в разрезе этнической принадлежности населения республики в сравнении с общесоюзными показателями. Наибольшей грамотностью обладали представители западноевропейских этносов – евреи, эстонцы, латыши, поляки и немцы. Высокую грамотность евреев Н.Н. Барсов справедливо объясняет тем, что в большинстве они были городскими жителями. Естественно, в городах грамотность населения была

всегда выше сельской, но высокой грамотности евреев способствовали род их занятий и традиционные профессии. Высокая грамотность эстонцев и поляков связана с тем, что «с запада сюда, в первую очередь, являлись наиболее культурные элементы этого народа»¹. Данное суждение может быть справедливым только отчасти, учитывая время написания статьи уже в условиях советской власти. Большинство поляков, как и евреев, были городскими жителями с высоким процентом интеллигенции и ремесленников. Эстонцы же, как и латыши, и немцы, в абсолютном большинстве являлись лютеранами. А, как известно, принадлежность к лютеранской церкви способствовала грамоте хотя бы на начальном уровне в связи с необходимостью совершения религиозных обрядов. Латыши по степени грамотности в БАССР находились на третьем месте после евреев и эстонцев. Н.Н. Барсов сделал выводы о возрастной структуре колонистов, проживавших в Иглинской и Архангельской волостях, что в то время составляло 78% от всех латышей республики². Естественно, что с включением сюда городского населения этот процент мог быть выше. Н.Н. Барсов отмечает некоторое отставание грамотности латышей БАССР от общесоюзных показателей. Если в целом по СССР таковых было 745 на 1000 чел., то в БАССР – 704 чел. При этом он указывает на то, что в БАССР латыши были наиболее грамотными по сравнению с другими этносами в рабочем возрасте (15–59 лет): 946 чел на 1000 (94,6%)³.

Максимальные показатели, как у мужчин, так и у женщин, наблюдались у латышей 25–29 лет (98 и 96%)⁴. Как уже отмечалось, представители этой возрастной группы по переписи 1897 г. в основном были грамотными, но только на русском языке (73 и 30,5%), чуть больше мужчины, чем женщины, с коэффициентом 1,03. У русских этот коэффициент составлял уже 1,98 в

---

¹ Барсов Н.Н. Грамотность основных народностей БАССР // Хозяйство Башкирии. 1929. № 4–5. С. 205.

² Там же. С. 206.

³ Там же.

⁴ Там же.

пользу мужчин, а у татар – 1,78, в пользу женщин, у башкир – 2,37 в пользу мужчин, что говорит о крайне низкой на тот период грамотности башкирок.

Следует отметить высокую грамотность латышей на родном языке – 921 чел. на 1000 чел., или 92,1%, из которых 30% – только на латышском языке, а 62% – на латышском и русском языках. Аналогичные высокие показатели кроме русских были у мишарей – 955 чел. на 1000 чел., татар – 941 чел., немцев – 928 чел. Наименьшие – у белорусов – 8 чел. и украинцев – 26 чел. Противоположная картина была по степени грамотности на русском языке без знания родного или какого-либо другого языка. Так, на 1000 латышей приходилось 76 чел., владеющих только русским.

Грамотность латышей поддерживалась образованным в 1914 г. в Уфе «Уфимским латышским обществом взаимопомощи», председателем которого был Егерь Отто Петрович. Изучив хранящиеся в историческом архиве РБ протоколы заседаний правления общества за период с 4 февраля 1914 г. по 21 января 1915 г.,¹ для нас стало очевидным, что деятельность общества была направлена не столько на оказание материальной помощи латышам (рассматривался вопрос о создании ссудно-сберегательной кассы), сколько носила социально-культурный характер. Работа общества, с одной стороны, способствовала дальнейшей адаптации латышей в Уфимской губернии, а с другой, являясь одним из звеньев, связывавших их с исторической родиной, – помогал сохранению и развитию латышской духовной культуры и распространению в колониях передовых знаний. Так, силами общества была осуществлена подписка на периодические издания и книги, издаваемые в Латвии, создана библиотека. Проводились мероприятия по чтению в колониях бесплатных лекций по садоводству, домоводству, другим отраслям сельского хозяйства. В г. Уфе и в колониях прошли театральные спектакли на латышском языке, благотворительные музыкальные вечера и рождественские елки.

---

¹ ЦИА РБ. Ф. И-420. Оп. 1. Д. 1.

Таким образом, большая грамотность латышских переселенцев касалась мужчин и женщин разных возрастов. Более высоким коэффициентом обладали мужчины возрастной группы 25–29 лет. Они владели и русским, и родным языком, в то время как пожилые – большей частью родным.

1.6. Хозяйственная деятельность

С момента переселения на башкирские земли латыши прошли этап адаптации к местным условиям и внесли существенный вклад в народную экономику края, развитие земледелия и животноводства. Ремесленничество развивалось для внутрисемейного использования, либо для ближайших соседей и родственников. Изготавливали бондарные изделия, столярную и плетеную мебель, корзины, шили одежду, создавая уникальные произведения декоративно-прикладного искусства.

Животноводство, маслоделие. Особую актуальность имеет исследование молочного животноводства в связи с тем, что удовлетворение спроса населения в молоке и молочных продуктах было и остается проблемой государственного значения. Резкое сокращение в последние десятилетия поголовья скота и, как следствие – снижение производства молока привело к стойкой зависимости от импорта и ухудшению благосостояния сельских жителей. Республика Башкортостан не избежала негативных последствий развала коллективных хозяйств, тем не менее, она остается не только одним из немногих самообеспеченных молоком регионов страны, но и лидером по производству молока и молочной продукции в Российской Федерации. В Республике Башкортостан в 2010 г. произведено 2,2 млн. тонн молока, из которых 1,5 млн. дали малые формы хозяйствования, т.е. 68% объема. Данная пропорция объективно указывает на

необходимость дальнейшего развития фермерских хозяйств, производственной и сбытовой кооперации.

Потенциал республики далеко не исчерпан. Развивая и модернизируя сельское хозяйство и перерабатывающую промышленность, можно достигнуть совершенно иного уровня их развития. В этих условиях остаются актуальными исследования, связанные с проблемами становления и развития молочной отрасли, сохранения и использования опыта прежних лет. В данном разделе диссертации содержатся материалы по истории создания латышами молочных артелей в Уфимской губернии и их опыту ведения молочного животноводства, которое аккумулировало передовой опыт в разных видах хозяйственной деятельности.

Первые маслодельные артели в России появились в Вологодской, Новгородской, Ярославской, Тверской и Прибалтийских губерниях. Производство масла фактически до конца XIX в. оставалось кустарным промыслом и нередко происходило под руководством иностранных специалистов. Переход к промышленному производству стал возможным только после изобретения и массового распространения сепаратора, позволившего механизировать процесс отделения сливок от молока.

Строительство Самаро-Златоустовской железной дороги, а в дальнейшем и Транссибирской магистрали изменило экономические условия. Центр маслодельной промышленности России переместился в Сибирь. Только в Томской губернии в 1912 г. было 600 маслодельных артелей¹. О зажиточности членов маслоартелей говорит такой факт: «По данным за 1907 год 60% членов маслоартелей имело 4 и более коров»². Несколько позже, чем в Сибири, маслодельческие артели стали появляться в Уфимской губернии, где пионерами этого дела становятся латыши.

---

¹ [Б. а.] Отчет о деятельности Уфимской губернской земской управы по содействию кустарной промышленности за 1912 год. Уфа, 1913. С. 31.

² Сирик В.И. К двадцатилетию советской маслодельно-сыроваренной промышленности // Молочно-маслодельная промышленность. 1937. № 5. С. 3.

Вот как охарактеризовал хозяйство латышей начала XX в. один из авторов, подписавший свою статью двумя буквами «М.К.» (вероятно, это Михаил Красильников, начальник отдела статистики Уфимского губернского земства): «Переселившись в Уфимскую губернию, латыши принесли с собой улучшенные приемы хозяйства и поставили его сразу в таком виде, что скотоводство, а с ним и молочное дело стало главными его отраслями. На латышских полях появились невиданные дотоле посевы клевера, появился упитанный молочный скот, загудели сепараторы, и со станций Тавтиманово и Иглино в вагонах-ледниках в Россию и за границу стали отправлять уфимское масло»¹. Успех пришел не сразу, первое время латышские крестьяне в домашних условиях перерабатывали молоко в топленое масло. Выгода от такой переработки была очень незначительной, тем более, что в связи с отсутствием в этот период сепараторов сливки получали способом отстоя.

В дальнейшем в помощь домашней выработке стали распространяться сепараторы. С разведением большого количества скота росло и производство, крестьяне, имевшие 7–10 коров, пытались делать сливочное масло². Первоначально масло скупали перекупщики, а также продавали фирме братьев Крестовниковых в Ураково, где оно перетапливалось, и в таком виде поставлялось на рынки России. С ростом производства появлялись и новые рынки сбыта. Так, некоторое время масло приобретал скупщик, который отправлял его в г. Севастополь³. Цены на масло были невысокими из-за его низкого качества. Тем не менее, его производство было выгодным промыслом. Латыши понимали, что в домашних условиях сделать качественный продукт невозможно, тем более – организовать выгодный сбыт. В этот период в России наблюдался рост промышленного

---

¹ М.К. Учебный маслодельный завод Уфимского уездного земства // Уфимский сельскохозяйственный листок. 1908. № 10. С. 74.

² Абельтин А.А. Об условиях развития молочных артелей в Уфимской губернии в связи с их общей характеристикой. Уфа, 1914. С. 1.

³ Озолин П. Ауструмский маслодельный завод // Уфимский сельскохозяйственный листок. 1915. № 10. С. 20.

маслоделия. В некоторых губерниях оно находилось в руках частных маслоделов, скупающих молоко от крестьян за определенную цену круглый год. Естественно, скупщики молока устанавливали низкие цены 30–35 коп. за пуд, в редких случаях – 40–45 коп. В результате такой постановки дела большая часть прибыли от крестьянского хозяйства поступала в карман перекупщиков. Выходом из сложившейся ситуации становилось кооперация крестьянских хозяйств в артели.

С развитием маслодельного дела у латышей Сибири стало оживляться производство масла и в Уфимской губернии. Латышские переселенцы широко использовали опыт и традиции ведения хозяйства, применявшиеся в Прибалтийских губерниях. При создании первой в Уфимской губернии Ауструмской молочной артели ориентиром служили примеры других губерний страны, в частности маслозаводов Сибири, а также опыт создания производственно-сбытовых кооперативов на исторической родине. Так, И. Бутулис и А. Зунда отмечали, что «конкурентоспособности латышских крестьян помогало кооперативное движение. В 1914 году в Латвии действовало 860 различных крестьянских сельхозкооперативов, обществ и организаций...»¹.

Местными латышами была совершена поездка в г. Курган с целью ознакомления с маслоделием. Возвратившись, они открыли приемку масла, которое стали продавать через Челябинскую экспортную контору. Впоследствии в Ауструмскую колонию перебрался из Сибири маслодел по фамилии Кулан, который открыл свое производство. С целью контроля над качеством, он стал скупать сливки и сбивать масло на своем маслодельном заводе. Расчет производился после реализации масла, но со временем он дело прекратил, в связи с чем латыши Ауструмской колонии приступили к организации артели.

Так, в феврале 1905 г. в Ауструме (всего на один год позже Вологодской губернии) была создана первая в Уфимской губернии

---

¹ Озолин П. Указ. соч. С. 66.

маслодельная артель¹. Идея организации артели возникла среди крестьян без какой либо посторонней помощи, примером ему послужил опыт маслодельных заводов Сибири. Оборудование для завода было приобретено у Челябинской экспортной фирмы «Фиент», с продукцией которого латыши были ранее знакомы, приобретая принадлежности молочного хозяйства, сепараторы и др. Маслозавод был деревянным, состоял из трех комнат. Машины приводились в движение конным приводом. Для хранения масла имелся отдельно от завода ледник². Количество членов артели в разные годы менялось. При создании в нее входило более 100 членов с 600 коровами, в 1913 г. – 73 чел., имеющих 497 коров.

У каждого члена артели имелся собственный сепаратор. После каждой дойки молоко сепарировалось, и сливки немедленно охлаждались. Доставка сливок на завод производилась хуторянами три раза в неделю. Из свежих сливок готовили парижское масло, из остальных – голштинское и простое сливочное³. Также по отдельным заказам изготавливались пресованная сметана и творог⁴. С организацией артели сбыт масла был упорядочен, и цены стали более устойчивыми. Масло упаковывалось в буковые бочонки, обшитые чистой рогожей (3,5 пуд. веса) для отправки в город Ригу⁵. Откуда далее оно поставлялось в Лондон фирме С. Педж. В дальнейшем был найден более выгодный рынок сбыта, и масло в количестве более 3 тыс. пудов стало сбываться исключительно на южно-русском рынке⁶. Если до организации артели крестьяне получали 15 коп. за фунт масла, зимой несколько дороже, то уже в первый год существования артели – в среднем 23 коп. за 1 фунт, а в 1912 г. выручка составила уже 32,25 коп. за 1 фунт масла.

---

¹ Озолин П. Указ. соч.

² Иванов П.М., Груздев С.А. Массовое улучшение рогатого скота по общегубернскому плану. Уфа, 1913. С. 44.

³ Там же. С. 43.

⁴ [Б. а.] Отчет о мероприятиях по улучшению сельского хозяйства в 1913 году. Уфа, 1913. С. 123.

⁵ Смирнов Н.Ф. Хозяйство на латышских хуторах в Уфимской губернии. Уфа, 1908. С. 8.

⁶ [Б. а.] Отчет о мероприятиях по улучшению сельского хозяйства в 1913 году. Уфа, 1913. С. 181.

Открытие первой молочной артели в Аустромской колонии послужило наглядным примером, и ускорило развитие маслодельной промышленности в Уфимской губернии. Вслед за латышами, артели стали создаваться как в русских селениях, так и у других этносов. К 1912 г. в Уфимской губернии насчитывалось 14 молочных артелей, часть из которых со временем, вследствие экономических причин, прекратило свое существование. В 1920-е гг. маслозавод успешно работал в Архангельской колонии (Фото 12).

Передовые методы ведения хозяйства латышей перенимали местные жители, которые также стали селиться хуторами, разводить молочный скот, заниматься пчеловодством, выращивать кормовые культуры. Конечно, не просто было крестьянам, традиционно занимавшимся производством зерна, переходить на молочное животноводство. Низкая грамотность подавляющего большинства крестьян тормозила этот процесс. Имелись случаи нелепых предрассудков. Так, в марте 1907 г. Уфимское уездное земство в с. Ново-Троицкое создало учебный маслозавод, призванный передать опыт латышей русским крестьянам. Сначала население неохотно сдавало молоко, и даже появились слухи, что «Бог накажет, если молоко пропустить через машину, что коровы будут от этого портиться, подсыхать»¹.

Большую работу по продвижению передового опыта латышских хозяйств, а также распространению сельскохозяйственных знаний среди крестьянских масс проводили уездные земства. С этой целью проводились выставки, устраивались учебные маслодельные заводы, организовывались сельскохозяйственные курсы. В сентябре 1914 г. в с. Ново-Троицком Уфимского уезда проводилась выставка крупнорогатого скота Аустромского контрольного союза с целью ознакомить всех желающих с успехами многолетней работы латышей в области скотоводства.

Члены артелей (кооперативов) имели членские книжки, в которых учитывалось количество сданного молока или сливок, а также полученные

---

¹ М.К. Учебный маслодельный завод Уфимского уездного земства // Уфимский сельскохозяйственный листок. 1908. № 10. С. 75.

денежные суммы. Членская книжка Карла Гульбиса, крестьянина Симбирской колонии, заведенная в 1912 г. (№ 60), сохранилась у его потомков, которые в настоящее время проживают в с. Балтика Иглинского района республики. Бланк членской книжки отпечатан в типографии г. Курган, срок действия установлен в один год с разбивкой по месяцам. Учитывалась ежедневная сдача молока после утренней и вечерней дойки, а также полученные деньги. Маслодельный завод был частным, принадлежал Э.И. Маре. Примечательно, что на одной из страниц отпечатана подробная инструкция по дойке коров, по сдаче молока на завод, соблюдению гигиены. Начинается инструкция с таких фраз: «Чтобы получить дороже за молоко – нужно дороже продать масло. Чтобы дороже продать масло – нужно приготовить его хорошего качества. Чтобы приготовить хорошего качества масло – нужно, чтобы на завод доставлялось хорошее молоко». Далее следует текст инструкции, который заканчивается следующей фразой: «Вообще, как можно больше чистоты во всем. Чистота не соль, ею не пересолишь».

В зажиточных хозяйствах латышей, чей достаток был основан на молочном животноводстве, доминирующую роль играл крупнорогатый скот. В мае – июне 1911 г. Уфимское губернское земство провело выборочное исследование состояния крупного рогатого скота Свято-Троицкой волости Уфимского уезда. Исследования были проведены в 10 населенных пунктах и собраны сведения от 987 домохозяев¹. Наравне с другими селениями подверглись исследованию и хозяйства 11 латышских хуторов Ауструмской колонии. В результате подсчета наличного скота выяснилось, что больше всего дойных коров с общим количеством крупнорогатого скота было в латышских хозяйствах. Так, на один латышский хутор приходилось 9,27 дойных коров с общим количеством крупнорогатого скота 13,99 голов. Для сравнения: максимальное количество дойных коров в не латышских

---

¹ Иванов П.М. Материалы по исследованию крупного рогатого скота в крестьянских хозяйствах Уфимской губернии. Уфа, 1912. С. 1.

хозяйствах составляло: в починке Рязановский – 3,5 коровы, а минимальное – в починке Рождественский – 1,78 коровы.

Исследователи также произвели замеры коров местной породы и симментальской породы коров у латышей, в результате которых была выявлена огромная разница в размерах животных в пользу латышских коров. Живой вес коров у латышских крестьян был выше на 4 пуда веса коров из близлежащего села Ново-Троицкий, а годовая удоинность превысила на 121 пуд. Годовые удои коров Ауструмской колонии доходили до 200 пудов и выше¹.

Также были проведены исследования наличия сепараторов в хозяйствах и доходов от продажи масла. В каждом из 11 исследуемых хозяйств латышей имелся сепаратор, а средний доход от продажи масла составил 433 руб. 55 коп. Тут мы видим, что масло в латышских хозяйствах являлось товарной продукцией. Для сравнения: в починке Казанский на 17 хозяйств было 9 сепараторов и только 26 руб. 88 коп. получили от продажи масла, в Куршаковском на 25 хозяйств – 5 сепараторов и 16 руб. 08 коп. дохода, в починке Кузнецовский на 29 семей – 5 сепараторов, масло не продавали, использовали для внутрисемейного потребления².

Полеводство. Эффективное производство продукции животноводства было невозможно без создания прочной кормовой базы (Фото 15). Латыши Ауструмской колонии первыми в Уфимской губернии (в период с 1885–1890 гг.)³ начали заниматься травосеянием, которое со временем стало обретать промышленный характер. Сеяли тимофеевку, костер, вику, люцерну, эспарцет, основной же культурой являлся клевер (*āboliņš*), который первоначально сеяли исключительно на корм скоту. Семена выписывали из г. Риги⁴. В условиях Уфимской губернии посевы красного клевера оказались

¹ Озолин П. Указ. соч. С. 21.

² Там же. С. 22.

³ Орлов И.Л. Сельскохозяйственные районы БАССР // Хозяйство Башкирии. 1929. № 1. С.102.

⁴ Степанов А. О получении семян клевера // Уфимский сельскохозяйственный листок. 1914. № 7. С. 3.

наиболее выгодной сельскохозяйственной культурой, позволявшей не только иметь корм, достаточный для ведения молочного животноводства, но и получать существенный доход. Вслед за Ауструмской колонией травосеянием стали заниматься и остальные латышские хозяйства. О выгоды травосеяния говорит такой факт, что с естественных лугов в Уфимской губернии сена с одной десятины заготавливали в среднем 50 пудов, а с одной десятины посевных трав – вдвое больше и лучшего качества¹. Также необходимо учитывать, что клевер, являясь многолетним растением, освобождал латышских крестьян от ежегодных физических и финансовых затрат, связанных с его посевом, а также он существенно улучшал почву, что давало в последующем хорошие урожаи зерновых.

Вслед за латышами посадки клевера стали производить и крестьяне других этносов. Русские называли его «кашкой», башкиры «тукранбаш». Значительные посевы клевера появились в северной части Бирского уезда. Неудобства, связанные с приобретением семян, побудила латышей Стерлитамакского уезда произвести опыты по производству семян на месте, которые увенчались успехом. Полученные семена превосходили по качеству покупные, и их продажа также стала приносить значительную прибыль, что послужило дальнейшему развитию производства. Семена клевера стали приобретать фирмы, специализировавшиеся на продаже семян, а также Уфимская земская управа, производившая закуп семян для нужд местного населения.

Несколько позднее латышей Стерлитамакского уезда выращиванием семян занялись и латыши колоний Уфимского уезда. О масштабах производства семян красного клевера приводится в статье агронома К. Крылова: «Большинство латышских хозяйств занимается выращиванием

---

¹ Григорьев Ф. Посевы клевера // Уфимский сельскохозяйственный листок. 1914. № 31. С. 28.

клеверных семян, которые вагонами отправляются преимущественно в северные губернии»¹.

Наряду с травосеянием, в латышских хозяйствах широкое распространение получили посадки картофеля и корнеплодов. Корнеплоды давали колоссальные урожаи, достигающие при благоприятных условиях и надлежащем уходе до 3000 и более пудов с казенной десятины². Выращивали такие культуры, как морковь, свекла, турнепс и брюква. Но более значительные площади отводились под посадку кормовой свеклы и моркови, и это не случайно. Морковь и свекла являются наиболее ценными продуктами по своей питательности в сравнении с другими корнеплодами и использовались преимущественно при кормлении молочных коров, что позволяло значительно увеличивать их удои, особенно в осенне-зимний период, когда животных кормили сухими грубыми кормами. При кормлении корнеплодами использовали не только корни, но и ботву, которые осенью в свежем виде скармливали скоту. Наиболее питательными являются листья моркови, а также репы и свеклы. Включение в рацион животных свеклы и моркови положительно отразилось на качестве масла, конечного продукта латышского хозяйства. Масло становилось заметно мягче, нежнее и вкуснее, а при добавлении в рацион питания коров моркови – более вкусным, а масло приобретало красивый желтый цвет.

Анализ структуры посевов сельскохозяйственных культур, выращиваемых латышами, позволяет сделать вывод о наличии у них передового опыта ведения хозяйства и сельскохозяйственных знаний.

По исследованиям А.С. Бежковича³, в период работы экспедиции (1929 г.) в башкирском крае существовали четыре системы полеводства: переложная, трехпольная, четырехпольная, многопольная. Наиболее прогрессивная многопольная система полеводства была типична для

---

¹ Крылов К. К возделыванию красного клевера // Уфимский сельскохозяйственный листок. 1909. № 5. С. 3.

² Боголюбов Н.В. Кормовые корнеплоды. Уфа, 1913. С. 6.

³ Бежкович А.С. Этнические особенности земледелия у народов Башкирии // Археология и этнография Башкирии. Т. 5. Уфа, 1973. С. 61–93.

латышских и небольшой части белорусских хозяйств. В зафиксированной тенденции замены четырехполя многополем в белорусских и украинских хозяйствах прослеживается явное влияние латышей.

Размеры посевных площадей в хозяйствах также были наиболее высокими у латышей и белорусов. Орудия труда для полеводства у латышей менялись. Из опыта исследования земледелия у народов Башкирии, переселенцы привозили с собой привычные орудия труда, которые, будучи хорошо приспособленными к работе на прежней родине, часто оказывались непригодными в новых условиях и заменялись другими, более подходящими. Прежде всего, это справедливо для пахотных орудий. Иногда более совершенные с технической точки зрения орудия, например, заводские плуги, уступали место менее совершенным, но хорошо приспособленным к местным почвенным условиям орудиями кустарного изготовления. Такой случай произошел и с латышами, которые у себя на родине пахали заводскими плугами. Переселяясь в Башкирию, они взяли их с собой, но, убедившись в непригодности, особенно в лесной зоне, временно заменили косулями – орудиями местной ручной работы.

У латышей процесс подбора лучших, более приспособленных к местным условиям, пахотных орудий и замена ими старых за период между крестьянской реформой и коллективизацией деревни происходил в следующем порядке. Первый вариант: а) латышская соха; б) косуля; в) заводской плуг. Второй вариант: а) шведский плуг заводского изготовления; б) косуля; в) плуг заводского изготовления. Из приведенного выше порядка легко убедиться, что после окончания раскорчевки латышские крестьяне перешли к обработке земли с помощью заводских плугов. Как отмечал А.С. Бежкович, «только все латышские хозяйства и довольно большой процент белорусских и украинских хозяйств заменили косулю заводскими плугами»¹.

---

¹ Бежкович А.С. Указ. соч. С. 68.

Описывая способы сева, А.С. Бежкович отмечал, что «сеяли обычно вручную, только небольшое количество хозяйств – кулацкие – сеяло рядовыми, сошниковыми и дисковыми сеялками. Большинство имеющихся в то время сеялок приходилось на латышские хуторские хозяйства. Латыши на 70–80 % своих полей засеивали машинами»¹.

Для ручного сева у латышей чаще всего использовалось белорусская коробка, плетенная из ржаной соломы или лыка, под названием «сетиво» или «севалка». Это приспособление также использовалось другими народами, в частности русскими, украинцами, марицами. Латыши сеяли также из передника и полога; для этого концы полога связывали, насыпали в него семена и несли, надев на плечо.

Подбору и подготовке семян к посеву местные крестьяне не уделяли достаточного внимания. Большинство населения (около 60–70%) засеивало свои поля неотобранными, неочищенными и протравленными семенами. Латыши напротив, почти все в той или иной степени уделяли внимание этому вопросу: одни из них только очищали семена; другие очищали и протравливали; а третьи – подбирали лучшие семена, лучших сортов, очищали их и протравливали².

Заделка семян производилась на 95–97% крестьянскими боронами и только на 3–5% заводскими. Больше всего имелось заводских борон в латышских и белорусских хозяйствах. У русских, чувашей, мари и татар они являлись редкостью, а у башкир совсем не встречались³. В целом ряде населенных пунктов только около половины хозяйств были обеспечены этими орудиями. Однако, «встречались такие населенные пункты (колонии Дубровская⁴, Ауструмская, Балтийская, Симбирская, с. Загорское, Евгеньевское и пр.), где почти все хозяйства имели бороны. Как видим из приведенного перечня, в основном это латышские колонии. Некоторые

---

¹ Бежкович А.С. Указ. соч. С. 69.

² Там же. С. 70.

³ Там же. С. 71.

⁴ По всей видимости, в названии колонии опечатка, правильно – Дубовская.

латышские, белорусские и украинские хозяйства укатывали посевы, употребляя специальные деревянные катки кустарной работы из вяза, дуба, липы и других деревьев – округленное бревно длиной около 2 м и диаметром 35–40 см, к которому прилажен станок и дышло или оглобли для запряжки лошадей. Реже встречались и другие типы¹. Только в латышских хозяйствах ввели в практику боронование озимых весной. Бороновали в тех случаях, когда после сильного весеннего дождя и последовавшего вскоре за ним суховея образовывалась корка, мешавшая свободному развитию растений².

По интенсивности применения навоза как главного органического удобрения в крестьянских хозяйствах Башкирии А.С. Бежкович отнес латышей, а также и белорусов, к первой группе из пяти: в их хозяйствах навоз использовался на 100%, другие этносы – в меньших размерах, а башкиры совсем не применяли, выбрасывая его в овраги³.

Прополочные работы производились как руками, так и при помощи мотыг. Картофель окучивали сохой типа «чертухи», «лишь некоторые латышские и белорусские крестьяне применяли для этой цели специальные пропашники заводского изготовления»⁴. Междурядья корнеплодов (свекла, морковь, турнепс) в большинстве латышских хозяйств пропалывали ручными окучниками «планет».

В качестве изгороди для пашни или выгонов скота (как и для усадеб) латыши, как и другие народы, чаще всего использовали жерди.

К 1929 г. латыши свой старинный способ уборки хлеба – маленькой латышской косой и такими же граблями – уже заменили жнейками – самоскидками. Латышские хозяйства являлись наиболее механизированными: так в Архангельской волости в их руках было сосредоточено 85% жнеек и только 15% находилось у белорусов, украинцев и русских. Такая же картина наблюдалась и в других волостях. Наличие

---

¹ Бежкович А.С. Указ. соч. С. 72–73.

² Там же. С. 73–74.

³ Там же. С. 74–75.

⁴ Там же.

большого количества жатвенных машин у латышей А.С. Бежкович объясняет экономическими причинами, так как у латышей «был наиболее высокий удельный вес кулацких хозяйств (58,8%)»¹.

Обладая передовой сельскохозяйственной культурой, латыши, тем не менее, активно перенимали земледельческие традиции у своих соседей, например, способы хранения хлеба на поле. Был заимствован русский способ складывания снопов в «бабки» для сырого хлеба («суслоны», «поставушки» и др.), когда один сноп ставят вертикально, а к нему прислоняют под небольшим углом еще восемь снопов, а последним десятым, обращенным колосьями вниз, покрывали бабку как шляпой. Латыши этот способ складывания снопов называли «студи» и «губас»². На гумне снопы клали в закрытые помещения – сараи («клуни»).

В латышских хозяйствах для молотьбы хлеба более широко, чем у других этносов использовались молотилки. А.С. Бежкович по этому поводу пишет: «Латышские хозяйства, за ничтожным исключением, обмолачивали свой хлеб молотилками; рожь цепями они молотили только в том случае, когда солома нужна была для крыши. Молотили цепями или же своими деревянными катками – рулис (gullis) – также лен и гречиху. Этим же катком молотили и клевер»³. Вейлками также латыши были обеспечены лучше, чем другие этносы. Для сравнения: если у латышей на одну вейлку приходилось 1,2 хозяйства, то у белорусов и украинцев – 3,1, у русских – 6, у татар, чувашей, мари – 8,1, у башкир – 18,7, а в некоторых пунктах – 30 хозяйств.

Причина высокого благосостояния латышей объяснялась трудолюбием, профессионализмом, высокой грамотностью. Так, на съезде «Сельских хозяев», который прошел в г. Уфе в июне 1914 г., один из крестьянских делегатов К.М. Старков отмечал: «Мы живем рядом с латышами, учимся от них хозяйствовать. К сожалению, должен сказать, что у русских пока ничего не выходит; и выделка масла и сам скот похуже. ... Причина этого

---

¹ Бежкович А.С. Указ. соч. С. 80.

² Там же. С. 81.

³ Там же. С. 87.

заключается в том, что латыши культурнее нас. Они выписывают газеты, читают сельскохозяйственные книги и часто обращаются за советом к агрономам»¹.

В период после Октябрьской революции до образования коллективных хозяйств крестьянская производственная и сбытовая кооперация продолжала существовать. Гражданская война и последовавшая за ней разруха не могли не повлиять на снижение объемов производства и сбыт масла. Не способствовало развитию отрасли в этот период и отношение государства к частным предпринимателям. В условиях дефицита основных продуктов питания, государство обязывало реализовывать продукцию заготовительным организациям по твердым ценам, что естественно было не выгодно производителю. Значительно сократился рынок сбыта. Так, в случае невыполнения установленного задания по сдаче масла государству его реализация на рынке по повышенным ценам приравнивалось к спекуляции. В 1919 г. объемы производства в Ауструмской маслодельной артели сократились в 8 раз в сравнении с дореволюционным периодом. Было произведено всего 356 пудов масла, из которых продано (по твердым ценам) Уфимскому губпродкому 202 пуда².

После проведения массовой коллективизации, маслоделием занимаются колхозные и государственные предприятия. Естественно, что переход отрасли в собственность социалистических кооперативов и государства не всегда оказывал положительное влияние на ее развитие. Тем не менее, колхозы с преобладающим латышским населением оставались лидерами молочного животноводства. Латышские крестьяне и после коллективизации продолжали отличаться трудолюбием и профессиональным отношением к труду. История становления и развития латышских колхозов требует отдельного изучения. Приведем только два характерных примера из

---

¹ [Б. а.] Съезд сельских хозяев // Уфимский сельскохозяйственный листок. 1914. С. 44.

² П. О-н. Ауструмская молочная артель // Известия Уфимского губернского революционного комитета. 1920. 13 февр.

жизни латышских колхозников. В 30-е гг. прошлого столетия широкую известность получили рекорды доярок колхозов им. П. Стучка и «Маяк» Архангельского района республики Доры Бите и Леонтины Зельдер, которые надаивали с одной коровы свыше 4000 л молока. Имели место успехи телятницы колхоза «Маяк» Анны Браже, работавшей на ферме по разведению племенного бестужевского скота. Эти латышские колхозницы, а также многие другие, были удостоены высших правительственных наград. Продолжили работу и маслозаводы, ставшие уже колхозными.

Хозяйственные преимущества латышей остро проявились в годы голода. Как известно, по различным причинам, как климатическим, так и социально-политическим, были годы, когда часть населения страны голодала. Так В. Краснайс отмечал, что «в 1911 году, когда в Уфимской губернии был неурожай и в некоторых местах даже был голод, латышей это не затронуло, не хватало только кормов»¹. Страшный голод в 1921–1922 гг. охвативший Поволжье и другие регионы страны не обошел стороной и Уфимскую губернию². Смертность достигала невиданных размеров. В мае 1922 г. в горных районах края голодало до 97% населения³. В губернской газете «Власть труда» в заметке «Ужасы голода» приводятся сведения о 66928 случаях смерти только за второе полугодие 1921 г., при этом делается оговорка, что приведенные данные меньше действительных на 8–10%⁴. Сильнее всего страдало коренное башкирское население, связано это было с неразвитостью сельского хозяйства, отсутствием традиций огородничества. В наименьшей степени, в сравнении с другими этносами, пострадали латыши, благополучие которых основывалось на молочном животноводстве, требующего развитой кормовой базы. В этот период особое внимание

---

¹ Krasnais V. Op. cit. 175. lpp.

² В июне 1922 г. с образованием Башкирской республики перестала существовать Уфимская губерния.

³ А.Б. Голод в Башкирии // Рабочее дело. Орган Башкирского областного совета профессиональных союзов. 1922. 28 июля.

⁴ [Б. а.] Ужасы голода // Власть труда. Орган Уфимского губкома ВКП(б). 1922. 25 февр.

латышские колонисты (и другие переселенцы с запада страны) уделяли выращиванию корнеплодов и картофеля. Латыши и белорусы (в Иглинской волости белорусов называли «хохлами») одними из первых начали культивировать скороспелые сорта картофеля¹. Злаковые культуры, наиболее сильно пострадавшие от засухи 1921 г., не имели для латышских крестьян принципиального значения, так как их сев производился в небольших объемах для внутривоспроизводительного потребления. Население края за неимением хлеба истребило не только весь домашний скот (и даже кошек и собак), но и весь семенной запас. Например, в Бромской волости Уфимского уезда семенного картофеля «не осталось ни у кого, кроме латышских колонистов»². А.Я. Лейнасар из Банковской колонии вспоминала, как на латышские хутора приходили люди в поисках продуктов питания, которые пытались получить в обмен на вещи или просто из милостыни. Для последних в доме всегда стояло ведро с картошкой, которую давали понемногу просящим, но так как таковых было много, чаще всего им доставалось лишь по одной картофелине³.

Об имевшихся у латышей запасах картофеля говорит такой факт, что латышский крестьянин по фамилии Выдрин из Балажинской колонии осенью 1922 г., не успев выгодно продать картофель прошлогоднего урожая в объеме около 300 пудов, не стал отдавать его по низкой цене, а просто ссыпал в овраг⁴.

Латыши сумели сохранить не только семенной материал, но и домашний скот. На Первой Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке, проходившей в августе 1923 г. в г. Москве, от Башкирской республики было представлено 10 голов

---

¹ [Б. а.] Готовятся к посевкампании // Власть труда. Орган Уфимского губкома ВКП(б). 1922. 25 февр.

² Там же.

³ ПМА – 2013 г. Из домашнего архива Муровых, д. Банковка Стерлибашевского р-на РБ.

⁴ Михнес. Свободно распорядился излишками // Власть труда. Орган Уфимского губкома ВКП(б). 1922. 1 нояб.

крупнорогатого скота, из которых 4 коровы были метисы бестужевской породы из латышских крестьянских хозяйств Архангельского района Уфимского кантона. Рассматривалась возможность демонстрации на выставке и породистой латышской овцы, но от этого начинания пришлось отказаться в связи с ограниченностью количества мест для скота в выставочных павильонах¹.

Латышские крестьяне всегда серьезно относились к продуктивности молочного скота. В этом им оказывало помощь и Уфимское губернское земство, которое в 1911–1912 гг. воспользовалось племенным Бестужевским скотом для массового улучшения местного латышского скота, получив при этом прекрасные результаты метисации. В результате от коровы метисной латышские хозяйства получали в среднем 5–6 пудов сливочного масла за год².

Традиция содержания племенного скота в латышских хозяйствах сохранялась и последующие годы (Фото 11). Так, латышские крестьяне в обмен на племенного теленка отдавали дойную корову в придачу с ее теленком. Считалось, что в зимний период корова должна давать не менее 13 л молока в сутки. Если корова давала меньше, ее старались заменить³.

Несомненно, в становлении и развитии маслоделия в Уфимской губернии, а затем и Башкортостана, большую роль сыграли латышские переселенцы, которые привнесли в регион передовые методы ведения хозяйства, быстрее других модернизировали и механизировали труд, оптимизировали его в местных природно-географических условиях. Изучение опыта ведения хозяйства в условиях латышских колоний, в которых представлен весь цикл производства от посева разнообразных питательных трав для производства высококачественного масла с соблюдением всех санитарных условий до его реализации на рынке,

---

¹ Терещенко Х. Каких с. хозяйственных животных выставит на Всероссийскую с.хоз. выставку Башреспублика // Башкирский край. 1923. 22 мая.

² Там же.

³ ПМА – 2013 г. Информатор А.И. Эглит (1939 г.р.), г. Аша Челябинской обл.

показывает перспективность в современных условиях развития частных фермерских хозяйств.

Пчеловодство. Латышские переселенцы внесли существенный вклад и в развитие рамочного пчеловодства. Заслуживает особого внимания деятельность И.Я. Вейнберга, инициатора переселения латышей на Южный Урал, его вклад в экономическое развитие региона. Он был не только посредником между приезжими латышами и местными землевладельцами, но занимался и предпринимательской деятельностью, пчеловодством и лесным промыслом. Последние в тот период были достаточно развиты в Уфимской губернии – изготовление колес, саней и других изделий из дерева, в значительных объемах, поставляемых в Сибирь¹ и на юг России. Н.В. Ремезов характеризует Вейнберга как немца из Лифляндии, приехавшего в Башкирию заработать деньги и заботящегося больше о личной выгоде. Он пишет о неудачной попытке взять в аренду башкирские леса, чтобы «делать дубовую доску и поставлять ее в степи на винокуренные заводы Поклевского»². В советский период эту версию в своей книге повторил Р.Ш. Вахитов³. Но еще в 1900 г. известный уфимский пчеловод А.А. Юрьев, хорошо знавший Вейнберга лично, дает ему несколько иную оценку: «лесопромышленники Куликовы в 75 г. (XIX в. – Е. Чегодаев.) имели 2000 колод пчел, в 78 г. у землевладельца А.М. Юрьева была пасека в 300 семей, а в 79 году недалеко от устья р. Лемезы начал свое специальное пчеловодство И.Я. Вейнберг. К сожалению, начинания этих лиц после неурожая меда в 81 г. были заброшены и забыты в пылу лесорубочной горячки. Громадный спрос на дубовую клепку под керосин вызвал тогда

---

¹ [Б. а.] Отчет о деятельности Уфимской губернской земской управы по содействию кустарной промышленности за 1912 год. Уфа, 1913. С. 28.

² Ремезов Н.В. Цивилизованный кулак // Очерки из жизни дикой Башкирии. Быль в сказочной стране. М., 1887. С. 90–94.

³ Вахитов Р. Пчелы и люди. Записки башкирского пчеловода. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1992. С. 196–199.

азартное уничтожение старого дуба, а вместе с этим рухнуло окончательно бортевое пчеловодство»¹.

Но не как лесопромышленник остался в истории региона Вейнберг, известность он получил своей пчеловодческой деятельностью. Уфимская губерния традиционно славилась медом, башкиры с давних времен занимались бортевым пчеловодством, позже, после вырубки значительного количества леса, создаются колодные пасеки. Рамочное пчеловодство как более затратное, требующее особых навыков, наличия специального инвентаря и использования искусственной вошины длительное время не получало развития, а предпринимавшиеся попытки его организации не имели успеха. Прорывом в данном направлении стала пасека, устроенная Вейнбергом в 1878 г. в Уфимском уезде. Эта была первая на Урале рамочная пасека². О своем опыте он написал в 1882 г. в «Трудах вольного экономического общества» в статье под названием «Из Уфимского края»: «Пчельник мой состоит <...> из 12 пеньковых дубовых толстых зимовников (колод. – *Е.Ч.*) и 131 улья в ящиках разных систем, преимущественно лежаков системы Дате, а к будущему году изготавливается 44-хместный павильон системы Берлепша, да кроме того еще – ящики, так что пчельник составит из 230 ящиков и 62 пеньков»³.

В 1880 г. Вейнберг пробовал соорудить и гигантский улей по системе американца Ганемана⁴. Как видим, в то время пасека Вейнберга была в стадии становления и эксперимента, Вейнберг изучал опыт других пчеловодов, искал не только оптимальную модель ульев, но и передовые методы пчеловодства, соответствующие местным условиям. Был им налажен и выпуск искусственной вошины. Но и у Вейнберга не все шло гладко.

---

¹ Юрьев А.А. Отчет по исследованию состояния пчеловодства Уфимской губернии летом 1900 года. Уфа, 1900. С. 15.

² А.Ю. Пчеловодство в лесах Уфимской губернии // Уфимский сельскохозяйственный листок. 1911. № 4, май. С. 39.

³ Вейнберг И.Я. Из Уфимского края // Труды Вольного экономического общества. 1882. № 1. С. 67.

⁴ Там же.

А.А. Юрьев опубликовал (представленные Вейнбергом) данные характеристик урожая меда за 22 года: с 1878 г. по 1900 г.

Таблица 15

**Характеристика года в зависимости от урожая меда
на пасеке И.Я. Вейнберга**

Год	Характеристика года по урожаю меда	Год	Характеристика года по урожаю меда
1878	Замечательно хороший, но дождлив	1890	Хороший
1879	Средний	1891	Порядочный
1880	Отменно хороший	1892	Средний
1881	Нечего взять	1893	Голодный
1882	Средний	1894	Тише среднего
1883	Средний	1895	Отличный
1884	Средний	1896	Средний
1885	Хороший	1897	Хороший
1886	Средний	1898	Средний
1887	Средний	1899	Гибельный
1888	Хороший	1900	Средний
1889	Сгорела пасека		

Источник: Юрьев А.А. Отчет по исследованию состояния пчеловодства Уфимской губернии летом 1900 года. Уфа, 1900. С. 30.

Как видно из данных Таблицы 15, хороший урожай меда был примерно один раз в три года, средний – каждый второй год, неурожайные – три года из 22 лет. В 1899 г. по неизвестным нам причинам пасека сгорела. Два раза у Вейнберга пчелы погибали (в 1881г. и в 1899 г.). Как гибельный Вейнберг охарактеризовал 1899 год. В Уфимском уезде в 1899 г. у 29 хозяев пасек на зимовку ушло 6770 пчелиных семей, а к роению следующего года осталось только 630, или 9.3%. У Вейнберга из 150 пчелиных семей осталось 28 семей, что составляет 18,1%, т.е. примерно в два раза выше среднего показателя по уезду.

Несмотря на неудачные годы, рамочное пчеловодство в условиях Башкирии было выгодным и приносило хороший доход. Например, в 1885 г. доход Вейнберга только от пчеловодческой деятельности составил 1200 руб., о чем имеется информация в Рижской газете «Dienas Lapa» за 1887 г. №1¹.

О выгоде содержания пчел в Уфимской губернии приводится информация в № 41 газеты «Mājas Viesis» за 1888 г. Один из основателей колонии Ауструм по фамилии Дамбис (Dambis) рассказывает о своем сыне, который учится пчеловодству, заканчивая фразой: «Это потому, что от пчел здесь хорошая прибыль»².

Хотя у латышских колонистов не было таких больших пасек, как у Вейнберга, а тем более огромных, как у некоторых местных пчеловодов, многие из них имели пчел в своих хозяйствах. Заслугой Вейнберга было и то, что благодаря его предприимчивости, был налажен сбыт сотового меда. Ранее из Уфимской губернии сотовый мед поставляли на рынки в деревянных ящиках большого размера (6 вершков длиной, 5 шириной и высотой 2 вершка). Такая упаковка была не очень удобной для покупателя. В начале 80-х гг. XIX в. купцом Ф.Я. Мамыкиным были предложены в качестве упаковки жестяные коробки размером аналогичные деревянным ящикам. Вейнберг по достоинству оценил нововведение, изменив только размеры коробок под рамки ульев Берлепш-Дате. Мед в новой упаковке стал пользоваться огромной популярностью, принося значительный доход. Его реализация шла не только в Уфе, но и во многих городах России, в больших объемах – в Москве и Санкт-Петербурге. Эти нововведения дали толчок развитию рамочного пчеловодства в Уфимской губернии. Многие пчеловоды по примеру Вейнберга стали переходить к разведению пчел в рамочных ульях, а те, кто продолжали использовать колодные улья, во время взятка пристраивали к ним ящики с рамками, что привело к значительному увеличению производства и реализации сотового меда.

---

¹ Šķilters. Op. cit. 93. lpp.

² Turpat. 92. lpp.

А.А. Юрьев отмечал, что наличие спроса на мед в жестяных коробках заметили в Москве на фабрике жестяных изделий Бармина, «который к сезону 92 года доставил некоторым Уфимским пчеловодам первую партию литографированных коробок для укладки меда с надписью «Уфимский ароматический липовый сотовый мед»¹. Благодаря такой рекламе, в России появился бренд «Уфимский мед», который в настоящее время более известен под названием «Башкирский мед».

Подводя итоги главы, отметим, что в дореволюционный период в среде латышей Уфимской губернии наблюдались процессы адаптации в местной среде и консолидации с восточнославянскими и тюркскими народами, благодаря их предприимчивости, высокой грамотности не только на латышском, но и русском языках, поддержке с прежней родины, связям с латышами других регионов. При выборе мест поселений они ориентировались на схожесть с ландшафтом прежней родины, а также близость к родственным по культуре и знакомым по прежней родине русским, белорусам, эстонцам. Они основали хутора, наиболее удобные для ведения их традиционного хозяйства и сохранения этнической культуры, соорудили жилища и хозяйственные постройки, привлекая для этого русских мастеров, учитывали их навыки и опыт.

Латыши в этот исторический период идентифицировали себя полноправными гражданами Российской империи. Многие из них в период Первой мировой войны были мобилизованы и служили в действующей армии. Члены латышского общества взаимопомощи из патриотических побуждений вносили посильный вклад по оказанию материальной помощи раненым солдатам, для чего неоднократно обращались к Уфимскому Губернатору с ходатайством о разрешении сбора денежных средств и одежды, на средства общества приобретались благотворительные марки.

---

¹ Юрьев А.А. Отчет по исследованию состояния пчеловодства Уфимской губернии летом 1900 года. Уфа, 1900. С. 30.

Латыши внесли существенный вклад в народную экономику края, развитие земледелия и животноводства. Они первыми основали маслодельные артели, став примером для других народов, развили традиции травосеяния, первыми культивировали клевер и другие растения, вместе с белорусами выращивали скороспелые сорта картофеля, которые заимствовали соседние этносы. Масло, произведенное латышами Уфимской губернии, пользовалось большим спросом в Риге и Лондоне. Семена продавались через российские закупочные компании. Основатель латышских переселений И.Я. Вейнберг организовал первую в Уфимском уезде рамочную пасеку, благодаря его предприимчивости был налажен сбыт сотового меда в г. Москва, г. Санкт-Петербург и другие регионы страны. В то же время в области земледелия латыши помимо собственных, использовали местные орудия труда, более пригодные для поднятия целины, применили земледельческий, скотоводческий и ремесленный опыт других народов.

Глава 2

ЭТАПЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЛАТЫШСКОЙ ДИАСПОРЫ (XX – НАЧАЛО XXI в.)

2.1. Непринятие советской власти

В сознании граждан страны сложился стойкий стереотип по отношению к латышскому этносу как к революционному элементу, исходя из знаний о латышских красных стрелках. В то же время имелось значительное число латышских крестьян, экономическим интересам которых не соответствовала смена общественно-политической системы. Напротив, благополучие латышских хозяйств, коренным образом выделявшихся из общего контекста, обусловило острую борьбу за сохранение прежних социально-политических и экономических условий.

Латышские безземельные крестьяне, бывшие батраки, на рубеже XIX-XX вв. переселившиеся в Уфимскую губернию, за несколько десятилетий упорного труда практически на глазах одного поколения достигли невиданного ранее достатка, превратившись в своем большинстве в зажиточных сельских хозяев.

Как показано в главе 1, латышские переселенцы, юридически являясь жителями Уфимской губернии (Башкирии), до Октябрьской революции не теряли связь с исторической родиной, с земляками и родственниками из соседних колоний региона и губерний России, в ряде случаев – других стран. Образовалось единое экономическое и этнокультурное пространство, позволяющее поддерживать этничность, избежать этнокультурную ассимиляцию.

Абсолютное большинство латышских хозяйств в 1926 г. относилось к категории середняцких – 78%, из которых доля середняцко-зажиточных (от 10 до 15 дес.) – 50,8%¹. Термин «зажиточный середняк» использовался

---

¹ Бежкович А. С. Указ. соч. С. 80.

инструкторами созданных в то время латсекций, которые пытались не допустить произвола по отношению к абсолютному большинству латышей на начальных этапах колхозного строительства. Объясняли это тем, что «многие из местных работников почти не разграничивают зажиточных крестьян от кулаков»¹. Доля бедняцких (1–5 дес.) хозяйств была относительно не велика и составляла 19,3% (см. Табл. 16). Реально же их было еще меньше, так как в это число вошли хозяйства фактически бедняцкими не являющиеся, например, образованные молодыми семьями. Они продолжали вести с родителями совместную деятельность, в том числе – общее использование сельскохозяйственных машин, инвентаря, лошадей и т.д. Хозяйства престарелых жителей, отошедших от сельскохозяйственной работы, также находились на содержании близких родственников. Вдовы, имеющие малолетних детей, свои земельные участки (не имея возможности лично их обрабатывать) передавали родственникам или другим лицам. Имелись в колониях и жители, для которых ведение сельского хозяйства не являлось основным занятием, например, работавшие на железной дороге, в лесном хозяйстве и др. Наиболее бедняцкими оставались хозяйства беженцев, не успевших развиться за эти годы.

Таблица 16

Распределение хозяйств Архангельской латышской колонии по размеру площади обрабатываемой земли (пашня и сенокос)

	1924	1926	Рост убыли в %	% отношение к общему числу хозяйств
От 1 до 5 дес	228	83	-63,5%	19,3
От 5 до 10 дес	138	117	-15,2%	27,3
От 10 до 15 дес	8	215		50,8
От 15 до 20 и больше	-	9		2,6
Итого	374	424		

Источник: ЦАОО РБ. Ф. 122. Оп. 6. Д. 150. Св.114. Л. 41.

¹ ЦАОО РБ. Ф. 122. Оп. 6. Д. 150. Св.114. Л. 11.

О зажиточности латышей говорит и другой факт: их хозяйства по количеству скота, сельхозинвентаря, способам обработки земли, найме рабочей силы, товарной продукции значительно опережали соседние полунатуральные татаро-башкирские хозяйства. Так, каждое латышское хозяйство в 1926 г. платило сельхозналог в среднем 44 руб. 64 коп., а каждое русское, татарское и башкирское хозяйство – лишь 4 руб. 17 коп.¹ Конечно, политика государства по поддержке беднейших слоев населения не могла нравиться зажиточным латышам, которые высказывали явно отрицательное отношение к данному вопросу. Например, инструкторами Губкома фиксировались следующие высказывания: «Советская власть трудовое крестьянство облагает большими налогами и называет кулачеством, а лодырей и лентяев вообще, а в частности татаро-башкир поощряет льготами, ссудами, кредитами и т.д. Татарин свою землю отдает в аренду, сам гоняется за лисой и дерет липу, а Советская власть такому лодырю помогает». По отношению к созданному в это время Крестьянскому комитету взаимопомощи: «Латышские крестьяне к комитету относились отрицательно. С насмешкой, называя его «Комитетом голодных» (Bada komiteja), и так как они сытые, то им в «Комитете» нечего делать»².

В виду развитого хозяйства, большинство латышей вынуждены были прибегать к наемному труду. Так, если в 1924 г. в сельском совете Архангельской колонии было зарегистрировано 162 трудовых договора, то в 1925 г. – уже 285. Преобладающее большинство трудовых договоров заключалось с пастухами и сезонными рабочими. Последние нанимались во время полевых работ сроком на 3–4 месяца. Среди наемных рабочих преобладающее место занимали татары и башкиры (батраки и бедняки) из окружающих деревень. Это обстоятельство порождало среди местного населения взгляды, что латышское крестьянство на половину состоит из кулаков. Аналогичного мнения придерживались работники волостных и

---

¹ ЦАОО РБ. Ф. 122. Оп. 6. Д. 150. Л. 15.

² Там же. Оп. 7 Д. 113. Л. 23.

кантонных органов власти, которые приходили к выводу о преобладающем кулачестве среди латышей, исходя из статистики заключенных трудовых договоров.

С введением в стране НЭП, стимулировавшей частную инициативу, предпринимательство и конкуренцию, произошло увеличение количества середняцких и зажиточных хозяйств. Данная тенденция в полной мере распространилась и на латышские колонии Башкирской республики. Так, Архангельская колония в 1927 г. насчитывала 429 хуторских хозяйств (из которых 15 были русскими). Средняя обеспеченность землей составляла 7 дес. (пашни и сенокосы), крупным рогатым скотом – 3,7 голов, мелким скотом – 6,7 голов на одно хозяйство. Бескоровных хозяйств насчитывалось 16, безлошадных – 26.

Латышским крестьянам в условиях негативного к ним отношения, опасаясь возможных репрессий, приходилось сокращать использование наемного труда или полностью от него отказываться. В результате в 1926 г. было зарегистрировано лишь 124 трудовых договора и 27 наймов рабочей силы без оформления договорных отношений, т.е. 151 случай применения наемного труда, что на 46,35% меньше, по сравнению с 1925 г.¹ В то же время с экономическим ростом хозяйств необходимость усиления человеческого труда возрастала. Крестьяне же, опасаясь быть зачисленными в кулаки, вынуждены были сокращать количество скота и размер пашни, либо нанимать батраков только в самую страдную пору. Это подталкивало крестьян приобретать и более широко использовать сельскохозяйственные машины, а также увеличивало нагрузку на членов семьи, которые в летнее время работали по 16–18 часов в сутки.

Естественно, что такие хозяйства не вписывались в концепцию социалистических и по формальным признакам приравнивались к кулацким. Не соответствовали советской идеологии моноэтнические крестьянские поселения латышей со своими обычаями, ментальностью, поведенческими

---

¹ ЦАОО РБ. Ф.122. Оп. 6. Д. 150. Л. 43.

стереотипами, системой хозяйствования, религией, языком, идеологией и культурой. Они отличались обособленностью, оставались закрытым миром для других этносов. В то же время достаток латышей становился наглядным примером для их соседей, которые также стремились перенимать передовые методы хозяйствования и стиль жизни. Наиболее близкими к ним были белорусские переселенцы, ближайšie соседи, как на исторической родине, так и в Башкирии.

После Октябрьской революции и образования независимой Латвии социально-экономическая связь с исторической родиной прерывается, латышские колонисты оказываются в условиях изоляции от материнского этноса. Гражданская война не только усилила миграцию в Уфимскую губернию, но и способствовали обратному процессу. Многие латышские крестьяне, опасаясь за свою жизнь, уходили вместе с отступавшей Белой армией или нелегально пробирались в Прибалтику. Сведения о таких случаях содержатся в информационном материале, присланном в марте 1927 г. в Латышскую секцию Губернского комитета по делу о спорных конфискованных хуторах Ауструмского сельского совета. Среди рассмотренных – дела о земле Мартина Розе и Петра Алсина. Текст документа приводится с незначительными сокращениями: «Бывшие хутора Розе Мартина Мартиновича в числе 3 хуторов с площадью 124 дес. до революции сам не обрабатывал, а сдавал в аренду. Служил же в Латвии управляющим. Когда жил дома, сам работал мало, а эксплуатировал наемный труд. В 1917 г. Розе оказал содействие скрыться своему зятю банкиру Бауману Ив. Петровичу, когда партия хотела Баумана арестовать. Розе отвез его на ст. Тавтиманово, купил билет и отправил. В 1918 г. Розе был одним из главных организаторов белогвардейского восстания. В 1919 г. уехал с Колчаком в Сибирь. Розе имеет подложный документ, что он в 1918 г. спас 3-х коммунистов от Колчака. Такой документ ему подписали кулаки, которые и отказались от своих подписей. Петр Алсин имел 17,5 дес. Алсин умер, а сыновья бежали в Латвию. Из семьи Алсина никто не остался. Алсин

при отъезде в Сибирь с Колчаком оставил на своем хуторе женщину Булов Тию. Булов отдавала землю в исполов и аренду»¹. Ушел с Белой армией и бывший председатель Ауструмской молочной артели (фамилия в документе не упоминается), который, по-видимому, присвоил артельные деньги, за что оставшиеся члены кооператива объявили его «неоплатным должником»².

В последующие годы тенденция возвращения на историческую родину только усилилась. Этому способствовало и то, что пришлое население, проживавшее на территориях с преобладающим башкирским этносом, опасалось реставрации вотчинного права башкир, то есть того, что «башкиры вновь станут хозяевами своих земель, а все остальные станут арендаторами»³. Дело дошло до того, что «Зильдяровский волостной земельный комитет Белебеевского уезда принял решение о выселении с территории волости всех русских селений»⁴. Как известно, на территории этой волости как раз и располагалась Ново-Балтийская латышская колония.

В колониях стало формироваться движение за отъезд латышей в буржуазную Латвию⁵, которого власти допустить не могли, опасаясь дискредитации социалистического государства. Многие оставшиеся в России стали распродавать имущество и переезжать не только в города Башкирии, но и в другие регионы страны – к родственникам в Сибирь⁶, вербовались на стройки и промышленные предприятия. Исчезла Ново-Балтийская колония⁷, располагавшаяся в Миякинском районе республики.

Самоликвидация крестьянских хозяйств стала естественным и закономерным процессом, который коснулся не только латышей Башкирии, но и огромное количество хозяйств по всей стране. Крестьяне, не желая

---

¹ ЦАОО РБ. Ф. 122. Оп. 6. Д. 150. Св. 114 Л. 11.

² М. В темных углах. «Курляндские бароны» // Известия Уфимского губернского революционного комитета. 1919. № 66.

³ Хамидуллин С., Таймасов Р. Большая Башкирия // Ватандаш. 2009. № 5. С. 79.

⁴ Там же.

⁵ ЦАОО РБ. Ф. 122. Оп. 5. Д. 194. Л. 35.

⁶ ПМА – 2012 г. Воспоминания Гайлис Л.И. (1929 г. р.), с. Балажи Иглинского р-на РБ.

⁷ ПМА – 2012 г. Воспоминания Э.А. Мезиса (1926 г. р.), д. Банковка Стерлибашевского р-на РБ.

работать в колхозах, уходили в города, а западные этносы к тому же стремились вернуться на историческую родину или перебраться в страны с привычной политической и социально-экономической системой. Например, в сентябре – октябре 1929 г. отток немецкого населения из Оренбурга и Славгорода принял форму бегства. За бесценок распродавалось имущество, постройки бросались на произвол судьбы. Немцы устремились в Москву, где к концу октября их собралось уже около 4 тыс. человек с целью получить разрешение на выезд в Канаду. Эмиграционное движение объяснялось работой антисоветских элементов (кулачества и духовенства)¹.

Негативное отношение латышей к Советской власти отражено в ряде документов. Инструктор-организатор латышской секции Ф. Руде, направленный в сентябре 1919 г. в Свято-Троицкую волость Уфимского уезда, докладывал, что крестьянское население не организовано и даже враждебно настроено к Советской власти»². Антисоветские настроения в среде латышского крестьянства объясняли шовинистской пропагандой со стороны кулачества³. Партийные ячейки в 1927–1928 гг. фиксировали конкретные высказывания латышских крестьян: «Вот примерно такого содержания можно услышать разговоры не только в Архангельской, но и других колониях: «Какая это Советская власть, я очень сожалею, что в годы Гражданской войны боролся против чехов и Колчака», – говорил крестьянин середняк. Даже члены партии открыто выражали свое отношение: «Если б в начале революции знал бы о Советской власти, что сейчас, то, наверное, не был бы Красным партизаном». В связи с убийством Войкова высказывались: «Это только начало... Скоро начнется и у нас, и тогда держитесь... Тогда посмотрим, где раки зимуют» (фраза Берзина из Балтийской колонии, «брошенная в лицо» члену ВКП(б) учительнице Кузнецовой). Бирзгал из Балажинской колонии говорил: «Последнюю красоту и перл жизни –

---

¹ ЦАОО РБ. Ф. 122. Оп. 8. Д. 125. Л.86 а.

² Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 263. Л. 1.

³ Баллод Б. Латыши // Сибирская советская энциклопедия. Т. 2. Новосибирск, 1931. С. 28.

священный брак у нас отняли. Каждый идет в Совет записываться и расписываться, а Советская власть бесконечные разводы поощряет». А вот высказывание священника Франса: «Господи, молю тебя за сыновей латышского народа, находящихся в безбожном окружении Красной армии... Не посещайте мирские собрания, ибо они от сатаны. Заботьтесь лучше о спасении души»¹.

Трудности в 1927 г. секретарь Латсекции ВКП(б) Ольман докладывал: «Работа среди латышской бедноты в виду ее разбросанности по отдельным хуторам, малого количества и вообще незначительного ее удельного веса, по сравнению с середняцкими и зажиточными, может успешно проводиться лишь при большом напряжении всех партийных сил на местах»².

При советизации деревни большевики опирались на беднейшее крестьянство и батраков. Как правило, советскую власть поддержали деклассированные элементы, стремящиеся нажиться за чужой счет. Среди латышей такие тенденции практически отсутствовали. Напротив, латышские бедняки тянулись за более зажиточными соседями, старались упорным трудом поднять свои хозяйства, вследствие чего политика их мало интересовала, и советскую власть в своем большинстве они не поддерживали. Примером для них служили хозяйства середняков, существовавшие уже 15–25 лет, и которые уже прошли период становления, переживаемый беднотой.

В условиях социальной и политической нестабильности первого десятилетия Советской власти перед латышскими крестьянами стал вопрос о перспективах существования и дальнейшего развития хозяйств. Все это также не могло не повлиять на настроения, царившие в их среде. Инструкторы Губкома отмечали: «Упадочно-пессимистические настроения в некоторых колониях углубляются. Их можно уже изображать в графиках с цифровыми данными, где сокращаются посевы, уменьшается количество

---

¹ ЦАОО РБ. Ф. 122. Оп. 6. Д. 150. Св. 114. Л.51

² Там же. Св.114. Л. 7.

скота, дробятся хозяйства между членами семьи. Даже бывшие когда-то латышские стрелки в политическом, классовом отношении вполне сознательные люди, постепенно превращаются в аполитичных плебеев... Собрания посещают весьма редко и неохотно, противившись к их избранию в сельский совет, в правлении кооперации и т.д. Главный мотив: «Мне некогда»¹. Еще один характерный пример, взятый из доклада инструктора Губкома партии (приводится дословно): «Хозяйство крестьянина Легздыня Анса. Имеет около 20 дес. (пахотной и сенокосной) земли, 12 дойных коров, 11 голов нетелей и телят, 7–8 свиней, 3-х рабочих лошадей, 20–25 овец, 6-ти польный севооборот, 9 вполне удовлетворительных построек. Сельхозмашины: сеялку, жнейку, косилку, молотилку (конную), веялку, сортировку, сепаратор, конные грабли, пружинные бороны и весь необходимый мелкий сельхозинвентарь. Хозяйство обрабатывал членами своей семьи до 1926 г. Сын служит в Красной армии (командир-коммунист). Старшая дочь окончила 1 ст. областную совпартшколу, работает в библиотеке (кандидат партии). Другая дочь – комсомолка (секретарь местной комсомольской ячейки), двое детей оба состоят в пионеротряде. Сам Легздынь был председателем сельского совета, потом в Правлении маслодельной артели. Выписывает газеты «Правда», «Крeвiяс циня» («Krievijas Sīņa» – «Русская борьба»), «Латв Земнекс» («Latviešu Zemnieks» – «Латышский крестьянин»). Работников в хозяйстве: сам Легздынь, его сын 22 г., дочь 18 лет и жена-хозяйка. В связи с уходом старшей дочери в библиотеку, на постоянную работу, Легздынь вынужден нанимать на круглый год батрака. Он этого не делает. Из-за боязни получить клеймо кулака (ибо его уже без того многие из окружающих считают кулаком). Работает по 16–18 часов в сутки. Не справляется. Думает или поделить хозяйство между детьми или сократить размер пашни, уменьшить количество скота. Легздынь выбрал уже последний вариант. Последний раз его встретил уже угрюмо-печальным. В его душе как будто уже появилась

---

¹ ЦАОО РБ. Ф.122. Оп. 6. Д. 150. Св.114. Л. 52.

некоторая злоба, которую уже при всем желании в моем присутствии не смог утаить. Его дочь (секретарь комсомольской ячейки) на комсомольскую работу стала смотреть как на излишнее бремя. «Хочется удрать, уехать отсюда», «Хочу учиться, здесь нет перспектив»¹.

Не только отношение власти к зажиточному крестьянству влияло на настроения латышского населения. Произошли коренные изменения всей социальной жизни, в том числе религиозной. Лютеранская вера для латышских колонистов была больше чем религия, она являлась связующим звеном как с материнским этносом, так и с другими колониями, что было крайне важно для переселенцев, «...получающих возможность, живя в иноэтническом окружении, слышать родной язык во время богослужений, консолидироваться с ранее прибывшими соотечественниками, иметь связь с родиной через церковь, получая информацию о ней от приезжающих пасторов и через доставленную из отечества прессу»².

Регулярное посещение пасторов позволяло крестьянам быть также в курсе событий, происходящих в других сельских общинах. Жизнь и быт латышей были пронизаны религиозными традициями. Совместные богослужения, церковное песнопение сплачивало людей, являясь основой воспитания детей. С рождения у латышей «лютеранская религия укрепляла исторически сложившееся стремление к труду, вырабатывая в латыше мировоззрение созерцания, в силу которого человек приходил к убеждению, что он должен в поте лица своего добывать хлеб, не ожидая ничего от других, жить для труда, веря, что Бог помогает тому, кто помогает себе»³. Борьба государства с религией нарушала жизненный уклад и мировоззрение латышского населения.

Серьезным изменениям подверглось народное образование. Советизация школ привела к катастрофической нехватке учителей,

---

¹ ЦАОО РБ. Ф.122. Оп. 6. Д. 150. Св. 114. Л. 52.

² Курило О.В. Лютеране в России XVI–XX вв. М.: Фонд «Лютеранское Наследие». World Wide Printing, 2002. С. 7.

³ Там же. С. 162.

владеющих латышским языком. Кроме того, в стенах школ стала проводиться политико-воспитательная и антирелигиозная работа не только с учениками, но и с их родителями, в результате чего многие латышские семьи стали отказываться посылать своих детей в советские школы. Это также приводило к серьезному конфликту с властями.

Стремление новой власти к поднятию политической активности населения, ломка старых устоев приводили к разрушению этничности, этнокультурной самобытности латышей, их обычаев и традиций. Естественно, что крестьяне и других этносов, включая русских и башкир, были не в лучшем положении, но латышские колонисты в условиях изоляции от материнского этноса, пытаясь сохранить национальное единство, подверглись невиданному ранее стрессу, фактически став заложниками своего бывшего благополучия.

Таким образом, социально-экономическое и этнокультурное положение латышей в первые десятилетия XX в. противоречило советской идеологии, и сопровождалось серьезными потерями и разочарованиями. Еще большие испытания их ожидали в годы сплошной коллективизации, приведшей к ликвидации колоний, массовых репрессий, физического уничтожения латышского населения. Помочь выжить в Башкирской республике и сохранить этническую идентичность помогла связь с прежней родиной и латышскими переселенцами из соседних колоний региона и других губерний, изолированное от других этносов хуторское расселение с четкой самоорганизацией, комплексное хозяйство, открытое для инноваций, а также огромный труд и выдержка переселенцев.

2.2. Меры по советизации латышей Башкирской республики

Советизация хозяйств латышей Башкирской АССР оказалась трудноразрешимой задачей. С первых дней вывода войск Колчака в крае развернулась работа по вовлечению населения в социалистическое строительство, особенностью которого стало то, что велась она на языках этносов, населявших губернию. Политико-просветительная работа в латышских колониях не находила широкой поддержки, была крайне затрудненной и не приносила ожидаемых результатов, так как не выражала интересы большинства населения. Зажиточным хуторянам со стойким мировоззрением собственника были неприемлемы изменения политической и социально-экономической системы, ведущие к ухудшению их жизненного уклада и потере достатка. Работа осложнялась тем, что латыши в условиях хуторского проживания были территориально отделены не только от других этносов, но и от ближайших соседей. Характерной чертой оставалась их обособленность, благодаря которой сохранялась идентичность и этническая культура в условиях иноязычной и инокультурной среды.

Для внедрения коммунистической идеологии по всей стране создаются опорные пункты политико-воспитательной работы. К ним относятся партийные и комсомольские ячейки, избы-читальни, красные уголки, сельсоветы, комитеты бедноты, ячейки добровольных обществ. Ведется работа с молодежью, женщинами и батраками. Проводится антирелигиозная пропаганда. Одной из форм агитации становятся митинги, на которые собрать латышских колонистов было весьма затруднительно в связи с удаленностью хуторов и постоянной занятостью в своих хозяйствах. Для привлечения латышей к участию в агитационных мероприятиях применяются такие способы, как организация лекций по различным отраслям сельского хозяйства, доведение информации «О положении в Латвии», организация концертных и театральных представлений.

Крайне затрудненной оставалась работа с латышскими женщинами, уровень образования и грамотности которых был намного выше, чем у женщин других этносов (Фото 92). Как отмечалось в докладе обследования деятельности Ауструмской ячейки ВКП(б) за период январь 1926 г. – март 1927 г., «вести работу среди женщин-латышек в условиях хуторского хозяйства почти невозможно»¹. Забота о семье и хозяйстве, воспитание детей являлось основной их заботой и времяпровождением. Для привлечения женщин к участию в общественной жизни, в том числе к работе в женских советах, пытались организовывать занятия по домоводству, в том числе курсы кройки и шитья, рукоделия.

Первоначально (до создания отделов национальных меньшинств) пропагандистской работой в латышских колониях занимались агитаторы, направленные латсекцией Губкома партии. В июле 1919 г. в Стерлитамакском уезде усилиями такого агитатора по фамилии Янсон создана латышская партийная ячейка численностью 50 чел., избран Совет крестьянских депутатов, организована доставка партийной литературы. Аналогичная работа проводилась и в других уездах. Организацией большевистских ячеек в Балтийской и Озолцемской (Дубовской) колониях осенью 1919 г. занимался Х.П. Путнись, прибывший в Уфу на лечение в связи с ранением на Южном фронте².

С 7 по 9 декабря 1919 г. в г. Уфе проводилась 1-я конференция латышских секций РКП(б), на которой выступали делегаты из сельских партийных организаций. Делегат из Ауструмской колонии Меднис докладывал, что секция РКП действовала с 1918 г., пока с приходом чехословаков ей не пришлось ликвидироваться. Вновь созданная партийная ячейка состояла из 10 членов и 7 сочувствующих, что составляло 2,1% от общего числа жителей колонии. При секции был организован кружок молодежи и библиотека с фондом из 175 латышских и 165 русских книг.

---

¹ ЦАОО РБ. Ф.122. Оп. 6. Д. 150. Св. 114. Л. 9.

² Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 70. Л. 7.

Численность ячеек в других колониях также была не велика. Самая крупная организация находилась в Архангельской и Бакалдинской колониях, где объединенная партийная ячейка насчитывала 45 членов партии и 25 сочувствующих, но и она составляла всего 2,6 % от общего числа жителей. В Балтийской колонии на учете состояло 10 членов партии, в Озолцемской (Дубовской) – 9 членов и 7 сочувствующих, в Златоусте латышской секции не было, латыши-коммунисты состояли на учете в русской партийной организации. В Балажинской колонии был только один коммунист по фамилии Бирзгал, но и он, по выражению Медниса, «сомнителен», так как на съезде Советов Уфимского уезда «...высказывался против коммунистов, а по окончании съезда пенял на русских крестьян-депутатов за то, что свои голоса подавали за коммунистов»¹.

В 1923 г. в Уфимском кантоне из числа национальных меньшинств латышей стояло на учете 75 членов и кандидатов ВКП(б), из которых 18 женщин, что составляло 0,8% от общего количества латышей. Коммунистов стояло на учете в Архангельской латышской колонии – 23 чел., Ауструмской колонии – 9 чел., Цветаевской колонии – 9 чел., Кальтовской партийной ячейке – 7 чел., Балтийской колонии – 4 чел, в Балажинской и Дубовской колониях – по 3 чел., в г. Уфе – 5 чел.

Таблица 17

Распределение коммунистов-латышей Уфимского кантона по времени вступления в РКП(б) (по состоянию на май 1923 г.)

до 1917 г.	1917 г.	1918 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.
6	16	9	12 (в т. ч. 1 кандидат)	20 (в т. ч. 3 кандидата)	8 (в т.ч. 4 кандидата)	2	2 кандидата в члены партии

Источник: ЦАОО РБ Ф. 122. Оп. 1. Д. 74. Л. 45–48.

Из Таблицы 17 видно, что число членов партии среди латышей было крайне незначительным, крестьяне, вступившие в партию в период с 1917 г.

¹ ЦАОО РБ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 70. Л. 44.

по 1920 г., сделали это на волне революционных событий, поверив большевистской агитации. Коммунистов со стажем в партии до 1917 г. было всего 6 чел., в основном из числа беженцев и эвакуированных.

Наряду с репрессивными мерами по отношению к зажиточному крестьянству, предпринимались шаги по их «перевоспитанию». По всей стране открываются культурно-просветительские учреждения, в том числе клубы, библиотеки, избы-читальни, красные уголки, формируются ячейки общественных организаций, издается агитационная литература. Развивается художественная самодеятельность. Особое внимание уделяется театральному искусству как одному из самых зрелищных и мобильных. Первостепенное значение придаётся национальной политике, усиливается агитационно-пропагандистская работа и среди национальных меньшинств. Открывается новое учебное заведение высшего партийного образования – Коммунистический университет национальных меньшинств Запада имени Ю.Ю. Мархлевского (КУНМЗ). Для работы непосредственно с латышским населением страны при ЦК ВКП (б) создаётся латышская секция, которая организует всю идеологическую работу, а в регионах с компактным проживанием латышей – секции при обкомах партии, занимающиеся этой работой непосредственно на местах.

Латышское просветительное общество «Prometejs¹» (далее по тексту «Прометей») создается в феврале 1924 г. Оно стало крупнейшим из всех национальных просветительских обществ и единственным – союзного масштаба. К 1935 г. в промышленных городах СССР функционировало 12 латышских клубов, в том числе в г. Москве Центральный рабочий клуб им. П. Стучки, 4 театра, это: Государственный латышский театр «Skatuve²» (далее «Скатувэ»), Ленинградский латышский театр, Смоленский латышский колхозный театр, Латгальский колхозный театр в г. Новосибирске.

---

¹ «Прометей».

² «Сцена».

Деятельность просветительного общества «Прометей» имела двойственную направленность. С одной стороны, заполняла образовавшийся после 1917 г. культурный вакуум, а с другой, – носила ярко выраженный агитационно-пропагандистский характер, направленный на коммунистическое воспитание людей. Общество «Прометей» фактически становится мобильным подразделением партии, осуществляющим непосредственную работу с латышами Советского Союза. Многие из его работников имели опыт революционной борьбы, принимали активное участие в гражданской войне, среди них бывшие красные стрелки и эмигрировавшие из Латвии члены коммунистической партии, а также художники, писатели и музыканты.

В структуре общества имелись секции по различным направлениям деятельности: школьно-методическая, сельскохозяйственная, музыкальная, изобразительного искусства, латгальская, отдел периодики, издательство, бюро латышских писателей и др. Были созданы и производственно-кооперативные предприятия, без которых деятельность общества была крайне затрудненной: книжный и писчебумажный магазины, склады, типография, мастерская для изготовления письменных принадлежностей и учебных пособий.

Одним из важных элементов агитационной работы стала издательская деятельность. В 1935 г. общество «Прометей» издавало газету «Komunāru Sīņa»¹, политико-художественный журнал «Celtne»², политико-художественный журнал на латгальском языке «Ceinas Karūgs»³, детскую газету «Darba Bērni»⁴ и детский журнал «Mazs collectivist»⁵. Издавались неперIODические издания: политическая, художественная, учебная и детская литература, в том числе – произведения пролетарских писателей:

---

¹ «Борьба коммунаров».

² «Стройка».

³ «Знамя борьбы».

⁴ «Дети труда».

⁵ «Маленький коллективист».

М. Горького, Я. Райниса, А. Упита, других латышски и русских писателей¹. Повышенное внимание уделялось произведениям Ленина-Сталина, изданию массовой партийной литературы.

Для повседневной работы среди латышского населения страны в областных центрах за счет средств общества содержались штатные инструкторы. В Башкирии с июля 1934 г. работал инструктор общества «Прометей» А.И. Рудзит², который одновременно занимал должность инструктора при отделе национальных меньшинств БашЦИКа³.

В связи с тем, что подавляющее большинство латышей и латгальцев проживало в сельской местности, то естественно, что особое внимание в своей работе просветительное общество уделяло именно этой части населения. Одним из приоритетных направлений становится работа по оказанию помощи колхозам, которые обеспечивались культпросвет и партийными работниками, специалистами сельского хозяйства. В создаваемых коллективных хозяйствах открываются новые латышские и латгальские школы, дошкольные учреждения, библиотеки. Общество «Прометей» оказывает помощь в комплектовании их учителями⁴ и пионервожатыми. Обеспечивает школы и колхозные библиотеки (на основе заключенных договоров) учебной, художественной и партийной литературой, наглядными пособиями, книгами, агитационными материалами. Оказывает учебно-методическую помощь. Особое внимание уделяет общественным, комсомольским и пионерским организациям. Проводит областные и всесоюзные конкурсы на лучшую латышскую и латгальскую

---

¹ За время полевых исследований не было обнаружено ни одной книги издательства «Прометей», которые, по всей видимости, уничтожались в целях безопасности, так как в период репрессий они изымались сотрудниками НКВД в качестве вещественного доказательства. В настоящее время во многих латышских семьях хранятся книги только дореволюционных изданий, в основном религиозного содержания, или изданные в советской Латвии.

² Рудзит Андрей Иванович арестован 20.12.1937 г., осужден по ст. 58 п.7, 11 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян 14.03.1938 г.

³ ЦАОО РБ. Ф. 122. Оп. 36. Д. 2089. Л. 15–16.

⁴ В СССР в тот период педагогов для латышских и латгальских школ готовили Латышское отделение пединститута им. Герцена, Ленинградский латышский педтехникум и латгальское отделение Ачинского педтехникума.

школу, учителя, класс и даже лучших родителей. Организует смотры художественной самодеятельности, пионерские слеты, экскурсионные поездки школьников. Большое внимание уделяет клубной работе, созданию в колхозах театральных, литературных, музыкальных (хорового пения, оркестров) кружков и др.

В Башкирской республике проводится целенаправленная организационно-политическая работа. В ее необходимости имелись особые причины. На заседании культсектора просветительного общества «Прометей» 10.04.1936 г. отмечалось, что «укрепление культурной и политмассовой работы среди латколхозных масс настойчиво требует и то обстоятельство, что среди латнаселения Башреспублики до последнего времени сохранилось классово-враждебное¹, а иногда и скрытая борьба против хозяйственного укрепления колхозов²».

Просветительное общество «Прометей» взяло шефство над крупнейшим латышским колхозом республики имени П. Стучки (объединявшее 320 дворов-хуторов³), куда для укрепления партийной организации в начале 1934 г. был направлен выпускник КУНМЗ В.Я. Дзельме⁴, впоследствии избранный парторгом. Его жена М.Э. Берзинь⁵ работала избачем⁶.

Весной этого же года общество «Прометей» направило для работы в колхоз им. П. Стучки агронома Ж.Ф. Миллера⁷, выпускника Тимерязевской

---

¹ На этом месте фраза оборвалась, по-видимому, подразумевалось классово-враждебное отношение к советской власти.

² ЦИА РБ. Ф. Р-394. Оп. 5. Д. 1172. Л. 42.

³ ЦАОО РБ. Ф. 122. Оп. 16. Д. 69. Л. 162.

⁴ Дзельме Виллис Янович эмигрировал из Латвии, где неоднократно арестовывался за работу в подпольной Латышской коммунистической партии, в т.ч. 20.12.1937 г., осужден по ст. 58 п.7,11 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян 14.03.1938 г.

⁵ Берзинь Марта Эрнстовна арестована 19.12.1937 г., осуждена по ст. 58 п.10,11 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстреляна 25.04.1938 г.

⁶ Деревенский культработник, руководящий работой избы читальни. Источник: Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова // Русские словари. М., 1994. С.1139.

⁷ Миллер Жан Фрицевич арестован 08.12.1937 г., осужден по ст. 58 п.7,11 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян 13.02.1938 г.

академии. На базе подшефного колхоза неоднократно проводились занятия на курсах бригадиров, помощников бригадиров, животноводов, полеводов и других специалистов сельского хозяйства, и не только для нужд колхоза им. П. Стучки, но и других латышских хозяйств республики. В организации курсов совместно с обществом «Прометей» участвовали сотрудники газеты «Комунāги Сīņa». Привлекались и местные специалисты из латышей, не состоящие в штатах общества.

В отчете о работе общества «Прометей» за 1935 г. особо отмечались успехи инструкторов по коллективизации латышей. Так, «В колхозе «Маяк», где «сильно сказывалось влияние сектантов и кулацких элементов», процесс коллективизации протекал крайне медленно (1.01.1935 г. было коллективизировано всего 35% хозяйств), однако в 1935 г., после разъяснения решения 2-го Съезда колхозников, коллективизация быстро двинулась вперед. За 1935 г. в колхоз вступили 183 латышских, 124 русских и 2 башкирских хозяйства»¹. Как видим, заслуга в ускорении коллективизации приписывалась разъяснительной работе, и естественно мы не найдем в отчете сведений о раскулаченных и высланных на спецпоселение крестьян, что, вероятно, более весомо повлияло на этот процесс, а также о судьбе членов разгромленной общины баптистов.

Инструкторы общества «Прометей» принимают активное участие и в уничтожении хуторских хозяйств, которое сопровождается болезненным процессом стягивания крестьянских дворов в производственные центры, бригады и центральные усадьбы колхозов². Вновь создаваемые деревни средства массовой информации называли красивым словом – агрогородки³. Предполагалось, что в них будет создана вся необходимая для жизни людей инфраструктура. Нужно отметить, что образование новых деревень носило объективный характер, так как хуторские постройки мешали «правильной»

¹ ЦИА РБ. Ф. Р-349. Оп. 5. Д. 1172. Л. 69.

² Там же.

³ Дубровский И. Вместо хуторов будут агропоселки. // Красная Башкирия. 1936. 10 авг.

организации полей и севооборота. Много рабочего времени колхозников уходило на то, чтобы добраться до места работы, в том числе потому, что часть женщин вообще не участвовала в колхозных работах.

В то же время в условиях ликвидации хуторов происходит унификация общественной жизни латышей, игнорировавшая этническую и культурную специфику. Особенно непростое положение складывалось при создании «смешанных» колхозов (объединявших хозяйства различных этносов), где латыши поначалу выделялись в отдельные национальные бригады¹. Объяснялось это «более удобным культурно-бытовым обслуживанием». Но были и другие причины. Такие, как различие в уровне жизни, менталитете, культуре, наличие проблемы языкового общения. Существовали и межнациональные противоречия. Например, латыши довольно скептически относились к вопросу о добросовестном отношении к труду сторонних этносов. Нельзя забывать, что в период ведения индивидуальных хозяйств большинство латышей нанимали батраков преимущественно из местного башкирского населения. А в смешанных бригадах латышам приходилось трудиться на равных с бывшими батраками, что не могло не являться для них сильным потрясением.

По результатам проверки школ в Башкирской республике в 1935 г. бригадой общества «Прометей» отмечалось их крайне неудовлетворительное состояние: «Школы обеспечены везде очень плохо, помещения развалившиеся, окна разбиты («Путь Ленина»), находятся за пределами территории колхоза, далеко от населенных пунктов (им. П. Стучки). Ни в одном колхозе, несмотря на директиву ВКП (б) о школе, ремонт еще не начат, учителя обивают пороги безрезультатно»². Просьбу родителей вести обучение на родном языке в школах колхозов «Балажи», «Путь Ленина», «Бривай Дарбс» отклонили. Был выявлен и зафиксирован даже такой факт: «В школу проникает рука классового врага («Путь Ленина»), бригадой

---

¹ ЦИА РБ. Ф. Р-349. Оп. 5. Д. 1172. Л. 69.

² Там же. Ф. Р-394. Оп. 5. Д. 1172. Л. 13.

установлено злонамеренное искажение портрета Ленина (в Красном уголке школы), о чем составлен акт и передан куда следует»¹.

Отмечались и успехи латышских колхозов. Так, несколько человек в колхозах «Маяк» и им. П. Стучки награждены правительственными наградами. А колхоз «Бривайс Арайс» (Фото 16) за образцовое поставленное животноводство получил премию – грузовой автомобиль и 4 тыс. руб.².

В этом же году просветительным обществом было проведено 12 областных слетов лучших учеников, в том числе в Башкирской АССР, участниками которых стали ученики Ауструмской и Архангельской школ. По итогам слетов премировано 119 учеников.

Продолжается работа по организации самодеятельных кружков. В Бакалдинской школе организована Детская техническая станция (ДТС). Ставится вопрос об открытии в колхозе им. Куйбышева Горного сельского совета Нуримановского района латгальской школы³.

Одним из важных пропагандистских мероприятий становится распространение периодической печати. Только в 1936 г. в Башкирии было зафиксировано 610 экз. календарей-ежегодников, число подписчиков на газету «Komunāgu Sīņa» составило 670 чел., на художественный журнал «Celtne» – 285 чел., на детскую газету «Darba Bērni» – 300 чел., на детский журнал «Мазайс коллективистс» (Маленький коллективист) – 176⁴.

Бюро общества латышских писателей организует творческие командировки в регионы компактного проживания латышей. Писатели знакомятся с культурной жизнью в колхозах, изучают политическую обстановку. Принимают участие в различных агитационных и хозяйственных мероприятиях. 5 марта 1936 г. в г. Уфе состоялось общее собрание латышского населения города, на котором выступил главный редактор

---

¹ ЦИА РБ. Ф. Р-394. Оп. 5. Д. 1172. Л. 13.

² Там же. Л. 74.

³ Там же. Л. 44.

⁴ Там же. Л. 28.

просветительного общества поэт К.Я. Упмал¹ (Пелэкайс) с докладом «О задачах общества «Прометей» по культурному обслуживанию латышского населения Башкирии и г. Уфы»².

В этот период в городе Уфе, включая новостройки Моторного завода и Крекингстроя, проживало более 300 семей латышей, которые не имели своего культурного центра и латышской школы. В колхозах уже были созданы национальные библиотеки, избы-читальни, красные уголки. Дети в сельской местности обеспечивались книгами на родном языке: «Имеется 6 школ в Архангельском районе (одна НСШ). В Иглинском районе 4 школы. Благодаря нашей работе, уничтожены все существующие в Башкирии секты и закрыты латышские церкви. Но в самом городе Уфе никакой работы не ведется, молодежь не получает необходимого воспитания. Существующий культурный очаг, обслуживающий приезжих «Дом крестьянина», мал и не в состоянии удовлетворить культурные потребности приезжающих»³. Было принято решение просить отдел Нацменьшинств и Президиум БашЦИК о предоставлении помещения для открытия латышского клуба с отделением для приезжающих в здании бывшей латышской церкви (в это время использовавшейся Паровозоремонтным заводом под общежитие рабочих) или в польском костеле по ул. Гафури⁴.

По согласованию с просветительным обществом «Прометей» и его финансовой поддержке работал Государственный латышский театр «Скатувэ». Начиная с 1932 г., театр каждое лето на 2–3 месяца отправлялся на гастроли в места компактного проживания латышей – в Белоруссию, на Северо-Запад, Урал, Сибирь. В Башкирской АССР театр гастролировал два раза, в летние периоды 1933 г. и 1936 г. (Фото 90; 91). В 1935 г. в Башкирии находилась концертная бригада культурно-просветительского общества «Прометей». Это были не просто гастроли, а агитационно-пропагандистские

---

¹ Репрессирован, расстрелян 23.01.1938 г.

² ЦИА РБ. Ф. Р-394. Оп. 5. Д. 1172. Л. 28.

³ Там же. Л. 29.

⁴ Там же.

походы, получившие название культпоходов. Репертуар театра и концертных программ состоял в значительной степени из произведений агитационно-политической направленности. Вместе с артистами театра в культпоходе участвовали и инструкторы просветительного общества «Прометей», члены общественных организаций, партийные работники, а также латышские писатели и художники. Помимо непосредственно театральных и концертных выступлений, проводилась целенаправленная агитационно-пропагандистская работа.

Выступления творческих коллективов проходили с огромным успехом. Латышам всегда была свойственна тяга к искусству, театру, поэзии, музыкальной культуре, в том числе – игре на музыкальных инструментах, пению. В колониях имелись самодеятельные коллективы (музыкальные, хоровые, театральные). Развитию искусства, особенно хорового пения, способствовали не только народные, но и традиции религиозные. Воскресные службы лютеран и баптистов проходили с обязательным совместным песнопением (псалмов и других религиозных произведений) всеми членами общины под аккомпанемент музыкальных инструментов. Самодеятельные театральные коллективы создавались при школах, которые являлись центрами культурной, а во многих колониях и религиозной жизни. Из воспоминаний Х. Рукшана, посвященных самодеятельному театру Бакалдинской школы, «по субботам и воскресеньям, когда убрали одну поперечную стену внутри школы, учебное заведение превращалось в зал с двумя сотнями сидячих мест и со сценой. Ставили спектакли, в том числе такие популярные пьесы, как Рудольфа Блауманиса «Дни портных в Силмачах» ("Skroderdienas Silmačos") и Эдуарда Вульфа «Праздник в Скангале» (Svētki Skangalē) и др.»¹.

Естественно, что для латышей, имевших глубокие культурные традиции, приезд московских артистов становился значительным событием, которого ждали и к которому готовились. Посмотреть спектакли и

---

¹ Рукшан Х., Аунс-Уралиетис А. Указ. соч. С. 113.

концертные выступления на родном языке собиралось максимальное количество зрителей.

В свой первый приезд в Башкирскую республику 21 июня 1933 г. латышский государственный театр «Скатувэ» начал с показа в г. Уфе пьесы Б.А. Лавренёва «Разлом». 24 июня 1933 г. коллектив театра отправился к месту основных гастролей, в Архангельский и Иглинский районы республики. Завершился культпоход 20 июля 1933 г. отбытием со станции Тавтиманово в Западную Сибирь.

За время гастролей в Башкирии театральные и концертные выступления посетили 11465 чел. Репертуар театра состоял из спектаклей латышских и советских авторов. Большой популярностью пользовались: «Вей, ветерок» Я. Райниса, сатирические комедии «Муж вдовы» А.М. Упита и «Прорыв в любви» В.М. Чуркина.

Участники культпохода по территории Башкирии передвигались исключительно на подводах или пешком. На гужевом транспорте был проделан путь протяженностью 160 км, из которых 80 км – участок от Уфы до села Архангельское. В районах к местам запланированных выступлений добирались уже пешим порядком. Ежедневные переходы составляли от 3 до 16 км. К концу гастролей театральный коллектив прошел расстояние общей протяженностью 143 км.

Следующие гастроли латышских артистов состоялись в 1935 г., когда Башкирию посетила концертная бригада латышского просветительского общества «Прометей» в составе 7 чел. артистов (певцы, чтец, баянист). За время культпохода с 20.06.1935 г. по 23.07.1935 г. было обслужено 7 колхозов Архангельского и Иглинского районов, где было дано 26 концертов, из которых 6 – для детей. Заключительный концерт состоялся 23 июля в г. Уфе. Выступления концертной бригады посетили 7250 слушателей, в том числе – 550 детей¹. В программу входили вокальные (соло, дуэты, ансамбль) и инструментальные номера (соло на баяне), художественное

---

¹ ЦИА РБ. Ф. Р-394. Оп. 5. Д. 1172. Л. 10.

чение, скетч, представления кукольного театра (преимущественно на местном материале). Большим успехом у публики пользовались выступления певца Арвида Лацита и декламации в исполнении певицы Аустры Винниковской, которая исполнила произведения Я.Райниса, других революционных поэтов, в том числе имело успех стихотворение китайского поэта Э. Сяо под названием «Вата»¹.

Одновременно с концертной программой проводилась организационная и политмассовая деятельность. Оказывалось содействие в создании колхозных драматических и хоровых кружков, проверялась работа колхозов, школ, общественных организаций, о чем был подготовлен подробный отчет правлению общества «Прометей». В отчете особо отмечалось неудовлетворительное положение в смешанных колхозах. Рекомендовалось: «Проработать вопрос о выделении <...> отдельных нацменовских бригад, сосредоточив повседневную массовую работу в бригадных красных уголках (выписка, читка газет, доклады, кружки и др.) на нацменовском языке». Также указывалось на «отсутствие» политмассовой и культурной работы среди латышей: «Последние иногда попадают под влияние агентов кулаков, распространяются кривотолки о войне, десантах и др.»². Естественно, что только отсутствием политмассовой работы, а не другими причинами можно было объяснить нежелание латышей расстаться с индивидуальными хозяйствами и идти работать в колхозы.

В период с 3 июня по 20 июля 1936 г. состоялся очередной культпоход Государственного латышского театра «Скатувэ» в Башкирскую АССР, который стал наиболее значительным и последним в своей истории. За время гастролей театра его выступления посмотрели почти 19260 зрителей в 14 пунктах республики. К этому времени коллектив театра стал одним из ведущих в стране, в 1933 г. был признан лучшим национальным театром.

---

¹ Курбе А. Латышский концерт в Уфе // Красная Башкирия. 1935. № 173, 29 июля.

² ЦИА РБ. Ф. Р-394. Оп. 5. Д. 1172. Л. 13.

На гастролях в Башкирии труппу театра возглавил заслуженный артист республики Ян Балтаус¹. Был представлен обновленный репертуар, состоящий из 4 больших постановок – спектаклей «Авантюра» (Р.А. Апина и К.Я. Иокума), «Волки» (Р. Эйдемана), «Жизнь зовет» (В.Н. Билль-Белоцерковского), «Минула жуткая ночь» (Я.Я. Страуяна). Концертная программа включала в себя выступление хора (20 чел.) с репертуаром из революционных и народных песен, в том числе произведения «Красная молодежь» на русском языке. Выступление джаз-хора, исполнившего композиции «Конная Буденного» и «Молодость»². В репертуаре танцевальной группы (8 чел.) – латышские танцы, танцы народов мира, в том числе: «Финский танец», «Русская плясовая», «Армянский этнографический», а также патриотические и шуточные танцы: «Колхозный танец», «Физкультурный марш», «Танец интернациональных матросов», «Лубок», «Акробатический танец», «Яблочко», «Танец с лентой», «Тарантелла», «Танец кукол» и др. В программе выступлений присутствовали и коллективные декламации: «Переключка гудков» и «Куриный брод» на стихи Д. Бедного³.

При постановке агитационно-художественных представлений использовался и местный материал. Получить его было нетрудно, так как артисты жили в колхозах, общались с людьми, участвовали в сельскохозяйственных работах. Их приглашали на различные хозяйственные, партийные заседания, включали в президиум торжественных собраний. Они собственными глазами видели успехи и недостатки хозяйств. В сценах, подготовленных на местном материале, особенно доставалось тем, кто с нежеланием относился к труду, злоупотреблял спиртными напитками. В этот период шла борьба с неграмотностью и по воспоминаниям информаторов была такая сценка, когда в ответ на реплику, что «сейчас другие времена и

¹ Репрессирован, расстрелян 3.02.1938 г.

² Шибанов С. Большая радость для колхозников. // Сталинский путь. Орган Иглинского райкома ВКП(б). 1936. 9 июня.

³ ЦИА РБ. Ф. Р-394. Оп. 5. Д. 1172. Л. 61.

даже медведя можно научить грамоте», под смех зала выводили на сцену колхозного бычка со словами: «Раз вы уж медведя можете научить, то колхозного бычка и подавно научите»¹. Конечно, такие приемы не могли не нравиться публике.

Спектакли и концерты собирали значительное число зрителей, которые съезжались с окрестных колхозов, находящихся за десятки километров. Среди них были люди разных национальностей. Помещения, выделенные под зрительные залы, не вмещали всех желающих, «массы людей толпились перед открытыми окнами и дверьми». В сложных условиях жизни крестьян в 30-е гг. XX в., в период всеобщего стресса, страха и растерянности, приезд московского театра скрашивал будни и давал пусть иллюзорную, но надежду на лучшее. Гастроли театра становились настоящим праздником.

Представляется уместным привести некоторые характерные выдержки из отчета театра: «В колхозе «Блюхера 2» спектакли театра пришлось давать в старом сарае, настолько набитом зрителями, что остальные, а их было не меньше, стали разбирать стены и крышу для того, чтобы смотреть спектакль. ...Исполнителей часто забрасывали цветами. Иногда цветы приносили в общежитие артистов, украшали столы и прочее. В помещения встречались плакаты с приветствиями театру»². После каждого спектакля в зале начинались танцы. Играли музыканты любители – ансамбль скрипачей и духовой оркестр.

Не во всех колхозных хозяйствах имелись оборудованные клубные помещения для показа спектаклей, такие нашлись только в колхозах им. К. Ворошилова и им. П. Стучки. В других же населенных пунктах использовались школьные и другие помещения, а в колхозах «Бривайс Дарбс», им. Рудзутака, «Балажи», «Соц. Юл» представления проходили под открытым небом на наспех сооруженных сценах-площадках. Для сцены использовали даже помещения церквей, что, конечно, вызывало негативную

---

¹ ПМА – 2012 г. Воспоминания М.Я. Вэйс (1927 г. р.), п. Горный Архангельского р-на РБ.

² ЦИА РБ. Ф. Р-394. Оп. 5. Д. 1172. Л. 47.

реакцию со стороны верующих, но даже это не останавливало желающих посмотреть спектакль или концерт. «Выступая в церкви в «Красном Зилиме» нам пришлось выступать с разоблачением распущенной суеверной провокацией о том, что якобы всякий, кто пойдет на спектакль в церкви, – тут же заболит. Однако, как везде, так и здесь, масса зрителей все увеличивалась с каждым новым спектаклем»¹.

Сведения о выступлениях театра «Скатувэ» даны в Таблице 18:

Таблица 18

**Сведения о выступлениях
Государственного латышского театра «Скатувэ»
в Башкирской АССР в период с 3 июня по 20 июля 1936 г.**

Пункты обслуживания	Спектакли	Концерты	Детские утренники	Всего
с. Иглино	-	1	-	1
колхоз «Бривайс Дарбс»	2	1	-	3
колхоз «Бривайс Арайс»	4	3	1	8
колхоз им. Рудзутака	1	-	-	1
колхоз им. Ворошилова	1	1	-	2
колхоз «Путь Ленина»	3	1	1	5
колхоз «Балажи»	2	1	1	4
колхоз «Маяк»	4	1	1	6
колхоз «Соц. Юл»	1	1	-	2
с.Архангельское	2	1	-	3
колхоз «Красный Зилим»	1	1	1	3
колхоз Блюхера № 2	1	1	-	2
Колхоз им. П.Стучки	4	1	1	6
г. Уфа	1	-	-	1
Итого	27	14	6	47

Источник: ЦИА РБ. Ф. Р-394. Оп. 5. Д. 1172. Л. 45.

Заключительное выступление театра состоялось 16 июля 1936 г. в г. Уфе в клубе им. М. Погребинского, где был дан спектакль по пьесе Р.А. Апина и К.Я. Иокума «Авантюра» в переводе на русский язык².

¹ ЦИА РБ. Ф. Р-394. Оп. 5. Д. 1172. Л. 47.

²[Б. а., б. н.] // Красная Башкирия. 1936. 16 июля.

Кроме профессиональной работы, силами артистов театра и прикомандированных к театру представителей общественных организаций дополнительно было проведено 79 мероприятий агитационно-политического характера. В том числе прочитано 27 докладов по вопросам текущей политики (уборке урожая, о конституции, займах и др.). Выпущено совместно с местными редакциями 12 стенгазет, 1 живая газета и 1 фотогазета. Проведены практическая художественно-постановочная работа с пионерами колхоза «Путь Ленина», художественно-инструкторская работа с художественной самодеятельностью колхозов «Маяк» и им. П. Стучки. Четыре библиотеки были укомплектованы новейшими латышскими изданиями. Почти во всех колхозах к приезду театра приурочивали различные массовые мероприятия, например проведение колхозных торжеств, связанных с окончанием посевной кампании – так называемых «Зеленых балов» (Zala balle). Такие колхозные мероприятия прошли в колхозах: «Бривайс Арайс», им. Рудзутака, «Путь Ленина», «Балажи», «Маяк», «Соц. Юл». Артисты принимали участие в колхозных увеселениях и балах. Музыкальная бригада театра выступала с танцевальной музыкой. Передвижная электростанция театра обеспечивала светом. Проводились также такие мероприятия, как школьные слеты («Бривайс Арайс», «Путь Ленина», «Маяк») и торжества по случаю передачи актов на вечное пользование земель в колхозах им. Ворошилова и «Балажи».

С приходом театрального коллектива отмечалась возрастающая активность местной художественной самодеятельности. В Иглинском клубе, положив в основу образцы театра, заработали танцевальные и музыкальные кружки. В колхозе «Маяк» был создан хоровой кружок, оживилась работа драматического и музыкального кружков. Были случаи, когда непосредственно после концерта молодежь приходила просить инструкции или ноты (колхоз «Бривайс Арайс»), а «пионеры колхоза «Путь Ленина» с увлечением работали под руководством балетмейстера театра над

хореографическими номерами, с которыми выступали в совместном с театром концерте»¹.

Не остались незамеченными и негативные стороны колхозной жизни. Отмечалось, что в колхозах сильно развито пьянство. «Были случаи, когда во время спектаклей в окружающих кустах протекала драка пьяных дебоширов (колхозы «им. Рудзутака», «Соц. Юл»). В колхозе «Балажи» артистам пришлось спасти женщину, которую во время представления из-за ревности облили серной кислотой»². Латышам вообще было не свойственно злоупотребление алкоголем, основным алкогольным напитком являлось домашнее пиво, однако с потерей жизненных ориентиров стали происходить и такие негативные явления.

Таким образом, для советизации латышей Башкирии требовались более значительные усилия, чем других этносов. В своей массе зажиточные крестьяне, понесшие большие материальные и людские потери в период коллективизации и последующие годы, они оставались негативно настроенными к советской власти. Наряду с применявшимися к ним репрессивными мерами, в среде латышей Башкирии уделялось внимание и внедрению коммунистической идеологии, чему и призваны были способствовать культпоходы театра «Скатувэ», а также вся деятельность просветительного общества «Прометей». Как видно из приведенного материала, работа просветительного общества «Прометей» и государственного латышского театра «Скатувэ» носила не только культурно-просветительный характер, но и широкую агитационно-пропагандистскую направленность. Объясняется это тем, что латышские колонисты являлись «проблемным населением» страны.

---

¹ ЦИА РБ. Ф. Р-394. Оп. 5. Д. 1172. Л. 47.

² Там же.

2.3. Политические репрессии и их последствия

В истории Башкортостана немало трагических страниц, связанных с политическими репрессиями, всплеск которых произошел в период массовой коллективизации крестьянства и достиг апогея в 1937–1938 гг. В историографии региона эта проблема раскрыта явно недостаточно, имеются существенные лакуны, определяющие необходимость дальнейших исследований. В их числе и репрессии против латышского населения республики. В 7-итомном издании «Книга памяти жертв политических репрессий» зафиксировано 765 латышей, арестованных в связи с привлечением к уголовной ответственности по ст. 58 УК РСФСР (контрреволюционные преступления). Эти данные не совсем точны, имеются ошибки, которые можно объяснить огромным объемом работы, проделанной составителями издания. Были выявлены повторно указанные фамилии, неправильно определенная национальность. Например: Страус Христофор Антонович зафиксирован как в томе № 4, так и № 7. Мехельсон Эдуард Мартынович указан в томе № 3. Этот же человек, но под фамилией Михельсон есть и в томе № 7. Василь Петр Петрович, этнический эстонец, лютеранский проповедник Архангельской латышской колонии, идентифицирован как латыш¹. Возможно, имеются и другие ошибки и неточности, которые в то же время не оказывают существенного влияния на общую картину репрессий в Башкирии.

Разница между количеством репрессированных латышей, зафиксированных в «Книгах памяти жертв политических репрессий», и данными, приведенными в Таблице 19, объясняется тем, что некоторые граждане привлекались к уголовной ответственности более одного раза.

---

¹ Книга памяти жертв политических репрессий. Уфа, 1997, 1998, 2001, 2003, 2005, 2008, 2011.

**Количество латышей Башкортостана, арестованных в связи с привлечением к
уголовной ответственности по ст. 58 УК РСФСР
(контрреволюционные преступления)**

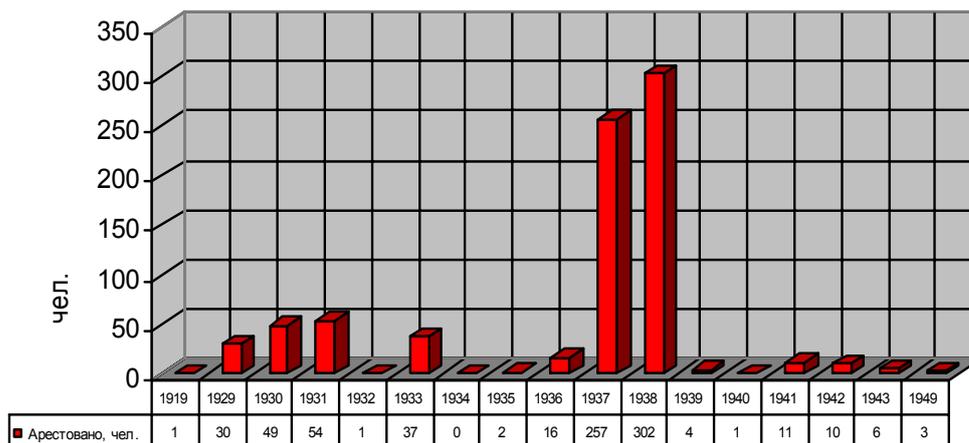
Год	Кол-во арестованных	Год	Кол-во арестованных
1919	1	С 01.01.1937 по 30.11.1937	34
1929	30	декабрь 1937	223
1930	49	1938	302
1931	54	1939	4
1932	1	1940	1
1933	37	1941	11
1934	0	1942	10
1935	2	1943	6
1936	16	1949	3
		Итого	784

Источник: Книга памяти жертв политических репрессий. Уфа, 1997, 1998, 2001, 2003, 2005, 2008, 2011.

Данные в виде диаграммы выглядят следующим образом (см. Диагр. 1):

Диаграмма 1

**Количество латышей Башкирии, арестованных в связи с привлечением
по ст. 58 УК РСФСР
(контрреволюционные преступления)**

Значительно количество расстрелянных латышей (Табл. 20):

Количество расстрелянных латышей Башкортостана

Год	Кол-во расстрелянных	Год	Кол-во расстрелянных
1930	17	1938	395
1936	3	1941	3
1937	3	1942	3

Источник: Книга памяти жертв политических репрессий. Уфа, 1997, 1998, 2001, 2003, 2005, 2008, 2011.

Особенно трагичным был 1938 г. (Диагр. 2):

Диаграмма 2

С началом коллективизации латышские крестьяне наиболее сильно пострадали от раскулачивания. Часть крестьян была выселена, а других, не захотевших вступить в колхозы, обложили повышенным сельскохозяйственным налогом, который не всегда удавалось своевременно оплатить или погасить, как в денежном, так и в натуральном выражении. Имущество должников подлежало реализации на торгах, вырученные деньги от которых шли в счет погашения задолженности. Широко была распространена практика, когда крестьян, не выполнявших твердые задания, приговаривали к принудительным работам. Чаще всего в условиях БАССР их использовали на лесоразработках. Естественно, что в крестьянской среде это вызывало массовое недовольство, которое можно было сдерживать только жесткими мерами.

Особо тяжелое положение было у крестьян, сосланных на спецпоселения. Следует отметить, что тема кулацкой ссылки разработана явно недостаточно, особенно ссылки латышских крестьян республики. Латышей, как и зажиточных крестьян других этносов, во внесудебном порядке выселяли на спецпоселения за пределы БАССР, а также и в спецпоселки республики. Они работали на угольных шахтах Прокопьевска (спецпоселок Анджерка), на заготовке леса в спецпоселках Белорецкого, Нуримановского, Караидельского и Дуванского районов, на строительстве и предприятиях Промкомбината г. Уфы (спецпоселок ЦЭС), моторного завода (спецпоселок Моторного завода). Выселению подверглись не только зажиточные крестьяне, но и служители религиозных культов: лютеранские и баптистские проповедники, и церковные старосты.

Но не только этими мерами ограничивались репрессии. Как видно из вышеприведенных таблиц и диаграмм, латыши Башкирии в значительной степени подверглись уголовному преследованию. Многие были осуждены по ст. 58 УК РСФСР (контрреволюционные преступления). Только за три года, с 1929 г. по 1931 г., было арестовано 133 чел. Предъявленные обвинения носили универсальный характер и могли быть применены к любому гражданину. Чаще всего это антисоветская пропаганда, вредительство, участие в деятельности контрреволюционных подпольных организаций с целью подготовки свержения советской власти.

Уголовному наказанию подвергались и граждане, бежавшие со спецпоселений или уклонившиеся от выселения. В 1930 г. в БАССР было расстреляно 17 чел., из которых по одному групповому делу – два человека: П.И. Лейман и Г.Ю. Ошис, крестьяне Ауструмской колонии, обвиненные в антисоветской пропаганде и сокрытии хлебных излишков и во время кампании хлебозаготовок. Всего по этому делу было арестовано 22 чел., в том числе русский Н.А. Кожевников и белорус П.М. Краско. Из числа арестованных 9 чел. осуждены к заключению в концлагерь на сроки от 10 до 3-х лет, трем арестованным лишение свободы заменили высылкой в

Северный край сроком на пять лет, одного сослали на три года, престарелого Г.Г. Смекша осудили на 5 лет лишения свободы условно. Еще четверем арестованным зачли в срок наказания время предварительного заключения. Имущество осужденных к лишению свободы и высылке было конфисковано, а семьи выселены.

По уголовному делу так называемой контрреволюционной группы «Освободители» в 1930 г. арестовали 297 чел. разных национальностей, т.ч. латышей – 25 чел., расстреляли 88 чел., из которых 15 – латышей. Среди расстрелянных был и П.Я. Шмидт, церковный староста Балтийской колонии. Еще 10 латышских крестьян были осуждены к различным срокам заключения. Все арестованные обвинялись в активном участии в повстанческой подпольной организации. Опыт, полученный органами ГПУ, при фабрикации этого дела получил применение и дальнейшее развитие в 1937–1938 гг.

При составлении обвинительного заключения учитывались и прежние деяния арестованных, за которые они были уже амнистированы, или за выявленные в более поздний период. Так, в марте 1931 г. в Архангельской латышской колонии арестованы Н.К. Висман, И.М. Удубардз и М.Я. Фабрициус, участники крестьянского восстания против советской власти в 1918 г., принимавшие участие в нападении на командира красных партизан Абола Карла Карловича, получившего тяжелое ранение.

Курьезно-трагическая история, связанная с попыткой переселения в Бразилию, произошла с Адольфом Адамовичем Янсоном. В феврале 1925 г. он нелегально перешел границу из Латвии в СССР, наивно полагая уехать в Бразилию, куда ранее из г. Лиепая (Латвия) выехали его родители. Власти Латвии не давали ему разрешение на эмиграцию в связи с тем, что он состоял на учете как военнообязанный. Перебравшись в СССР, он был задержан, осужден условно и направлен для проживания в Башкирскую АССР в Архангельскую латышскую колонию. Проживая в Башкирии, неоднократно обращался с просьбой в МИД СССР за разрешением на выезд в Бразилию, в

чем ему было отказано. Поняв, что получить такое разрешение не получится, Янсон задумал нелегально перейти границу Норвегии, в августе 1927 г. был задержан в Мурманске, осужден к лишению свободы на 1 мес. условно и отправлен обратно в Башкирию. В 1928 г. Янсон решил пробраться в Китай. При первом переходе границы его задержали китайские пограничники и выдворили назад в СССР, но через три дня он повторил попытку, успешно перешел границу, сумел устроиться в русской колонии в г. Шара-Сум, где стал работать кузнецом у бывшего белогвардейца Бирюкова, который поручился за него перед китайскими властями. Проживая в Китае, Янсон направил письма американскому и английскому консулам с просьбой о содействии в выезде в Бразилию, а также проживавшему в Китае немецкому пастору. Сохранился ответ английского консула, в котором Янсону в содействии перед властями Индии в проезде через эту страну было отказано в связи с отсутствием у него необходимой суммы денег. Все это время Янсон поддерживал переписку с родителями, которые прислали ему официальное подтверждение (составленное на португальском языке) в том, что они проживают в Сан-Пауло в колонии Варпа и имеют возможность оплатить стоимость проезда на пароходе до Бразилии. В мае 1930 г. по требованию консула СССР китайские власти выдворили Янсона в Советский Союз. Постановлением Тройки ГПУ Башкирской АССР от 05.11.1930 г. Янсон был осужден к заключению в концлагерь сроком на 10 лет. Все время нахождения на территории Китая он хранил у себя не только личные документы и письма родителей, но и различные справки, выданные Архангельским сельским советом, расписку об изъятии у него вещей в г. Мурманске и даже два билета лотереи, устроенной членами кружка рукоделия Скимской баптистской общины Архангельской латышской колонии, заверенные церковной печатью¹.

---

¹ Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Башкортостан (далее – УФСБ РФ по РБ). Временный фонд (далее – ВФ) № 14003.

Следующий всплеск репрессий латышей в БАССР произошел в 1933 г., когда было арестовано 37 чел. Трудно объяснить, с чем это связано, но и в этот год обвинения, предъявленные арестованным, оставались прежними: вредительство, антисоветская пропаганда, подготовка к вооруженному восстанию, шпионаж и т.д. Одним из таких было дело о «раскрытии» контрреволюционной организации в Горном сельском совете Нуримановского района республики. Было осуждено 11 человек¹. Среди них не только латыши, но и поляки. Этот архивный материал представляет интерес не только для изучения проблемы репрессий, но и конфессиональной принадлежности латышей. Все латыши, осужденные по этому делу, были католиками, выходцами из Витебской губернии, в настоящее время это этнографический район Латвии – Латгалия. В настоящее время большинство латгальского населения России проживает в Сибири, сведения о латгальцах Башкирии в научной литературе встречаются, но эта проблема остается недоизученной.

До 1937 г. репрессии в Башкирии еще не имели национальной окраски и были продиктованы только «безопасностью государства», как ее представляли руководители большевистской партии. Положение коренным образом изменилось в период Большого террора. Как известно, НКВД СССР провел ряд национальных репрессивных кампаний. Сначала против поляков, а в последующем и других народов. В большей степени они коснулись лиц западных этнических меньшинств. Целью «национальных операций» провозглашалась борьба с диверсионно-повстанческими и шпионскими кадрами разведок капиталистических стран. Существует мнение, что эти операции носили превентивный характер в преддверии большой войны с целью уничтожения в СССР возможной пятой колонны. 30 ноября 1937 г. руководство республик и областей страны получило шифрованную телеграмму за подписью наркома НКВД СССР Н.И. Ежова,

---

¹Архив УФСБ РФ по РБ. ВФ № 11954.

предписывающую приступить к аресту латышей¹. С этого дня принадлежность к латышскому этносу становится смертельно опасной. Ни положение в обществе, ни бывшие заслуги не гарантировали безопасность. Одним из первых было разгромлено латышское просветительное общество «Прометей», под прикрытием которого якобы работала шпионская организация. В связи с этим НКВД выстроил логическую цепочку, позволявшую без особых усилий подвергнуть репрессиям значительное количество латышского населения страны. Связано это было с тем, что деятельность латышского просветительного общества «Прометей» пронизывала все стороны жизни латышского населения. При его участии создавались латышские колхозы, открывались театры, школы, клубы, библиотеки. Велась подготовка специалистов сельского хозяйства, учителей, партийных и клубных работников. Шло обеспечение литературой, учебниками, наглядными пособиями и агитационными материалами. Работала художественная самодеятельность, кружки ОСОВИАХИМА и т.д. В этой связи в период массовых репрессий 1937–1938 гг. в Башкирии большинству арестованных было предъявлено обвинение в сотрудничестве с просветительным обществом «Прометей», следовательно, и в шпионской деятельности. Всего в тот период в республике было арестовано 559 латышей, из которых расстреляно 398 чел. или 71,2 %. Также арестованным предъявлялись обвинения в участии в якобы действовавшей на территории республики латышской контрреволюционной подпольной националистической организации и вредительстве.

Репрессиям подверглись представители всех слоев латышского населения – от простых крестьян и рабочих до лиц, занимающих ответственные должности в государственном аппарате и учреждениях республики. Например, были арестованы и расстреляны: исполняющая

---

¹ Шифротелеграмма № 49990: [сайт] URL:
<http://www.radiobaltkom.lv/rbnews/13368-shifrotelegramma-%E2%84%96-49990> (дата
обращения 10.02.2014).

обязанности наркома Здравоохранения М.О. Булле¹, помощник наркома внутренних дел П.Г. Перкон², инструктор БашЦИК А.И. Рудзит, прокурор Иглинского района Штейн и многие другие.

К подготовке массовых арестов подходили как к военной операции, видимо, опасаясь ответных действий со стороны населения. Из объяснительной записки Перескокова, в 1937–1938 гг. начальника Архангельского РО НКВД БАССР, мы узнали о тех силах, которые были задействованы при первом массовом аресте: «В Архангельский район прибыла опергруппа, примерно в 100 чел. оперативного состава. Вместе с ними прибыла воинская часть войск НКВД и эскадрон конной милиции, примерно в составе 150–200 сабель» (по всей видимости, описываемое событие происходило 4 декабря 1937 г., в тот день, когда в БАССР было арестовано 43 чел.). «Недели через две в район выехала вторая оперативная группа, которая провела дополнительные аресты людей, уже проходивших по показаниям»³.

Так как аресты были массовыми и не имеющими законных оснований, имелись случаи, когда дела арестованных объединялись в одно групповое дело, например, «выявленных контрреволюционных подпольных организаций». Протоколы допросов, заранее подготовленных следователями с нужными для вынесения приговора показаниями, вынуждали различными противозаконными способами (чаще физическим и моральным воздействием) подписывать подследственных. Одним из таких дел стало дело о выявленной «Латышской контрреволюционной подпольной националистической организации», в котором объединили дела 255 ранее арестованных человек⁴. По этому делу аресту подверглись как простые крестьяне и колхозники, так и наиболее грамотная и активная часть латышского населения.

---

¹ Архив УФСБ РФ по РБ. ВФ № 3477.

² Там же. ВФ № 3874.

³ Там же. ВФ № 3748. Т. 14 Л. 175.

⁴ Архив УФСБ РФ по РБ. ВФ № 3748. Т. 1–19.

По версии следствия, в Башкирии в этот период действовали две контрреволюционные организации, которые в конечном итоге объединились и создали одну более мощную организацию. Как ни парадоксально, одной «контрреволюционной организацией» руководил лютеранский миссионер Э.О. Франц, в составе его подпольной организации были церковные старосты и простые верующие колоний, которые собирались на молитвенные собрания, что и явилось основанием обвинения в контрреволюционной деятельности. К этой группе примыкали и верующие баптисты во главе со своими проповедниками, членами совета церкви А.А. Озолиным и др. Другую «контрреволюционную организацию» возглавлял инструктор просветительного общества «Прометей» Башкирии, инструктор БашЦИК А.И. Рудзит. Парадокс в том, что Рудзит был идейным коммунистом, на деле борющимся с религией и, в частности, с Францем.

В группу А.И. Рудзита причислили всех тех, кто хоть как-то был связан с деятельностью общества «Прометей», это были председатели колхозов, сельских советов, бригадиры, парторги, директора МТС, учителя, руководители и члены художественной самодеятельности и др. Особо выделяли руководителей и членов кружка ОСОВИАХИМ, так как считалось, что эта оборонная организация на самом деле готовила и обучала кадры бойцов для вооруженного восстания против Советской власти. Следствие по этому делу завершилось в сжатые сроки. Большинство арестованных вызывали на допросы только один или два раза, принуждая подписывать заранее подготовленные протоколы. Всего по этому делу высшую меру наказания вынесли 230 арестованным, остальные были осуждены на различные сроки лишения свободы. Лишь по двоим арестованным дело было прекращено в связи с отсутствием состава преступления, арестованный Я.Я. Эверст умер во время следствия до вынесения приговора.

У арестованных во время обысков было изъято большое количество оружия, что также явилось формальным поводом причисления их к

повстанческой организации. Всего было изъято 164 ед.¹, в основном охотничьего. В их числе – 109 ед. разных моделей гладкоствольного духового, 38 охотничьих ружей системы Бердана, 6 мелкокалиберных винтовок, 3 револьвера и одна 3-х линейная винтовка. Изымалось и холодное оружие, в том числе 4 кинжала, один с клеймом Златоустовского завода, штык от американской винтовки и штык от австрийской винтовки. В числе изъятого были как дорогие модели марок «Зауэр» и «Ремингтон», так и дешевые «Фроловки», а также старые шомпольные ружья. Много оружия было неисправного, негодного к использованию, в том числе и вышеупомянутая 3-х линейная винтовка – ржавая, без затвора. Их наличие объясняется не только занятием охотой (Фото 17; 18), которой традиционно занимались латышские хуторяне, а отчасти носило вынужденный характер, так как жизнь на уединенных хуторах была опаснее, чем в многолюдном городе или деревне. В случае бандитского нападения трудно было рассчитывать на помощь соседей.

Во время обыска у арестованных изымались вещественные доказательства их преступной деятельности, которые в большинстве своем таковыми не являлись: документы, переписка, деньги, ценности, охотничье оружие, книги, фотографии и другие вещи. Как правило, они не имели реальной стоимости и отношения к данному делу, но семьям арестованных их не возвращали, а уничтожали с составлением соответствующего акта. Из этого следует, что, не имея доказательств вины арестованных, у лиц, производивших арест и обыск, не было сомнений, что изъятые вещи гражданам уже не понадобятся. Жительница д. Балажи Иглинского района Осис Айна Ивановна рассказала, что при аресте ее отца Осис Ивана Ивановича в апреле 1938 г. были изъяты альбомы с семейные фотографиями, которые в этот же день сожгли в сельском совете.

В дальнейшем происходило повторное изъятие имущества репрессированных в соответствии со вступившим в силу приговором,

---

¹ Подсчет произведен по данным архива УФСБ РФ по РБ. ВФ № 3748. Т. 1–5.

который предусматривал конфискацию. Деньги, драгоценности и ценные бумаги шли в доход государства, что-то реализовывалось в сети розничной торговли или передавалось для нужд государственных учреждений и колхозов. Конфискацию проводил сотрудник ГБ НКВД в присутствии понятых. Изымалось практически все, что не было изъято ранее во время ареста в качестве вещественных доказательств: деньги, облигации, драгоценности, мебель, одежда, книги, музыкальные инструменты, посуда. Некоторые описи конфискованных вещей сохранились в архивно-следственных делах. В наше время трудно представить, что конфискации подлежали даже те вещи, которые были явно не пригодными к реализации. Например, старые носки, ношенные валенки, бывшие в употреблении носовые платки, подворотнички и даже рваные кальсоны. Так, две пары старых рваных кальсон были переданы в Госфонд и оценены общей стоимостью в 2 рубля, что наглядно показывает уровень жизни граждан того периода, а также страшный дефицит, существовавший в стране, если можно было реализовать даже такие вещи. Естественно, что среди латышского населения были люди разного достатка и интересов. У многих имелись книги не только религиозного содержания, но и большое количество художественной, технической, специальной и другой литературы, составлявшие иногда целые библиотеки.

Начиная с 1954 г., в период массовой реабилитации репрессированных, наследники осужденных обращались с просьбами о возврате изъятого имущества или получении денежной компенсации. При этом выяснилось, что часть описей имущества не сохранилась, а также, что не всегда перечень изъятых вещей соответствует тому, что заявляли наследники. В связи с этим опрашивались свидетели, присутствовавшие при конфискации, и лица, которые могли дать соответствующую информацию (соседи, работники сельских советов, родственники осужденных, коллеги по работе и т.д.). Например, у Озолина Андрея Андреевича была изъята фисгармония, но мнения свидетелей разделились по времени изъятия. Близкие родственники

уверяли, что она была изъята во время ареста, другие свидетели, – во время раскулачивания семьи. В результате в компенсации им было отказано. Были и другие факты отказа в выплатах, например, когда в заявлении граждан явно завышалось количество изъятого имущества. Так, у Озолина Альфреда Андреевича забрали пианино, две скрипки и мандолину.

Нередко после конфискации имущества семьи арестованных оставались без средств к существованию. К тому же многие ранее подверглись раскулачиванию, когда также шло изъятие у граждан материальных ценностей.

В результате проведенных репрессий произошло резкое сокращение численности латышского населения республики. По данным переписи 1939 г., число латышей в Башкирской АССР составляло 6,8 тыс. чел¹, т.е. за 13 лет после переписи 1926 г. их численность сократилась примерно на 200 чел. Но достоверность переписи 1939 г. вызывает сомнения, если проанализировать данные, опубликованные в «Книге памяти жертв политических репрессий». К началу указанного года по ст. 58 УК РСФСР (контрреволюционные преступления) в Башкирии было осуждено 656 латышей. Приговорено к высшей мере наказания и расстреляно 418 чел. (63,7 % от общего числа осужденных)². По воспоминаниям жителей с. Бакалдино, «только за одну ночь в декабре 1937 г. из села исчезло 57 чел.»³. В колхозе Балажи Иглинского района республики было арестовано более 40 чел.⁴. Аналогичное положение складывалось и в других латышских поселках.

---

¹ Народное хозяйство и культурное строительство в Башкирской АССР: Стат. сборник. Уфа, 1964. С. 19.

² Подсчет произведен по данным, опубликованным в «Книге памяти жертв политических репрессий Республики Башкортостан» (Уфа, 1997, 1998, 2001, 2003, 2005, 2008, 2011). В число осужденных не вошли крестьяне, ранее сосланные на спецпоселение.

³ Народы Башкортостана: историко-этнографические очерки / Гл. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа, 2002. С. 420.

⁴ ПМА – 2010 г. Воспоминания М.И. Валле (1923 г. р.), с. Балажи Иглинского р-на РБ.

Снижение численности латышей было обусловлено также депортацией во внесудебном административном порядке значительного числа латышских крестьян за пределы Башкирской республики в период сплошной коллективизации. В настоящее время данные о них отсутствуют. В результате репрессий во многих семьях остались только женщины, старики и дети. Так, в похозяйственной книге Балажей за 1940 г. учтено 44 латышские семьи¹, из которых в 25 семьях главы семей – женщины. В 8 семьях мужчины – главы семей – старше 60 лет. Всего в этот период в латышских семьях колхоза осталось 15 мужчин работоспособного возраста².

Таким образом, политические репрессии охватили разные слои латышского населения – от священнослужителей до руководителей правоохранительных органов. Многие были расстреляны, преимущественно мужское население среднего возраста, имущество изъято. Начался демографический спад.

2.4. Ликвидация латышских хуторов: причины и последствия

Исторические процессы 20-х – 30-х гг. XX в., связанные с изменением социально-политической системы страны, требовали перехода от индивидуальных к коллективным хозяйствам. В прессе тех лет хутора называли «проклятым наследием столыпинщины», их сравнивали с рифовыми островами, которые мешали работе сельскохозяйственных машин³. Расположение хуторов на значительном расстоянии друг от друга

---

¹ Архивный отдел администрации Иглинского р-на РБ. Похозяйственная книга колхоза Балажи за 1940–1942 гг.

² В том числе одна семья смешанная, где во главе семьи был белорус П.Л. Никульский.

³Киселев А., Балтин В. Искореняется наследие прошлого // Вперед. Орган Архангельского райкома ВКП(б). 1940. 28 мая.

(от одного до восьми километров) затрудняло организацию колхозных полей и севооборота. Хуторские постройки и приусадебные участки мешали рациональному использованию общественной колхозной земли и техники.

Вопрос жизнеспособности колхозов, созданных на основе индивидуальных хуторских хозяйств, оказался спорным, противоречащим психологии и менталитету абсолютного большинства латышей, привыкших к работе на собственном земельном участке. Для создания латышских колхозов и ликвидации хуторов в Башкирии привлекалось «Латышское просветительное общество «Прометей». В его «Отчете» за 1935 г. обосновывается целесообразность предпринятого дела: «Старые колонии переселенцев-латышей строились по принципу хуторского владенья; многие из них выросли в кулацкие хозяйства, где эксплуатировалась беднота своей и чужой национальности, особенно башкиры <...>. Сейчас следы старого хуторского хозяйства – разбросанность колхозников – сильно мешают дальнейшему хозяйственному и культурному росту латышских колхозов в Башкирии. При чрезмерной разбросанности колхозников много рабочего времени (около 15–20%) уходит на излишнее хождение»¹. В «Отчете» также читаем о некоторых результатах деятельности «Прометей»: «По инициативе передовых колхозов развертывается колоссальная работа по стягиванию всех колхозников к основным производственным центрам – бригадам; производится проектировка, начата стройка, закладываются основы нового социалистического хозяйства (колхоз П. Стучки, «Маяк» и др.). Наряду с производственными постройками, возводятся новые дома колхозников, правления, клубы, детские ясли и т.п.»². Речь в данном случае шла о созданных в начале 30-х гг. XX в. на территории Архангельского района 2-х наиболее крупных колхозах с преобладающим латышским населением. В 1939 г. колхоз им. П. Стучки был переименован в колхоз им. М. Горького (колхозники в шутку говорили: «Стал колхоз называться имени М. Горького,

---

¹ ЦИА РБ. Ф. Р-394. Оп. 2. Д. 1172. Л. 70.

² Там же.

и жизнь наша стала горькой»)¹. Всего к этому времени функционировало 7 колхозов, в которых трудились латыши².

Средства массовой информации одним из доводов в пользу сселения хуторов приводили проблемы школы и культурного обслуживания населения: «Зимние бураны, метели и морозы сотнями отрывают школьников хуторян от школы, десятки прогулов по школе уже дают себя знать ученику в конце года. Клуб, изба читальня, радио, медицинская помощь <...> отгорожено от колхозников хуторян»³. До Октябрьской революции проблема школьников решалась путем их временного проживания в интернатах. В большинстве латышских школ находили приют дети, не только далеко живущие от школы, но и близко, но выжидающие метели и межсезонную распутицу.

Кроме вышеуказанных причин, сселение хуторов объяснялась необходимостью борьбы с разбазариванием и расхищением общественных земель в пользу личных хозяйств, появлением «... мнимых колхозников, которые или вовсе не работают в колхозах, или работают лишь для виду, отдавая большую часть времени своему личному хозяйству»⁴. Естественно, что крестьяне старались максимально использовать приусадебные участки, а также прилегающие необрабатываемые земли, т.е. обрабатывать землю сверх норм, предусмотренных уставом сельскохозяйственной артели, а также держать излишний скот. Это стремление к достатку называли мелкобуржуазными пережитками, с которыми нужно бороться.

В 1935 г. и последующие три года сселение хуторов носило эпизодический, локальный характер. Естественно, что большинство хуторян не стремилось покидать освоенные места. За десятилетия упорного труда

---

¹ ПМА – 2012 г. Информатор М.А. Вецис (1929 г. р.), с. М. Горький Архангельского р-на РБ.

² ЦИА РБ. Ф. Р-394. Оп. 2. Д. 1172. Л. 69.

³ [Б. а.] Быстрее сселять хутора в поселки // Сталинский путь. Орган Иглинского райкома ВКП(б). 1939. 12 июля.

⁴ О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания // Сталинский путь. Орган Иглинского райкома ВКП(б). 1939. 3 июня.

были разбиты сады и огороды, возведены необходимые строения, которые невозможно было в короткий срок восстановить на новом месте. Имелись запруды, колодцы, пасеки, погреба, покосы и, как обязательный атрибут усадьбы – цветники и посадки сирени. Большое внимание латыши уделяли улучшению качества земли, повышению урожайности¹. Жилые и хозяйственные постройки хуторов отличались добротностью и соответствовали нуждам хозяйства и материальному достатку. Так, из страхового-оценочного листа от 20.07.1939 г. хозяйства И.Ф. Майора (Симбирская колония) видно, что его семья по современным меркам жила довольно скромно. Но и у них имелись все необходимые постройки для жизни в сельской местности: бревенчатый дом размером 4 м на 6,2 м, крытый щепой, бревенчатые сени 3,3 на 6,2 м, крытые щепой, бревенчатая конюшня 5 на 5,2 м, крытая щепой – все постройки 1893 г.. Кроме того, имелся сарай из теса, крытый тесом, размером 4,5 на 3,5 м – 1917 г. постройки².

27 мая 1939 г. вышло Постановление ЦК ВКП(б) И СНК СССР «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания», которое окончательно решило судьбу хуторских хозяйств страны и привело к фактически ликвидации латышских колоний. Ставилась задача «ликвидировать расположенные в общественных полях колхозов хуторские приусадебные участки колхозников»³. К этому времени уже в основном завершились такие исторические процессы, как повальное раскулачивание крестьянства и их ссылка на спецпоселения, период массовых репрессий 1937–1938 гг., а также процесс ликвидации хозяйств, когда крестьяне уходили работать на стройки и промышленные предприятия. На основании данного постановления начался болезненный процесс стягивания крестьянских дворов в производственные центры – бригады и центральные усадьбы колхозов. Предполагалось, что в них будет создана вся необходимая

---

¹ Бежкович А.С. Указ. соч. С. 74–75.

² ПМА – 2012 г. Из домашнего архива М.Г. Втюриной (1949 г.р.), с. Балтика Иглинского р-на РБ.

³ О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания // Красная Башкирия. 1939. 29 мая.

для жизни людей инфраструктура. Еще до реализации этих планов люди обсуждали перспективу жизни в поселках. Высказывалось мнение, что в случае их создания необходимо латышам селиться отдельно от других этносов, например от белорусов, т.е. создавать моноэтнические поселения. Эти пожелания, конечно, не были приняты во внимание и не реализованы¹.

Процедуру сселения можно условно разделить на два этапа, хотя эти процессы шли одновременно и параллельно. Первым этапом стал обмер приусадебных участков, который проводился с целью изъятия сверхнормативной земли и передаче ее в состав земель колхозов. Работу по обмеру участков предполагалось закончить до 15 августа 1939 г. В колхозе им. П. Стучки большинство колхозных дворов имели усадьбы размером от 1 до 2 гектаров, вместо установленных по уставу от 0,25 до 0,6 гектара². Аналогичная картина наблюдалась в других хозяйствах. После обмера усадеб колхозу «Маяк» отошло 128 гектаров земли, из которых 65 гектаров было засеяно зерновыми культурами, остальную часть земли оставили под луга. Вторым, и наиболее болезненным этапом, стало непосредственное сселение хуторов в поселки с предоставлением нормированного земельного участка. Окончательно завершить сселение предполагалось к 1 сентября 1940 г. В районах республики составлялись графики и утверждались сроки по каждому коллективному хозяйству. Так, для колхозов им. М. Горького и «Маяк» была утверждена дата окончания сселения 15 ноября 1939 г. Для оказания помощи хуторянам планировалось создание транспортных и строительных бригад, выделение автотранспорта, тракторов и строительных материалов. Предполагалось, что в первую очередь будут переноситься постройки первой необходимости, т.е. жилые дома. Тем не менее, сселение хуторов шло крайне медленно. К сентябрю 1939 г. ни одно хозяйство единоличников

---

¹ Архив УФСБ РФ по РБ. ВФ № 3748. Т. 13. Л. 71.

² Рахматуллин Х. Воспитывать колхозников в духе строгого соблюдения колхозного устава // Вперед. Орган Архангельского райкома ВКП(б). 1939. 4 февр.

Архангельского района республики еще не перебралось в новый поселок¹. В колхозе «Бривайс Дарбс» Иглинского района из 124 хозяйств сселилось только 8. Несколько интенсивней шло сселение в колхозе «Путь Ленина», где из 168 хозяйств сселилось 75². К 1 апреля 1940 г. из 190 хуторских хозяйств колхоза «Маяк» в новый поселок было свезено только 96 хозяйств³.

Населению предлагалось воспользоваться кредитом, который хуторяне брали с большой неохотой, надеясь на помощь со стороны колхозов. Из 700 тыс. руб., выделенных на эти цели Архангельскому району, за три первых месяца со дня выхода постановления было выдано лишь 68 тыс. руб. Строительные бригады, создаваемые для оказания помощи переселяющимся, должны были в первую очередь перевозить дома семей красноармейцев, пенсионеров и инвалидов. Но большинство латышских семей, члены которых подверглись репрессиям, приравнивались к семьям врагов народа, вследствие чего, как рассказывали информаторы, им отказывали в помощи, предлагая самостоятельно решить эту проблему⁴ (Фото 82–84).

Чтобы ускорить процесс сселения, местные власти применяли насилие, принуждая беззащитных людей к уходу с хуторов. Это не было местной особенностью, такие методы применяли и в других регионах страны⁵. Например, стаскивали дома с фундаментов, или в осенне-зимний период разбирали трубы и печи. Так произошло в колхозе Балажи на хуторе Либман Зелмы Ивановны, которая после ареста мужа осталась одна с восьмилетним сыном⁶. Чтобы принудить к сселению семью Осисов, Балажинский сельский совет направил на хутор строительную бригаду, которая, прибыв, раскатала

¹ Киселев А., Балтин В. Искореняется наследие прошлого // Вперед. Орган Архангельского райкома ВКП(б). 1940. 28 мая.

² [Б. а.] Сселение хуторов в поселки – задача огромной политической важности // Сталинский путь. Орган Иглинского райкома ВКП(б). 1939. 27 сент.

³ Киселев А., Балтин В. Указ. соч.

⁴ ПМА – 2013 г. Воспоминания А.И. Осис (1928 г. р.), д. Балажи Иглинского р-на РБ.

⁵ Кононов А.А. Процесс сселения хуторов на Псковщине (1930–1960 гг.) // Псков. 2006. № 24. С. 167–172.

⁶ ПМА – 2012 г. Информатор Р.К. Либман (1932 г. р.), д. Балажи Иглинского р-на РБ.

дом и удалилась, оставив лежать бревна на земле. В это время в семье Осисов после ареста главы семьи остались только его супруга Эмма Ивановна и пятеро детей. Чтобы перевезти строительный материал и собрать постройки на новом месте, приходилось уже за свой счет нанимать работников¹.

В газетах того времени новые поселки называли агрогородками, рисовали красивые картины их будущей жизни. Так, в колхозе «Маяк» планировалось построить две столовые, амбулаторию, родильную и даже лодочную пристань². В действительности отмечалось плохое качество строительства, как отдельных домов, так и в целом поселков: «В колхозе «Маяк» строят поселок без учета его художественного оформления; на переулках ставят сараи, амбары и т.д. В колхозе имени М. Горького в центре поселка ставят глинобитные домишки, в 5-й бригаде допустили плохую сборку дома колхозника т. Папе. Отдельные колхозники колхозов «Маяк» и им. Максима Горького продают свои хорошие дома и покупают маленькие некрасивые избушки»³.

До настоящего времени в д. Балажи сохранились дома, ранее стоявшие на хуторах или построенные во время образования деревни в 1939–1940 гг. Только дом семьи Норбертов можно выделить размерами – 104 кв. м. Остальные дома – довольно скромные. Так, площадь дома Валле не превышает 12 кв. м. По воспоминаниям Мирдзы Валлэ, на хуторе у них был большой дом, который пришлось продать после ареста отца⁴.

В целом нельзя считать, что Постановление от 27 мая 1939 г. и предыдущие решения правительства были направлены конкретно против латышского населения страны. Оно коснулось всех хуторских жителей, как колхозников, так и единоличников, независимо от этнической

¹ ПМА – 2013 г. Информатор А.И. Осис (1928 г.р.), д. Балажи Иглинского р-на РБ.

² Киселев А., Балтин В. Искореняется наследие прошлого // Вперед. Орган Архангельского райкома ВКП(б). 1940. 28 мая.

³ Дронов А. Больше внимания сселению хуторов // Вперед. Орган Архангельского райкома ВКП(б). 1939. 6 сент.

⁴ ПМА – 2010 г. Воспоминания М.И. Валле (1923 г. р.), с. Балажи Иглинского р-на РБ.

принадлежности. Однако для ликвидации латышских хуторов потребовались более значительные усилия, были применены методы убеждения через газеты и агитаторов, и насилия – через разрушения домов.

2.5. Латышская диаспора в едином государстве (1941–1991 гг.)

Одним из недостаточно изученных периодов истории диаспоры латышей Башкирии остается период 1940–1991 гг. Объясняется это не отсутствием научного интереса, а причинами иного характера. Основной является то, что в этот период, особенно в первом десятилетии, наиболее четко прослеживаются последствия демографического кризиса, вызванного политическими репрессиями, а в дальнейшем и последствиями Великой отечественной войны¹. Проведение этнодемографических исследований не только не приветствовалось, но в отдельные годы было невозможным. Впервые в послевоенный период число латышей, проживающих в Башкирии, было отражено в результатах Всесоюзной переписи населения 1959 г. и составило 3804 чел., по сравнению с данными переписи 1939 г., их численность уменьшилась на 2994 чел., или на 44,1%.

Работа по изучению латышского населения Башкирии возобновилась лишь в июле 1985 г., когда в республике в течение двух недель работала первая комплексная экспедиция Академии наук Латвийской ССР. В ее состав вошли сотрудники Института языка и литературы им. А.Упита и Института истории. Целью исследований стало определение уровня сохранности латышами своего языка, этнических традиций².

---

¹ У нас нет сведений о количестве латышского населения, погибшего во время Великой Отечественной войны. В изданных книгах памяти участников войны этническая принадлежность не указана. По подсчетам А.Н. Харитонова, краеведа и создателя музея с. Балтика Иглинского р-на РБ, только из их села погибло 46 латышей.

² Каримова Р. Ученые Латвийской ССР в нашем районе // Знамя Ильича. Орган Архангельского райкома КПСС. 1985. 23 июля.

И.М. Габдрафиков и А.Я. Блинкена, характеризуя этот период, отмечали, что в 1940–1991 гг. «идет активный процесс возвращения латышей Башкирии в Латвию»¹. С этим тезисом нельзя не согласиться, но важно разделять причины. Первый всплеск переселения в Латвию приходится на 1946–1948-е гг. В основе этого процесса, безусловно, лежали социально-экономические факторы, связанные с потерей духовных базовых ценностей присущих латышскому этносу, сломом прежней экономической модели хуторского хозяйствования, разорением и обнищанием. Люди, уезжавшие в тот период, являлись непосредственными свидетелями трагедии массовых репрессий, потерявшие жизненные перспективы в советской России и стремившиеся к сохранению этнической идентичности. Многие из них еще в 30-е гг. прошлого века предпринимали попытки к возвращению на историческую родину, но не сумели это сделать в связи с невозможностью выезда из СССР. В более поздние периоды, в 70-80-е годы XX в. основной из причин переезда в Латвию стал более высокий уровень жизни в республике. Так, по сообщениям информаторов из с. Бакалдино Архангельского района, несколько семей переехало на жительство в Добельский район Латвии. Некоторые вернулись назад. По рассказам очевидцев, администрация латышских колхозов, куда устраивались на жительство переселенцы из Башкирии, были заинтересованы в приезжих, так как они были менее требовательны к условиям труда и оплаты².

В связи с отсутствием данных о численности и движении населения в исследуемый период для анализа последствий политики раскулачивания и массовых репрессий 30-х гг. прошлого века и Великой Отечественной войны, приведших к снижению численности латышского населения республики, считаем возможным использовать материалы похозяйственных книг сельских советов. Они дают максимально точную информацию о

---

¹ Габдрафиков И.М., Блинкена А.Я. Латыши // Народы Башкортостана: ист.-этнограф. очерки. Уфа, 2002. С. 428.

² ПМА – 2013 г. Информатор Н.С. Гибет (1955 г. р.), д. Бакалдино Архангельского р-на РБ.

численности, возрасте, полу жителей селений. К сожалению, выявлены случаи, когда в книгах не указывалась дата рождения и этническая принадлежность, степень родства, неразборчиво записанные фамилии и имена, не в полном объеме сделанные отметки об убытии граждан и т.д. Тем не менее, достоверность сведений не вызывает сомнений, и они могут использоваться для анализа демографической ситуации не только в отдельно взятом населенном пункте, но и в конкретном регионе.

Снижение численности латышей обусловлено не только репрессиями 1930-х гг., но и депортациями, проводившимися во внесудебном порядке в период сплошной коллективизации. В настоящее время данные на депортированных граждан отсутствуют. Так как демографическая ситуация типична для латышей республики, хотя в разных населенных пунктах тенденция сокращения численности латышского населения шла с разной степенью интенсивности, проведем анализ на примере одного населенного пункта – села Ауструм Иглинского района республики, созданного в конце 1930-х гг. на землях старейшей и наиболее зажиточной латышской колонии. Убыль латышского населения в этом сельском поселении по ряду причин была наиболее значительной по сравнению с другими латышскими селами. Это связано не только с возвращением большого числа латышей на историческую родину, но и соседством с г. Уфой, где шло интенсивное развитие промышленности, городами Челябинской области, крупными станциями железной дороги.

Нами проанализированы похозяйственные книги с. Ауструм за 1946–1948 гг.¹, 1952–1954 гг.², 1958–1960 гг.³, 1971–1973 гг.⁴, 1980–1982 гг.⁵. В книгах за 1946–1948 гг. зарегистрировано 78 хозяйств, в которых проживали

---

¹ Архивный отдел администрации Иглинского р-на РБ. Похозяйственные книги с. Ауструм за 1946–1948 гг. Ф. 38. Оп. 2. Д. 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 58.

² Там же. Похозяйственные книги с. Ауструм за 1952–1954 гг. Ф. 38. Оп. 2. Д. 83, 86.

³ Там же. 1958–1960 гг. Ф. 38. Оп. 2. Д. 151, 152.

⁴ Там же. 1971–1973 гг. Ф. 38. Оп. 2. Д. 224, 225.

⁵ Там же. 1980–1982 гг. Ф. 38. Оп. 2. Д. 275.

латыши. По сравнению с 1925 г. их количество снизилось на 61 хозяйство, или 43,9%. Сейчас невозможно проследить внутрисемейные и родственные отношения в каждой отдельной семье рассматриваемого селения. Не секрет, что семьи иногда искусственно делились только для того, чтобы получить возможность увеличить количество скота и размеры приусадебного хозяйства, поэтому целесообразно считать за отдельную семью каждое зафиксированное хозяйство. Это также связано с рассмотрением проблем сохранения этнической идентичности и ассимиляционных процессов. В этой связи необходимо произвести анализ структуры семьи, ее состав и возможные иерархические взаимоотношения. Из общего количества семей – 35 семьи полные, в которых имеются оба супруга с детьми, или без них. В процентном отношении это составляет только 45% от общего числа семей. В числе полных семей 11 этнически-смешанных. В большинстве случаев браки заключали с представителями русского или белорусского этноса, что соответствует этническому составу поселения. Только в семьях Лаурсон глава семьи эстонец, а Таравчатовых – украинец (браки латышей и эстонцев были не редкостью, особенно в Банковской колонии, где эти два этноса проживали совместно. Их связывала родственность культуры, в том числе и хозяйственной, а также лютеранская религия). По возрасту супругов полные семьи можно разделить на три группы (см. Табл. 21):

Таблица 21

**Распределение полных семей по возрастным группам
в с. Ауструм**

Распределение полных семей по возрастным группам	Количество семей	% отношение к общей численности полных семей
Семьи, в которых супруги моложе 30 лет	5	14,30
Семьи, где возраст супругов от 30 до 50 лет	15	42,85
Семьи, в которых хотя бы один из супругов старше 50 лет	15	42,85
Итого	35	100

Источник: Архивный отдел администрации Иглинского р-на РБ. Похозяйственные книги с. Ауструм за 1946–1948 гг. Ф. 38. Оп. 2. Д. 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 58.

Незначительное количество молодых семей объясняется тем, что в то время 14 мужчин в возрасте до 30 лет были на службе в армии. Кроме того, мужчины работоспособного возраста (30–50 лет) сильно пострадали от репрессий и во время войны. В 9 полных семьях главой семьи учтена супруга. Это можно объяснить браками, когда супруг был зарегистрирован в хозяйстве супруги (в том числе при повторном браке) или состоянием здоровья супруга, когда обязанности главы семьи переходили к женщине. Из числа неполных семей только двое одиноких мужчин, это Трей Ян Янович (1874 г. р.) и Алсин Мартин Эдуардович (1909 г. р.), в остальных 41 хозяйстве главы семей – женщины. Одиноких женщин (живущих отдельно от детей или не имеющих их) – 16 чел. Так, у Паулины Кляве (1892 г. р.) учтен сын Альберт (1926 г. р.), находящийся в РККА, позднее сделана приписка – пропал без вести.

Таблица 22

**Анализ состава жителей с. Ауструм по возрасту и полу
по состоянию на 01.01.1946 г. ¹**

Распределение по возрастным группам	Мужчины	% отношение к общей численности мужчин	Женщины	% отношение к общей численности женщин
до 10 лет	14	17,50	19	14,50
от 11 до 17 лет	14	17,50	16	12,21
от 18 до 30 лет	23	28,75	27	20,61
от 31 до 40 лет	7	8,75	18	13,74
от 41 до 50 лет	4	5,00	12	9,16
от 51 до 60 лет	5	6,25	17	12,98
от 61 лет и старше	11	13,75	21	16,03
Возраст не известен	2	2,50	1	0,77
Итого	80	100	131	100
Всего латышей	211			

Источник: Архивный отдел администрации Иглинского р-на РБ. Похозяйственные книги с. Ауструм за 1946–1947–1948 гг. Ф. 38. Оп. 2. Д. 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 58.

¹ В Таблицу 22 не вошли супруги, относящиеся к другому этносу, дети от смешанных браков учтены как латыши.

Как видно из данных Таблицы 22, количество женщин на 51 чел., или на 39% больше, чем мужчин. Наименьшее количество мужчин в группах среднего и старшего возраста от 31 до 60 лет – 16 чел., эта та возрастная категория граждан, которая в наибольшей степени подверглась репрессиям, также в нее входят и большинство не вернувшихся с войны. Возрастная категория от 18 до 30 лет была наименее затронута репрессиями, так как в январе 1938 г. (пик репрессий) молодым людям было не более 22 лет.

Как отмечалось выше, в послевоенные годы, когда Латвия вновь стала частью СССР, началось возвращение латышей на историческую родину. Только в течение 1946–1948 гг. на постоянное место жительства в Латвийскую ССР из с. Ауструм выехало 19 семей, или 64 чел. Состав выехавших был разнороден, от многодетных семей до одиночек. Уезжали люди не только молодого и среднего возраста, но пожилого и даже преклонного. Например, Алсина Крестина, зарегистрированная в похозяйственной книге как одинокая, уехала в Латвию 01.12.1947 г. в возрасте 71 год. Уезжали даже этнически смешанные семьи. Вильма Карловна Вылубкова выехала в Латвию с дочерью и сыном в то время, когда ее русский муж Василий служил в Советской армии. Некоторые семьи переселялись не сразу в Латвию, а перебирались сначала в города и поселки Башкирии и других областей и только позже уезжали на историческую родину. Были случаи, когда после службы в армии не возвращались в Башкирию (Т.П. Граудин)¹, или поступали учиться в учебные заведения Латвии и оставались там на постоянное жительство, потом к ним присоединялись и остальные члены семьи.

Последующие десятилетия не привели к увеличению латышской общины. Некоторые семьи возвращались в село, а потом вновь уезжали из него. Сохранялась стойкая тенденция сокращения численности латышского населения, увеличения числа этнически-смешанных семей. Впоследствии и

---

¹ ПМА – 2012 г. Информатор В.Т. Покровский (1940 г. р.), г. Уфа.

они покидали Ауструм. Многие жители села выехали в Уфу, поселки Тавтиманово, Иглино, ближайшие городах Челябинской области, что наглядно видно из данных Таблицы 23:

Таблица 23

Анализ латышских семей с. Ауструм

Количество семей с латышским этносом	1946	1952	1958	1971	1980
Всего семей	78	36	36	20	9
В том числе этнически-смешанные семьи	11	6	14	11	6
% отношение смешанных семей к общему числу лат. семей	14,1%	16,7%	38,9%	55%	66,7%

Источник: Архивный отдел администрации Иглинского р-на РБ. Похозяйственные книги с. Ауструм: за 1946–1948 гг. Ф. 38. Оп. 2. Д. 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 58; за 1952–1954 гг. Ф. 38. Оп. 2. Д. 83, 86; за 1958–1960 гг. Ф. 38. Оп. 2. Д. 151, 152; за 1971–1973 гг. Ф. 38. Оп. 2. Д. 224, 225; за 1980–1982 гг. Ф. 38. Оп. 2. Д. 275.

В настоящее время из представителей латышского этноса в селе Ауструм проживает только один человек – Штемберг Эрмина Августовна (1931 г. р.).

Несмотря на стойкую тенденцию убыли латышей и образования этнически-смешанных семей в этот период, в сельских поселениях продолжали поддерживаться народные традиции и обряды. Во многих принимали участие представители других этносов, например, в праздновании Лиго (Янов день 22 июня), который широко отмечался до середины 1970-х гг.¹, Рождества (25 декабря) с устройством рождественской елки для детей всего села в одном из домов, Пасхи, кладбищенской службы. Сохранились наиболее значимые элементы ритуалов при проведении свадебного обряда, крещении, похорон. Как отмечалось в других главах, хранительницами традиций выступали в основном женщины пожилого возраста.

¹ Барабаш Т. Когда цветет папоротник // Вечерняя Уфа. 2002. 13 июля.

Информаторы рассказывали, что при увеличении количества смешанных браков, некоторые латышские девушки так и не вышли замуж. Объясняется это тем, что в колхозах не хватало мужчин, загруженностью работой и, что важно, родители противились отдавать дочерей замуж за представителей нелатышского этноса. По рассказу Мирдзы Валэ, ее сватал русский парень: «Мама не хотела, чтобы я выходила замуж за русского, а латышей уже не было. Он пришел сватать, сидели до 4-х часов утра. Мать сказала, что она голая, а он пришел с армии тоже голый, в одной «тюбетейке» (так она назвала военную фуражку. – *Е.Ч.*): одни зеленые штаны, рубашка и сапоги»¹. Из этого рассказа можно сделать вывод, что не только этническая принадлежность жениха была препятствием для заключения брака, но и его имущественное положение.

Проводя анализ похозяйственных книг, мы обратили внимание (особенно наглядно это прослеживается в книгах 30-х годов прошлого века), что у супругов часто имелась большая разница в возрасте, иногда до 15 лет, в абсолютном большинстве супруг был старше супруги. Но имелись случаи, когда женщина в семье была намного старше по возрасту своего супруга. Такую разницу в возрасте можно объяснить только причинами имущественного характера. Например, тем, что латышские мужчины женились поздно, после обзаведения своим хозяйством, или когда женились на более обеспеченных вдовах.

Была еще одна возможность получения в наследство крестьянского хозяйства. Это когда бездетная семья брала себе приемного сына, как правило, из многодетной семьи родственников, например, племянника или из семьи соседей. Такой сын воспитывался приемными родителями, а когда наступала их старость, он заботился о них и получал в наследство землю и хозяйство. Не обязательно приемный сын должен был быть подростком, «уходили в сыновья» и взрослые юноши. В Банковской колонии Лейнасар

---

¹ ПМА – 2011 г. Информатор М.И. Валлэ (1923 г. р.), д. Балажи Иглинского р-на РБ.

Николай в 1921 г. будучи уже взрослым человеком ушел жить в сыновья к Симулу Петру. В 1923 г. он имел уже возможность жениться¹.

Информаторы рассказывали, что хранительницы народных традиций в селах пользовались определенным авторитетом. Имелись случаи, когда им, например, не нравилась по каким-то причинам девушка – не латышка, с которой дружил латышский парень, тогда они могли приложить максимум усилий (общались с родителями, односельчанами), но не допустить, чтобы свадьба состоялась. Такие случаи были, например в д. Балажи².

Культурная жизнь латышских колхозников протекала в основном в русле клубной художественной самодеятельности. У латышей традиционно высокой была тяга к искусству, особенно к коллективным видам художественного творчества: хоровому пению, духовой и струнной музыке, участию в творчестве самодеятельных театров. Один из старейших и известнейших духовых оркестров существовал в с. Ауструм (Фото 85–87). Костяк коллектива составляли латыши, но входили также люди разных национальностей. Неизменным руководителем был Эглит Иван (Ян) Эдуардович. В селе Бакалдино Архангельского района был струнный оркестр (Фото 88), большой популярностью пользовался самодеятельный театр, а в селах Балтика Иглинского района (Фото 89) и М. Горький Архангельского района – хоровые коллективы.

Посещали Башкирию и артисты из Латвии. В 1976 г. в Архангельском районе был на гастролях Народный хор Ливземе (Līvzeme) из Вентспилса. В августе 1977 г. там же гастролитировал Вентспилский народный театр. Он привез две пьесы «Победа Ешки Зиньгиса» Андрея Упита (Andrejs Upīts "Ziņģu Ješkas uzvara") в постановке режиссера Карлиса Бемберса (Kārlis Bembers) и пьесу Илзе Индране "Кукушка годы считает" (Ilze Indrāne "Dzeguzīte gadus skaita"), режиссер – Рудолфс Балтайсвилкс (Rūdolfs

---

¹ ПМА – 2013 г. Воспоминания А.Я. Лейнасар (1920 г.р.). Из домашнего архива Муровых, д. Банковка Стерлибашевского р-на РБ.

² ПМА – 2013 г. Воспоминания З.П. Толстиковой (1922 г. р.), д. Балажи Иглинского р-на РБ.

Baltaisvilks). Инициатива посещения Башкирии была со стороны представителей Латвии. Спектакли прошли с большим успехом, их посетили не только латыши, но и все желающие. Отчет о гастролях был опубликован по возвращению театра в Вентспилс в газете «Padomju Venta» («Советская Вента») в статье «VTT tālos ceļos». («Вентспилский народный театр в далеких дорогах»)¹. Интересные воспоминания об этих гастролях написал старейший актер театра Улдис Гринбергс: «Победа Ешки Зингиса» комедия, и иногда звучит волна смеха, актеры выдерживают паузу, но следует вторая волна смеха. Как потом оказалось, первыми смеялись латыши, а затем они переводили текст русским и башкирам, и тогда смеялись они. Время бежало быстро – мы побывали в гостях у местных латышей, говорили о нелегкой жизни, о репрессиях. Еще мы привезли книги для местной библиотеки. На обратном пути происходит осложнение – «группа депутатов» (кавычки – от автора статьи) аннулировала наши билеты на поезд, и только на другой день мы улетаем самолетом. Наши гастроли в стихотворной форме описал Борис Бурикин (Boriss Burikins). А рассказчица нашего театра Малвине Малиня (Malvīne Māliņa) создала на эту тему рассказ». Несколько лет мы переписываемся, и на следующий юбилей театра в Вентспилс приезжают представители колхоза имени Горького»². История с аннулированием брони на билеты так и осталась невыясненной, предположительно, что кому-то из местных товарищей не понравились разговоры о репрессиях. Но дальнейшего развития у этого досадного эпизода не получилось.

Посещали латышские артисты и Иглинский район: в конце июля 1987 г. самодеятельные артисты из рыболовецкого колхоза «Brīvais Vilnis» («Свободная волна») из города Салацгрива (Salacgrīva), концертная бригада в количестве 58 чел. под руководством Э.А. Эрдмане, руководителя Салацгривского колхозного дворца культуры. Были даны два концерта в

¹ Ievkalns G. VTT tālos ceļos // Padomju Venta. 1977, 17, 27, 28 sept.

² ПМА – 2014 г. Воспоминания У. Гринбергса (1933 г. р.), г. Вентспилс, Республика Латвия.

Балтике и Калтыманово. В программе – латышские песни и танцы, а также танцы народов мира¹.

Оставшиеся в колхозах латыши отличались добросовестным отношением к труду. Традиционно многие латышские женщины работали доярками, некоторые награждались государственными наградами СССР: в колхозе М. Горький Архангельского района М.Я. Вейс – орденом Трудового Красного знамени, М.А. Вецис – орденом «Знак Почета» и др.

В период до объявления Латвией независимости латышами, переехавшими на жительство в Латвийскую ССР, поддерживались активные контакты с оставшимися в Башкирии родственниками и друзьями. Многие из местных жителей неоднократно гостили в Латвии, организовывали экскурсионные поездки школьников. После 1991 года активность личных контактов существенно снизилась.

Таким образом, в 1941–1991 гг., судя по материалам похозяйственных книг, существенно возросла доля межэтнических браков латышей, произошло сокращение численности латышского населения республики за счет переселения на историческую родину.

2.6. Меры по возрождению этнической культуры (1991-2013 гг.)

Численность латышей Башкирии в последние постсоветские десятилетия уменьшается. Если в 1959 г. она составляла 3804 чел., в 1970 г. – 3500 чел., то в 2002 г. – 1508 чел., в 2010 г. – 1117 чел. Латыши компактно расселены в Архангельском – 284 чел. и Иглинском районе – 182 чел. Число латышей-горожан составляет 575 чел., в т.ч. уфимцев – 378 чел. В сельской местности латышей насчитывается 542 чел. Сокращение численности этноса

---

¹ Савченко Л. Наши гости с берегов Балтики // Свет Октября. Орган Иглинского райкома КПСС. 1987. 8 авг.

объясняется ассимиляцией в результате межэтнических браков, высокой смертности, низкой рождаемости.

Политика Республики Башкортостан с 1990 г. направлена на сохранение и возрождение культуры разных народов, и в 1993 г. было создано национально-культурное общество «Ауструм». Оно установило контакты с Обществом Латвии в России, латышскими общинами в регионах страны, посольством Латышской Республики в России. Преемником общества «Ауструм» стал Республиканский латышский национальный центр Республики Башкортостана, созданный в 1996 г. (Фото 95; 96).

По Указу Президента Республики Башкортостан от 29.09.2003 г. № УП–574 создан историко-культурный центр «Село Максим Горький» (руководитель Анна Гусарова). При нем действуют краеведческий кружок, кружок декоративно-прикладного творчества и два фольклорных ансамбля – детский «Авотс» («Родник») и взрослый «Атбалсс» («Эхо»). Ежегодно центр празднует Рождество, Мартыни, Пасху, Янов вечер (Лиго), Праздник хлеба, сыра и мёда.

Старинным считается Праздник свечей, он посвящен наступлению весны, отмечается в с. Ауструм Иглинского района, с приглашением гостей из Архангельского района и всех желающих. В программе – театрализованная постановка, посвященная празднику, концерт на латышском языке, чтение стихов учащимися Арх-Латышской средней школы о весне, солнце и будущем урожае, выступления танцевальных групп «Бититэс» («Пчелка») с латышскими танцами (например, «Свинья в гречихе», «Ойра», «Ангелочки»), вокального ансамбля пожилых женщин. Участие в празднике принимает фольклорная группа девушек «Атбалсс» (танцы «7 месяцев», «Танец свечей», «Танец раков»). В памяти старожилов сохранились обычаи, связанные с этим праздничным днем. Нельзя расчесывать волосы (иначе будут торчать как свечи), варить капусту (не будет расти) и вязать (нужда заколет человека, как спица). Принято варить густую кашу, класть ее в чашу и втыкать в нее свечи, чтобы год был светлым

и сытным. Свечи делают из воска или сала; в процессе изготовления мастер должен быть веселым и добродушным, это позволит свечам гореть ярко. Для благополучия природы и человека в День свечей полагается покушать свиное мясо и много смеяться, петь песни и танцевать¹.

Центр латышей располагается в здании школы с. Максим Горький. В школу, помимо местных, более пятнадцати лет подряд приглашаются учителя из Латвии, которые здесь живут в течение учебного года, обучают детей латышскому языку, ведут работу в кружках, а сами постигают сложности русского языка (в 2013–2014 гг. – Ивета Фрейя). Отбор учителей в Латвии для России производится на конкурсной основе. Занятия проводятся в кабинете-музее с выставкой этнографии латышей (старинные платья и костюмы, шляпы, венки, национальные предметы быта). В школе также проходят народные праздники, отмечаются юбилеи выдающихся деятелей латышской культуры – Вилиса Лациса, Яна Судры, Яна Яунсудрабень с выставками их работ.

Латышский центр проводит конкурсы «На лучшее латышское подворье», «На лучшее ячменное пиво», «На лучший хлеб из ржаной муки», «На лучшее латышское подворье», «На лучший латышский сыр», конкурс чтецов на трёх родных языках «Навеки вместе». С 2012 г. организуется праздник «Мэтени» («Масленица»); познавательные мероприятия «Латышские легенды и предания», «Язык орнамента в латышской культуре», «Янтарь Прибалтики», «Как Рига строилась», «Путешествие в страну латышских сказок» и др.; праздник «Великая Пасха». В них принимают участие представители разных этносов.

В 2009 г. в районе под патронатом супруги Президента Латвии госпожи Лилиты Затлере прошел Всероссийский фестиваль латышской

---

¹ Булат Юлбарисов. Латыши Башкортостана празднуют День свечей // Башинформ. РФ. 2014. 26 февр.: [сайт] URL <http://www.bashinform.ru/news/182104/> (дата обращения: 04.04.2014).

песни, при участии коллективов из Латвийской Республики и регионов России.

В 2012 г. в составе официальной делегации Латвии принял участие Чрезвычайный и Полномочный посол Латвийской Республики в РФ Эдгарс Скуя (первый визит в 2009 г.). Высокий гость обозначил направления сотрудничества между Уфой и Латвией в области туризма, строительства и финансов с заключением соответствующего партнёрского соглашения.

Таким образом, в Республике Башкортостан при поддержке правительства, Министерства культуры и Министерства образования развернута работа по сохранению языка и возрождению культуры латышей. Особенностью их работы является привлечение не только латышей, но и других народов республики.

Глава 3

ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ДИАСПОРЫ

3.1. Традиционный быт: жилище, одежда, пища

Традиционный быт латышей Башкортостана – селения, жилища, хозяйственные постройки, а также пища и одежда – упоминаются в письменных источниках и рассказах информаторов, нами реконструированы исходя из наблюдений во время полевой работы.

В латышских селениях (Фото 2) преобладали однодворные поселения. В Уфимском и Стерлитамакском уездах строили деревянные дома-пятистенки, рубленные из хвойных пород дерева (Фото 3; 4; 6). Сени располагались вдоль длинной стороны дома под одной крышей с жилыми помещениями, и делились перегородкой на отдельные помещения для хранения продуктов и инвентаря (Фото1). Крыши покрывали металлом, щепой и тесом (см. Фото 5; 7). Кроме жилого дома, имелись амбары, конюшни, сараи, бани и другие постройки. Забор нередко делали из прутьев деревьев (Фото 9). Во дворе стоял колодец (Фото 8; 10). Сеновалы устраивали на чердаках коровников, чтобы через большие люки в потолке легче было подавать сено скоту. Печи в домах клали из обожженного кирпича, рядом с плитой устанавливали котел для приготовления пищи скоту и кипячения воды для стирки белья и прочих хозяйственных нужд.

В Банковской колонии, находившейся в степной части края, при строительстве домов, особенно подсобных помещений, использовались также саманные блоки. Отличительной особенностью Банковковского товарищества было то, что латыши и эстонцы проживали в одной деревне, которая растянулась вдоль реки примерно на 3 км. В Банковке отсутствовала уличная планировка, усадьбы располагались по принципу хуторов в местах, удобных для проживания.

Для латышских селений типичны сады, в которых растут плодово-ягодные деревья и кустарники. Здесь же стоят пчелиные ульи (Фото 14). При усадьбах имеются палисадники с пестрыми цветниками, елью и сиренью, и огороды с посадками картофеля, посевами капусты и корнеплодов, особенно свеклы, моркови, турнепса и брюквы (Фото 15). В прошлом на своих наделах земли латыши выращивали зерновые – рожь, ячмень, овес, технические культуры – коноплю, лён. Приоритетное значение имели травосеяние и выращивание кормовых культур. Большие площади посевов отводились под посадки красного клевера, который выращивали на корм скоту и для получения семян с последующей их реализацией.

Традиционная кухня состояла из продуктов, произведенных в крестьянском хозяйстве – мучных, молочных, кисломолочных (масло, творог, сметана, сыр), зерновых и зернобобовых (каши из различных круп, гороха, бобов). Были популярны супы (рассольники, куриная лапша, супы на молоке, хлебном квасе), горох со шкварками, блюда из картофеля (картофельные клецки *klimpāt* на молоке или мясном бульоне). Готовили мясные блюда, колбасы, копчености. Хлеб пекли в основном из ржаной муки, часто с добавлением тмина на высушенных кленовых листьях, пироги с ягодной и рыбной начинкой, пирожки со шпиком. Тушили овощи, грибы и ягоды. Традиционными напитками были кофе, кисель, компоты, ячменное пиво, березовый и кленовый соки. Обрядовая кухня представлена киселями из ягод смородины или малины, с добавлением манной каши, плодов черной рябины, которые наливают в глубокие тарелки и едят столовыми ложками. На крестины на стол выставлялись принесенные гостинцы, а также угощения, приготовленные хозяевами. Это были каши, например, пшенная или рисовая с тыквой, а также щи или куриная лапша. Обязательно кисель, кофе, из алкогольных напитков – самодельное пиво. На похороны готовят торт или пирожное безе, который подают с кофе утром всем приглашенным. На празднике Лиго обрядовыми угощениями являются сыр с тмином и домашнее пиво.

Одежда изготавливалась латышским населением, или покупалась. Из традиционных элементов народного костюма имели место лишь платки в широкую полосу и юбки из домотканины и кожаная обувь – постолы (лат. *pastalas*) (Фото 58). Несмотря на проживание в сельской местности, латыши одевались «по-городскому» (Фото 56; 60–62; 80; 81). По рассказам информаторов, до революции 1917 г. многие латышские семьи выписывали журналы мод.

Повседневной женской одеждой были шерстяные домотканые юбки и кофты (Фото 56; 59), мужской – рубаха и штаны. Головными уборами служили шляпы и шапки, у женщин – платки. Праздничная одежда зафиксирована на старых фотоснимках: женские платья с заниженной талией, с отложными вязаными кружевными воротниками и манжетами, мужские костюмы с бабочкой, фетровые шляпы. Предметом особой гордости были золотые часы на цепочках. По рассказам информаторов, золотые украшения были не редкостью у латышей. После смерти хозяина их клали в гробы, что было причиной вандализма со стороны иноэтничного населения, расхищения могил.

Отличалась и обрядовая одежда латышей. На крещение на маленькую девочку надевали белое платьице с кружевами, а на мальчика – белую рубашку. На обряд конфирмации и свадьбу девушки наряжались в белые платья с отложными воротниками. Юноши облачались в праздничные костюмы, с левой стороны пиджаков на лацканах также прикалывали веточки мирта (Фото 63–66). На свадьбу девушки на голову плели венок из веточек мирта (Фото 69; 70).

В первые десятилетия XXI в. за редким исключением сохранились дома, построенные не в хуторах, а селах. Они отличаются добротностью, хозяйства – основательностью, планировка хозяйственных построек – продуманностью и рациональностью. В интерьере домов старшего поколения встречаются традиционные для латышей шерстяные полосатые домотканые одеяла разных расцветок, вышитые наволочки и полотенца, связанные

крючком скатерти, накидки и подзоры, другие предметы латышского декоративно-прикладного искусства. Некоторые хозяйства до сих пор сохранили русскую печь и резную мебель ручной работы – бельевые и кухонные шкафы, этажерки, скамейки, стулья, сделанные более столетия назад на исторической родине (Фото 52–55). Латышская молодежь стремится укомплектовать свой дом современной бытовой техникой и модным текстилем, как и у других этносов.

Система питания определяется доходом и местом проживания латышей (город, село). Из традиционных вспоминают блюда из серого гороха; за неимением такового в Башкортостане, стали использовать местные сорта. В огородах латышей растут те же культуры, что и у других народов, частыми являются теплицы.

По мнению информаторов, влияние русских на латышей проявляется в увеличении разнообразия выращиваемых культур, например, за счет томатов¹. Косвенное подтверждение достоверности этой информации мы находим в описании огородов колонистов, составленное земским агрономом Н.Ф. Смирновым в августе 1908 г. В перечне огородных культур, выращиваемых латышами, томаты отсутствуют². Переняли латыши от русского населения и некоторые агротехнические приемы выращивания овощных культур. Например, Н.Ф. Смирнов отмечал, что «огородная культура у латышей не подчиняются плодосмену и вообще ведется без особенной тщательности, например, на очистку гряд от сорной растительности мало обращается внимания, мотыжение не применяется – латыши даже не имеют понятия об употреблении для этой цели орудий, мотыг»³.

В то же время латыши перенесли на Южный Урал высокую культуру земледелия с четким планированием и передовыми орудиями труда.

---

¹ ПМА – 2012 г. Воспоминания Л.И. Гайлис (1929 г. р.), с. Балажи Иглинского р-на РБ.

² Смирнов Н.Ф. Хозяйство на латышских хуторах в Уфимской губернии. Уфа, 1908. С. 5.

³ Там же.

Народная одежда латышей используется только как сценическая для участников фольклорных ансамблей.

3.2. Организация религиозной жизни

Религия является существенным фактором сохранения этничности. Ее значение возрастает для малых этнических групп, осевших вдали от исторической родины. На жизнь латышских переселенцев, оказавшихся в многоэтничном и поликонфессиональном обществе, разительно отличающемся уровнем культуры и ментальностью, большое значение оказал протестантизм, ставший не только основой духовной жизни, но и связующим звеном как с исторической родиной, так и с земляками из других колоний края и страны, а также с народами, также придерживающимися лютеранской веры (немцы и эстонцы).

Территорию расселения западных переселенцев и распространения протестантизма в Уфимской губернии можно условно разделить на два историко-этнографических района. Первый: лесостепное Предуралье Уфимского и Sterлитамакского уездов, имевшее направление с севера на юг вдоль Уральского хребта, заселенное в основном латышами (в настоящее время – Иглинский и Архангельский районы республики). Второй: степная часть губернии, в Белебеевском уезде, имевшая направление с запада на восток, в основном вдоль Самаро-Златоустовской железной дороги. Там преобладающим населением были немцы, также имелись эстонские и латышские хутора (современные Миякинский, Альшеевский, Давлекановский, Белебеевский, Благоварский и Sterлибашевский районы республики). Эти поселения с долей условности можно назвать продолжением комплекса поволжских колоний. Поселения немцев и

эстонцев располагались также на севере Бирского уезда (в настоящее время Чернушенский и Октябрьские районы Пермского края).

Первые сведения о религиозной принадлежности латышей Уфимской губернии отражены в материалах переписи 1897 г., согласно данным которой было зарегистрировано 3211 латышей-лютеран, что составляло 82,9% от их общей численности. Вторую, значительную по величине группу, составляли православные – 596 чел., или 15,4%. Другие конфессиональные группы и вероисповедования в среде латышского населения представлены крайне незначительно: старообрядцы – 7 чел., католики – 13 чел., баптисты – 17 чел. В дальнейшем численность баптистов несколько возросла. Их общины появились в Балтийской и Архангельской латышской колониях¹. К 1913 г. Скимская баптистская община из Архангельской латышской колонии насчитывала уже 95 чел.² В исторической и мемуарной литературе, изданной в более поздние периоды, упоминаются также хернхутизты³ (вероятно, речь идет о гернгуттерах, так они назывались по-русски) и секта «Вера Иисуса»⁴ представители которых проживали на территории Бакалдинской и Архангельской колоний, возможно, это было одно религиозное объединение.

Латышские православные верующие, находясь в окружении русского населения, не испытывали особых затруднений в исполнении религиозных обрядов, была лишь проблема «с нехваткой священников, которые знали бы латышский язык»⁵. Православие в среде латышского населения имело давние корни еще на их исторической родине. Еще в 1841 г. был подан ряд прошений о причислении в православие, причиной которых послужило крайне тяжелое положение крестьян, обусловленное произволом со стороны

---

¹ Александров А.П. Долиною смертной тени. Евангельские христиане и баптисты Башкирии в 1918–1943 гг. Бирск, 2013. С. 61–63, 67–70.

² Там же. С. 64.

³ Рукшан Х., Аунс-Уралиетис А. Письма с земли детства. Верхние Татышлы, 2007. С. 12.

⁴ Кикутс Т. Основные тенденции в истории создания и развития латышских колоний в Уфимской губернии // Россия и Балтия. Вып. 6. М., 2011. С. 38.

⁵ Там же. С. 39.

помещиков¹. Латышские крестьяне связывали свой переход в «царскую веру» с надеждой: «ограничить произвол остзейских помещиков, улучшить свое правовое и экономическое положение»².

Естественно, что принадлежность к православию в условиях доминирующего русскоязычного населения способствовала адаптации, ассимиляции и русификации данной группы латышей. Православные латыши были приписаны к ближайшим приходам. Так, православные Балажинской колонии – к приходу церкви села Бердино, а Балтийской, Дубовской и Симбирской колоний – к приходу села Загорское. Довольно многочисленная община православных латышей проживала в Стерлитамакском уезде в Архангельской колонии. Православный латышский приход занимал отдельный придел Михайло-Архангельской церкви, пристроенный в 1890–1893 годах³. Священник второго разряда этой церкви одновременно заведовал и латышским православным приходом. На эту должность в ноябре 1914 г. был назначен «Петр Путнын (Путнин), 1885 г.р., бывший псаломщик Дондагенской церкви Рижской епархии»⁴. Прослужил он до 1921 г.⁵. Примечательно, что священник латышского прихода получал высокое казенное жалованье, которое составляло 600 руб. в год, также ему полагалось 300 руб. на возмещение разъездных расходов.

В последней четверти XIX в. ближайший лютеранский приход Уфимской губернии находился в г. Златоусте, куда приходилось обращаться для совершения обрядов. С завершением строительства Самаро-Златоустовской железной дороги положение лютеранских общин существенно облегчилось. В этот период стали особо интенсивно создаваться латышские поселения на территории Уфимской губернии, которые также

---

¹ Самарин Ю. Православные латыши 1841–1842 годы // Русский архив. М., 1869. С. 1224–1361.

² Помер А.А. Русские в Латвии. Исторический очерк XIII–XIX века: [сайт] URL: <http://www.russkije.lv/ru/pub/read/russkie-v-latvii-sbornik/rus-v-latvii-1-a-pommer.html> (дата обращения 21.03.2014).

³ Роднов М.И., Васильева О.В. Храм в Архангельском. Уфа, 1999. С. 21.

⁴ Там же. С. 25.

⁵ Там же. С. 19.

нуждались в постоянном пасторском присутствии. Латышские колонии навещали пасторы из г. Златоуста, а также из других регионов страны. Так, «в конце 80-х гг. XIX в. колонии Ауструмциемской группы раз в год посещал священник лютеранской церкви из Оренбурга, который венчал и крестил колонистов. Проблему создавало то, что этот оренбургский пастор был армянином, знавшим только немецкий язык»¹. По всей видимости, это был Чахмахсянц Иаким, служивший пастором в Оренбурге с 1883 г. по 1913 г.²

Жительница Банковской колонии А.Я. Лейнасар в своих воспоминаниях отмечала, что до 1924 г. каждое лето в Банковку приезжал священник из Среднего Поволжья, который вел службу на трех языках: немецком, латышском и эстонском. Пастор обслуживал не только жителей Банковки, но и других селений. Например, в Банковку приезжали немцы из деревни Александровка, чтобы послушать проповедь и совершить необходимые обряды³.

Латышские переселенцы не были первыми лютеранами, осевшими на Южном Урале. История возникновения лютеранства на Южном Урале, и в частности в Уфимской губернии, связана с немецкими мастерами-оружейниками, приглашенными для работы на казенный завод в г. Златоуст в 10-х – 20-х гг. XIX в. из немецкого города Золинген. В 1811 г. в г. Златоусте была создана лютеранская община⁴. Вот как описывал П.П. Падучев это событие в своих очерках: «Переезжая в Россию, золингенцы переносили с собою весь бытовой и религиозный строй вещей, к которому немец привык у себя на родине и лишится которого ему кажется просто неммыслимым. Они привезли с собою пастора, кистера, учителя, свои экипажи, лошадей, коров, свиней, собак, кур <...>. Предупредительное начальство выстроило мастерам

---

¹ Кикутс Т. Указ. соч. С. 39.

² Сидорук А. История лютеранства в Оренбурге: [сайт] URL: www.orenluther.ru (дата обращения: 14.05.2012).

³ ПМА – 2013 г. Из домашнего архива Муровых, д. Банковка Стерлибашевского р-на РБ.

⁴ Лиценбергер О.А. Евангелическо-лютеранская церковь в Российской истории. М., 2003. С. 453.

кирху, «немецкий клуб», школу и даже «фрейденталь» – увеселительную загородную мызу»¹. В 1827 г. лютеранская кирха уже была показана на плане города². На Южном Урале это была не единственная община, имелся также лютеранский приход в г. Оренбурге, основанный в 1767 г.³

В 1865 г. г. Златоуст становится уездным центром Уфимской губернии. Располагавшийся в нем лютеранский приход св. Марии в первые годы своего существования относился к Саратовскому консисториальному округу, а после его упразднения в 1834 г. – к Московскому⁴. Первоначально это был моноэтнический немецкий приход, но с увеличением числа латышей был образован и латышский приход. Количество прихожан, проживавших в самом Златоусте и имевших возможность регулярного посещения кирхи, было невелико, абсолютное большинство их было рассеяно на обширной территории в колониях и поселках, расположенных на значительном отдалении друг от друга. Епископ Т. Ф. Майер в своей работе «По Сибири. На службе Евангелическо-лютеранской церкви», упоминая г. Златоуст, охарактеризовал его как «центр лютеранских общин на западном склоне Уральских гор, включая Уфимскую губернию, и на восточном склоне до Челябинска и далее»⁵. Не удивительно, что поменялся и этнический состав пасторов. Все последние настоятели были этническими латышами. Пасторами служили: в 1893–1895 гг. – Балодис Карл⁶, в 1987 г. – Х. Криевс⁷,

---

¹ Падучев П.П. Русская Швейцария (Очерки Южного Урала) // Исторический вестник. СПб., 1892. С. 463-464.

² Златоустовская энциклопедия: [сайт] URL: <http://www.zlatoust.ru> (дата обращения: 16.04.2013).

³ Лиценбергер О.А. Евангелическо-лютеранская церковь в Российской истории. С. 453.

⁴ Там же. С. 131.

⁵ Епископ Т. Майер. В Сибирь. В служении Евангелическо-Лютеранской Церкви. М., 2005. С. 15.

⁶ [Б. а.] Балодис Карл // Большая советская энциклопедия: [сайт] URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/67041/%D0%91%D0%B0%D0%BB%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D1%81> (дата обращения: 11.03.2012).

⁷ Krasnais V. Latviešu kolonijas. Riga, 1938. 173. lpp.

с 1898 г. по 1908 г. – Александр Симсонт, с 1883 г. по 1892 г. и с 1911 г. по 1928 г. – Иоганн Недоль¹.

Даже в периоды отсутствия в приходе пастора в связи с вакансией пасторской должности религиозная жизнь не прекращалась, церковные обряды и регистрацию гражданского состояния исполняли пасторы из других регионов страны. Консистория находила возможность поддерживать религиозную жизнь колоний. Так, в июле-декабре 1909 г. латышские колонии посещал пастор Р. Циммерман, в июне-июле 1910 г. – Карл Ирбе. Кроме вышеперечисленных священников, Уфимскую губернию приезжали другие пасторы, среди них: Г.А. Лециус², Э.К. Аллас, Энгельгарт, Биргелис, Мигле³.

Пасторы, служившие в России, отличались своим образованием. Были среди них и выпускники Дерпского университета. Вышеупомянутый Карл Балодис в дальнейшем стал профессором Берлинского и Рижского университетов⁴. Карл Ирбе в 1917 г. возглавил Латышскую консисторию в России, а после 1920 г. стал первым епископом Евангелическо-лютеранской церкви Латвии, доктором теологии⁵.

Лютеранские священники периодически, не реже одного раза в год, посещали латышские колонии, проводили богослужения, читали проповеди, совершали необходимые обряды: крестили детей, венчали, причащали, конфирмировали. Утверждали акты крещения и смерти, о чем делались соответствующие записи в метрических книгах.

В Таблице 24 приведены данные о служебных поездках пастора А. Симсонта за 1906 г. по латышским колониям края. Кроме этого, пасторы посещали многочисленные немецкие колонии не только Уфимской губернии,

---

¹ Лиценбергер О.А. Евангелическо-лютеранская церковь и советское государство (1917–1938). М., 1999. С. 375.

² Лиценбергер О.А. Евангелическо-лютеранская церковь и советское государство С. 363.

³ Рукшан Х., Аунс-Уралиетис А. Письма с земли детства. Верхние Татышлы, 2007. С. 12.

⁴ [Б. а.] Балодис Карл....

⁵ Курило О.В. Лютеране в России XVI–XX вв. М., 2002. С. 165.

но и других регионов, иногда охватывая все лютеранские поселения, независимо от этнической принадлежности их обитателей. Так, в 1911 г. пастор И. Недоль в августе посетил колонии Оренбургской губернии¹, а в сентябре – Тургайской области².

Таблица 24

**Количество младенцев, окрещенных пастором А. Симсонтом, и
зарегистрированных в 1906 г. в латышском приходе церкви
Св. Марии г. Златоуст**

№ п/п	Дата посещения колонии	Населенные пункты	Кол-во окрещенных младенцев пастором	Кол-во утвержденных крещений, совершенных церковными старостами и другими прихожанами
1	19.02.1906	Уфа	-	1
2	22.02.1906 26.02.1906	Архангельская колония	4	11
3	19.05.1906	Цветаевская колония	2	8
4	21.05.1906-22.05.1906	Ауструмская колония	2	16
5	23.05.1906-28.05.1906	Балтийская колония	2	2
6	30.05.1906	Балажинская колония	3	8
7	25.06.1906	Уфа	-	3
8	27.06.1906	Ново-Балтийская колония	1	3
9	25.08.1906	Рижская колония	3	-
10	29.08.1906	Архангельская колония	5	29
11	03.09.1906	Архангельская колония	3	10
12	10.09.1906	Архангельская колония	9	18
13	25.10.1906-26.10.1906	Балтийская колония	6	3
14	29.10.1906	Ауструмская колония	1	3
Итого:			42	114

¹ Городской архив г. Златоуст Челябинской обл. Ф. И-98. Оп. 1. Д. 1а. Л. 56–65.

² Там же. Л. 65–71.

Источник: Городской архив г. Златоуст Челябинской обл. Ф. И-98. Оп. 1. Д 1а. С. 7–43.

Из приведенных данных видно, что пастор А. Симсонт в течение 1906 г. два раза посетил наиболее крупные колонии Уфимской губернии. Лично крестил 42 младенца и утвердил 114 крещений, произведенных по нужде церковными старостами, родителями новорожденных и другими прихожанами.

Пасторское утверждение в те времена заменяло официальную государственную регистрацию. Если ребенок умирал до приезда пастора, то регистрации он не подлежал. В числе регистрируемых новорожденных имелись младенцы, родившиеся в других колониях, не только соседних, но и расположенных на значительном отдалении, сведения, о которых обязаны были предоставлять церковные старосты. Так, Матильда-Леонтина Эглит родилась 25.11.1905 г. в Банковской колонии, там же 01.01.1906 г. по нужде была крещена церковным старостой Теном Крастиным. Крещение утверждено пастором А. Симсонтом 22.05.1906 г. в Ауструмской колонии¹.

В соответствии с Уставом Евангелическо-лютеранской церкви от 1832 г. младенцы должны быть крещены в течение первых восьми дней или «по крайней мере, не позднее как через шесть недель после их рождения»². Эти сроки не всегда выдерживались. В 1906 г. наибольшее количество крещений (17 случаев) совершено пастором после рождения ребенка по прошествии 3-х и более месяцев. Объяснить это можно тем, что родители новорожденного хотели, чтобы их ребенок был крещен не прихожанином, а лично пастором.

Допускалось крещение по нужде, «когда ребенок был так слаб, что мог не выжить, и если вблизи места рождения нет евангелическо-протестантского проповедника, который мог бы в законный срок совершить

---

¹ Городской архив г. Златоуст Челябинской обл. Л. 18.

² Свод законов Российской Империи // Уставы духовных дел иностранных исповеданий. СПб., 1896. Т. XI. Ч. 1. С. 57.

крещение»¹. Данное положение Устава не только допускало крещение младенцев прихожанами, но и уравнивало в правах лютеранских и реформаторских священников. В настоящее время ортодоксальной церковью это может рассматриваться как уния, но в условиях проживания паствы в отдаленных колониях и поселках являлось для нее жизненной необходимостью, Лютеранская и Реформаторская церковь России в тот период были объединены. Так, пастор А. Симсонт 9 апреля 1906 г. в г. Уфе провел обряд крещения новорожденной Маргариты-Абелы-Августы Герлих, оба родителя которой были евангелического-реформистского вероисповедания. Крещение проводилось в соответствии с канонами Евангелическо-реформистской церкви.

Особое положение в колониях занимали церковные старосты. Они выбирались из наиболее грамотных и уважаемых жителей. Круг их обязанностей был весьма обширен и регламентировался Уставом церкви². Они крестили новорожденных, читали молитвы над больными и умершими, распоряжались на кладбище, следили за воспитанием и домашним обучением детей Закону Божьему, принимали добровольные пожертвования для церкви. Одной из важных обязанностей церковных старост было наблюдение за поведением и образом жизни прихожан, за сельскими училищами. Они должны были докладывать проповеднику о больных и об эпидемиях³. В их обязанность входило даже хранение церковного вина и утвари.

Из данных Таблицы 25 видно, что в 1906 г. церковными старостами было крещено 110 детей. Многие в течение года крестили по пять и более младенцев. Несколько раз приводятся имена К. Абол, Я. Робул, Я. Межграф, Д. Боят, П. Балод, Я. Блумберг, К. Линсберг, Я. Вилленфельд, А. Флетман и других:

---

¹ Свод законов Российской Империи. С. 58.

² Там же. С. 166–168.

³ Там же. С. 167.

Количество младенцев, крещенных по нужде церковными старостами в латышских колониях Уфимской губернии в 1906 г.

п/п	Место крещения	Церковный староста	Кол-во крещенных	п/п	Место крещения	Церковный староста	Кол-во крещенных
1	Архангельская колония	К. Линсберг	7	13	Архангельская колония	К. Мертенс	2
2	Архангельская колония	К.Абол	8	14	Цветаевская колония	М. Пажин	1
3	Архангельская колония	Я. Вилленфельд	4	15	Цветаевская колония	П. Озолин	3
4	Архангельская колония	Я. Робул	12	16	Рижская колония	П. Берзин	4
5	Архангельская колония	Я. Межграф	8	17	Ауструмская колония	М. Рудзит	4
6	Архангельская колония	Д. Боят	9	18	Ауструмская колония	Я.Блумберг	7
7	Архангельская колония	П. Балод	9	19	Балтийская колония	Я. Кисла	5
8	Архангельская колония	А. Флетман	6	20	Балажинская колония	М. Абель	6
9	Архангельская колония	А. Апень	3	21	Банковская колония	Д. Шаккар	3
10	Архангельская колония	К. Яункалн	1	22	Банковская колония	Т. Крастин	4
11	Архангельская колония	Я. Розит	1	23	Ново-Балтийский поселок	Я. Мезис	2
12	Архангельская колония	К. Калнин	1				
						Итого	110

Источник: Городской архив г. Златоуст Челябинской обл. Ф. И-98. Оп. 1. Д. 1а. Л. 7–43.

Значительную роль играли церковные старосты при прощании с покойными. При их непосредственном участии совершался обряд похорон. Так, в течение 1910 г. было зарегистрировано 47 умерших латышей¹. В 44 случаях покойные были преданы земле церковными старостами. Из трех

¹ Городской архив г. Златоуст Челябинской обл. Ф. И-98. Оп. 1. Д. 1а. Л. 33.

умерших нет данных о погребении Эммы Лизеты Земель¹, умершей 16.09.1910 г., и Эммы Марии Калнин², умершей 25.03.1910 г. в больнице г. Уфы. Еще один человек умер в Уфимской тюрьме от чахотки. Это был юноша в возрасте 21 год Петр Ванаг, арестованный по делу 1905 г. Он умер 25.01.1910 г. и предан земле пастором из Самары Энгельгартом³.

Отдаленность Златоуста от латышских колоний не способствовала удовлетворению религиозных потребностей переселенцев. В крупных сельских обществах стали устраиваться молитвенные дома. В Симбирской и Балтийской колониях молитвенный дом был возведен для жителей обеих колоний на условной границе, разделяющей эти сельские общества, рядом была построена также школа. Другой молитвенный дом был расположен в Архангельской латышской колонии. В колониях, не имеющих молитвенных домов, церковные службы проводили в школах, а в последующие годы – даже в частных домах. Так было, например, в Банковке, где проживали латыши и эстонцы, где из-за отсутствия молитвенного дома служба проводилась в воскресные дни в помещении школы. Такое же положение сложилось и в Балажинской колонии. Об этом имеется упоминание в газете «Власть труда» за 1922 г., в заметке, характеризующей школьные помещения Охлебининской волости. В частности, говорится, что Балажинская школа расположена в лютеранской молельне⁴, в действительности же помещение школы использовали для молитвенных собраний.

Существенное значение лютеранская религия имела в развитии культурных традиций и грамотности населения, в частности, элементарные знания требовались для прохождения обряда конфирмации. Конфирмованный прихожанин, получив документ (Фото 67; 68), юридически становился полноправным членом церковной общины, имел право на заключение брака. Однодневная перепись начальных школ в январе 1911 г.

---

¹ Городской архив г. Златоуст Челябинской обл. Л. 31.

² Там же. Л. 30.

³ Там же. Л. 31.

⁴ Михнес. Наши школы // Власть труда. Орган Уфимского губкома ВКП(б). 1922. 29 июня.

показала, что в Оренбургском учебном округе, в который входила Уфимская губерния, процент учащихся детей к населению был наиболее высоким у лютеран, он составил 9,76%. Для сравнения: среди православных русских этот показатель равен 4,63%, римско-католиков – 6,62%, иудеев – 6,77%¹. В каждой латышской семье были Библия, Малый катехизис Мартина Лютера (*Mārtiņa Lutera Mazais Katehisms*), «Книга песен» («*Dziesma grāmata*») с текстами псалмов, которые исполнялись во время богослужений, молитвенники, церковные календари, библейские истории, другая религиозная литература. Во время полевых исследований автора неоднократно встречались книги, отмеченные фамилиями владельцев, и даже именная Библия с надписью, сделанной тиснением, принадлежавшая Карлу Рекису (*Karl Rehkis*, 1916)².

В этой связи латыши, объясняя разницу между православной и лютеранской религией, говорили, что «если в каждом русском доме есть икона, то в каждом латышском – Библия»³. Большое значение для латышских колонистов имела традиция всеобщего пения во время богослужений. Такие богослужения сплачивали людей, повышали их культурный уровень, прививали элементарные музыкальные знания. Участие в совместном богослужении, как взрослых, так и детей, имело большое воспитательное значение. Как отмечал епископ Т. Майер, говоря о латышах и эстонцах, «в церковном отношении они сохранили все так, как это было у них на родине. Церковное песнопение услаждает душу. Любой член общины может сам запевать и петь каждый наш лютеранский хорал»⁴.

Совместное песнопение практикуется не только у лютеран, но и других протестантских церквей. Русская Православная церковь также пыталась привить его в своих храмах, заявляя, что «ничто так не возвышает дух

---

¹ Однодневная перепись начальных школ в Империи, произведенная 18 января 1911 года. Вып. VII, ч. 1. С. 20.

² ПМА – 2013 г. Из домашнего архива В.К. Михельсон (1951 г. р.), г. Уфа РБ.

³ ПМА. – 2012 г. Воспоминания А.И. Осис (1928 г.р.), д. Балажи Иглинского р-на РБ.

⁴ Епископ Т. Майер. Указ. соч. С. 127.

человека и не возносит его к Богу, как общее согласное пение»¹. Но в отличие от протестантских общин, не имея столь глубоких традиций хорового пения, это «оказалось трудной задачей и не прививалось у прихожан»².

Традиционно латышских детей обучали игре на музыкальных инструментах. В каждой колонии был свой хор и оркестры, как духовой, так и струнный, которые исполняли не только религиозные произведения, но и светские.

С ростом числа лютеран в Уфимской губернии назрела необходимость строительства Евангелическо-лютеранской церкви непосредственно в г. Уфе, а также открытия лютеранского кладбища. В связи с этим Уфимский евангелическо-лютеранский церковный совет два раза обращался в городскую Думу: в 1900 г. с ходатайством о бесплатном выделении земельного участка под строительство молитвенного дома³, а в 1905 г. – об устройстве Евангелическо-лютеранского кладбища⁴. Оба ходатайства были удовлетворены. Строительство Уфимской кирхи завершилось в январе 1910 г. Освятил ее пастор Энгельгарт из Самары. Настоятелем филиального прихода стал пастор Иоганн Недоль из г.Златоуста.

С установлением советской власти произошли коренные изменения в жизни российских верующих. Естественно, что консолидирующая сила религии была реальной угрозой для новой власти. Был издан ряд антирелигиозных законов, разрушивших основу существования религиозных организаций. Антирелигиозная борьба в полной мере коснулась и латышского населения. Были закрыты и использовались не по назначению культовые сооружения лютеран Башкирии. В этот исторический период в стране катастрофически не хватало пасторов. Эдуард Франц из Архангельской латышской колонии был один из немногих служителей

---

¹ Литягина А.В. Уровень религиозности населения Западной Сибири (1861–1917 гг.) // Вопросы истории. 2006. № 9. С. 119.

² Там же.

³ Журналы Уфимской Городской Думы. 1900 г. Уфа, 1901. С. 139–140.

⁴ Там же. 1905 г. Уфа, 1906. С. 153–154.

Лютеранской церкви, продолжавших исполнять пастырский долг. Э. Франц не имел ни специального теологического образования, ни пасторского звания. В документах того времени он значится как миссионер, в то же время Э. Франц оставался заметной фигурой как у латышей Башкирии, так и лютеран других регионов страны. Он принимал активное участие в работе Синодального съезда Латышской Евангелическо-лютеранской церкви в 1928 г.¹.

Уровень религиозности у латышей в тот период оставался высоким. Власти предпринимали не только действия по уничтожению церковных приходов, но и пытались держать под контролем умонастроения верующих. Считаю целесообразно привести характерные примеры из отчетов работников Губкома в части, касающейся религии. Так, секретарь Латсекции Ю. Ольман, анализируя социально-экономическую жизнь Архангельской латышской колонии, отмечал, что «всех верующих – их насчитывается около 80% всего населения – можно разделить на три основные группы: евангелисты, баптисты и православные. По количеству больше всего насчитываются евангелисты. Во главе их стоит священник Франс. Последний в своей демагогии не знает никаких пределов. Вся агитация Франса и его агентов-пелмельдеров (Perminderis – церковный староста – *Е. Чегодаев*) сводится к тому, что крестьянство при существовании советской власти не имеет перспектив своего дальнейшего развития. Что дети передовой нации латышей остаются неграмотными. Советская школа их только извращает. Что советская власть для крестьян является регрессивным фактором, тормозящим экономическое и культурное развитие. Исходная точка – сельхозналог. Примерно к тому же сводится агитация вожаков баптистских и других религиозных сект. Все это передается вожаками и распространяется их подручными среди масс всевозможными путями, иногда очень в замаскированной форме. Иногда довольно открыто и смело выбрасываются лозунги и выражения, включающие в себя чувства возмущения и протест».

---

¹ Солодовников В.В. Указ. соч. С. 84.

Ю. Ольман отмечает: «Активные лозунги, призывающие к непосредственному действию против советской власти, пока открыто не выдвигаются. Возможно, что среди участников закрытых собраний сектантов это делается, но данных об этом в нашем распоряжении нет... Нет еще достаточных данных о работе религиозных сект, но безошибочно можно сказать, что под маской религии объединяются и проводят свое влияние в темных массах все антисоветские элементы. Через религиозные секты внедряются их вожаками в головы бедняцких и середняцких масс классовая враждебная нам идеология. Поэтому нет ничего удивительного, если даже бедняк иногда выражает явно кулацкие взгляды. Классовые враги, в том числе и религиозные секты, свой иллюстративный материал, часто демагогического содержания, черпают от работы местных общественных организаций»¹. Другой автор пишет: «Часто приезжает священник Франц из Архангельского, который пользуется большим авторитетом. Недавно крестьяне собрали 11,5 пуда шерсти священнику на костюм»². (Количество шерсти приведено в оригинале, по-видимому, было собрано 2,5 пуда шерсти – Е. Ч.)

Перед работниками советских органов ставилась задача: «Вести повседневное изучение содержания и методов работы религиозного общества «Kristus gaisma» («Свет Христа»), своевременно реагируя в общественной работе на демагогические вылазки Франца и его агентов. Для этой цели необходимо выявить весь безбожный актив, узнать, где и когда собираются сектанты и соответственно дать задание неверующим, чтобы они присутствовали на занятиях, регулярно собирая от них информационный материал. Наиболее характерный материал немедленно направлять в Латсекцию»³.

Информация о закрытии в 1927 г. молитвенного дома в Балтийской колонии и о безрезультатных попытках верующих отстоять свою церковь изложена в

---

¹ ЦАОО РБ. Ф. 122. Оп. 6. Д. 150. Св.114. Л. 51.

² Там же. Л. 12.

³ Там же. Л. 23.

докладе Ю. Ольмана: «На перевыборном собрании был поднят вопрос о передаче молитвенного дома под школу в виду того, что школьное здание не вмещает всех детей школьного возраста, далеко не соответствует по кубатуре, отсутствует дневной свет, постоянная сырость, дым и угар, что портит и калечит детей. Исходя из вышеизложенного, собрание граждан постановляет: «Передать пустующий молитвенный дом в распоряжение с/совета, каковое использовать в качестве школьного здания. Старое школьное здание отремонтировать и использовать в качестве клуба-избы-читальни. После перевыборного собрания по этому вопросу закипела борьба. На другой же день приехал священник Франс. Собрал несколько собраний верующих и кулаков. Собирались подписи у разных лиц (даже не проживающих в Балтийском с/совете и не имеющих право голоса). Представители верующих, вернее кулачество, вместе со священником Франсом обратились в БашЦИК и Волисполком, но безрезультатно. После того снарядили одного кулака, чтобы он поехал в Москву, но он почему-то не поехал. Возможно, найдется смельчак, который поедет»¹. Эдуарда Оттовича Франца арестовали 10.12.1937 г. Он был осужден за контрреволюционную деятельность к высшей мере наказания, расстрелян 13.02.1938 г.².

Прекратились собрания верующих и у баптистов. При подготовке документов к реабилитации латышей Башкири в 1954г. были допрошены свидетели тех трагических событий. В показаниях А.Я. Адмидина из с. Архангельское зафиксировано следующее высказывание: «Помню, когда вступили в колхоз, то я, Балтынь Ян, и другие ходили в молельный дом к баптистам и на крыше установили красный флаг. После этого баптисты не собирались в молельном доме. <...> несколько молений было проведено баптистами в доме Штейнберг, а затем вовсе баптисты не стали собираться на моления»³. Факт водружения красного флага интересен тем, что передает дух времени, но, безусловно, не является причиной, которая заставила

---

¹ ЦАОО РБ Ф.122. Оп. 6. Д. 150. Св. 114. Л. 2.

² Книга памяти жертв политических репрессий РБ. Уфа, 2005. Т. 5. С. 217.

³ Архив УФСБ РФ по РБ. ВФ № 3748. Т. 12. Л. 269.

баптистов отказаться от молитвенных собраний. В основе прекращения общественной религиозной жизни лежат репрессивные меры государства по отношению к проповедникам и простым прихожанам.

С физическим устранением последних священнослужителей, а также большинства мужчин, религиозная жизнь в латышских колониях практически прекращается. Не проводятся обряды конфирмации и венчания. Крещением детей и проходами покойных занимаются, как правило, пожилые женщины, знакомые с процедурой этих обрядов. Но и в этот исторический период на территорию СССР продолжала поступать религиозная литература. Во время полевых исследований неоднократно встречались брошюры, изданные в Латвии в 20–40 гг. прошлого века.

Религиозная жизнь в латышских поселках несколько оживилась в период 50–70 г. XX в. В это время молитвенные собрания стали проводиться относительно регулярно, как правило, в ограниченном кругу пожилых односельчан. Традиционно справлялось Рождество с организацией детского утренника, другие религиозные праздники. Крещение детей осуществляли знающие обряд люди, либо в православной церкви. В продолжение традиции конфирмации особо торжественно отмечали достижение молодежью возраста восемнадцати лет. В этот день, как и во время религиозного обряда, девушек старались нарядить в белые платья.

Сохранялись кладбищенские богослужения. По воспоминаниям информаторов из д. Балажи, их проводили в весенне-летний период вплоть до 70-х гг. XX в. Приурочивали их чаще всего к празднику «Троица». Производилась уборка кладбища, высаживались цветы, могилы также украшали цветами и венками. В виду отсутствия священников проповедь под открытым небом не устраивалась, ограничивались общей молитвой, чтением Евангелия, пением священных гимнов. Распоряжались на празднике также пожилые женщины. Совместное пение иногда сопровождалось музыкальными инструментами, как правило, это были аккордеон или баян. В последние годы на кладбищенских службах в Балажах аккомпанировал на

аккордеоне Либман Карл Карлович¹, единственный из односельчан, вернувшийся из Магаданских лагерей после отбытия десятилетнего срока наказания. Во время молитвы по необходимости все ставали на колени, независимо от возраста и пола². Спиртные напитки на кладбище не употреблялись. В настоящее время в Архангельском районе на кладбище с. Максим Горький для проведения кладбищенских богослужений оборудована площадка со скамейками и трибуной.

На территории Башкортостана в ряде случаев произошел переход латышей-лютеран в православие под влиянием превосходящего по численности русского населения, ввиду отсутствия лютеранских храмов и священнослужителей. Этот процесс наблюдается и в наше время. Годы борьбы с религией в СССР способствовали формированию нового поколения латышей-атеистов. Имеются случаи, когда потомки латышских переселенцев не знают, к какой религии принадлежали их предки, ошибочно причисляя их к католикам. В тоже время следует отметить, что в последние годы интерес к религии возрастает. Работая с информаторами, мы выявили, что во многих латышских семьях сохранилась Библия, изданная в конце XIX в., и привезенная переселенцами с прежней родины. Немногие её читают сейчас из-за незнания языка, на котором издана Священная книга (латышский, немецкий), или не умеют читать тексты, написанные готическим шрифтом, но считают своим долгом передать эти книги детям и внукам.

Из представленных материалов можно сделать вывод, что латыши, переселившись на территорию Уфимской губернии (Башкирию), дополнили конфессиональную и этнокультурную мозаичность края. Большинство их было лютеранами, некоторые исповедали баптизм. Постепенный переход части населения в православие стал результатом разрушения латышских колоний и влияния более многочисленного русского населения. Итогом

---

¹ ПМА – 2013 г. Воспоминания А.И. Осис (1928 г. р.), д. Балажи Иглинского р-на РБ.

² ПМА – 2013 г. Воспоминания З.П. Толстиковой (1922 г. р.), д. Балажи Иглинского р-на РБ.

борьбы советской власти с религией стала утеря уникального пласта латышской культуры, приведшей к разрушению этнической самобытности, утрате национальных традиций.

3.3. Обряды и праздники

Общественные обряды и праздники латыши отмечают как по церковному (Рождество, Пасха, Троица), так и земледельческому календарю. В 30-е – 50-е гг. XX в. в латышских колхозах проводился так называемый латышский «сабантуй» – Зеленый бал (*Zala balle*), приуроченный окончанию весенних полевых работ. На нем было много коллективных мероприятий, и приоритет отдавался культурной программе: оркестровому исполнению музыки, танцам, хоровому пению.

Любимым народным латышским праздником с давних пор является праздник Лиго, аналог Иванова дня у славян, с ночными гуляниями, кострами на высоком столбе (ночной маяк) и поляне, поиском чудодейственного папоротника и появлением Яниса под сопровождение фольклорного ансамбля «Атбалсс» (Фото 97; 98).

Праздник Мартыни символизировал приход зимы. После прихода Мартыни нельзя больше беспокоить землю. День 2 февраля считается покровителем коров и телят. Было принято варить густую кашу, в которую втыкали свечи. Праздник символизировал ожидание прихода скорой весны. В настоящее время в Латышских национально-культурных центрах ведется работа по возрождению народных праздников.

Латышские праздники отличаются наличием большого разнообразия музыки, танца. Информаторы считают, что особенностью латышских крестьян является особая тяга к искусству, театру, поэзии, музыкальной культуре, хоровому пению. В латышских хуторах создавались оркестры

струнных и духовых инструментов (в Ауструмской, Балтийской и Бакалдинской колониях). Некоторые музыкальные инструменты переселенцы привезли с собой, другие изготавливали сами или покупали в Уфе и других городах страны. Популярными инструментами были скрипки, мандолины и цитры. У некоторых колонистов имелись и фисгармонии. Устраивали концерты как в кругу семьи, так и для более широкого круга слушателей. Играли в воскресные дни, на праздниках, свадьбах, по случаям, где это было необходимо, пели песни (детские, семейно-обрядовые, любовные, лирические и пр.). Обучали музыке и пению детей. До сих пор во многих семьях хранятся рукописные сборники, составленные как из светских песен, так и церковных песнопений и псалмов. Существуют песни, которые были написаны уже здесь, на Южном Урале. Летом 1927 г. был проведен праздник песни, в котором участвовали хоровые коллективы из Бакалдино, Арх-Латышей и Архангельского.

Как известно, обряды, ритуалы и праздники являются важнейшими элементами народной духовной культуры, сопровождающими не только жизнь социума, но и конкретного человека от рождения до смерти. У лютеран такими обрядами являются обряд крещения, конфирмации, свадебный (венчание и свадебное торжество) и похоронный обряды, которые проводятся в соответствии с канонами церкви. Автор не ставит задачу подробного их описания, а старается показать этнографические особенности этих обрядов у латышей Башкортостана. Актуальность исследования заключается в том, что эти этнографические составляющие церковных обрядов специально не изучались. В связи с чем отсутствуют исследовательские научные работы. Представляют интерес, уже упоминавшиеся в этой работе, воспоминания бывших жителей Бакалдинской колонии Х. Рукшана и А. Аунс-Уралиетиса.

Порядок проведения церковных обрядов у лютеран России в период до 1917 г. был закреплен в Уставе Евангелическо-лютеранской церкви от

1832 г¹, который регламентировал деятельность пасторов и церковных попечителей и старост. Латышские колонии Уфимской губернии обслуживали пасторы из г. Златоуста, а также из других регионов страны, которые не реже одного раза в год посещали колонии и совершали необходимые обряды: крестили детей, венчали, причащали, конфирмировали, предавали земле покойных. Во время отсутствия пастора крестить детей и провожать покойных могли церковные старосты. О чем в последующем пасторы делали соответствующие записи в метрических книгах. Значительно вырос круг обязанностей церковных старост после Октябрьской революции, когда в стране катастрофически не хватало лютеранских священников. Так епископ Т.Ф. Майер, посетивший в 1925 г. лютеранские общины Сибири, в своей работе «По Сибири. На службе Евангелическо-лютеранской церкви», отмечал, что «общины, происходящие из Латвии и Эстонии, имели повсюду своих церковных опекунов, всегда очень уважаемых людей, которые отлично выполняют свои обязанности... Они наблюдают за домашним обучением детей в Слове Божьем, проводят богослужения по книгам и выполняют другие срочные обязанности. Они никогда не преподают Причастие, только проводят молитву над больными и умирающими. Также они не проводят венчания, но совершают богослужения после регистрации молодоженов в ЗАГСе»². Такое же положение сложилось и в латышских колониях Башкирии. В этот период единственным официальным служителем Лютеранской церкви в Башкирии был миссионер Франц Эдуард Оттович. Его активная деятельность в Башкирии продолжалась в период с 1922 г. по 1929 г. В мае 1929 г. он был арестован и осужден к 3 годам концлагеря (отбывал срок на Соловках) с последующей ссылкой на три года в Северный край³. Во время репрессий 1937–1938 гг. Э.О. Франц в декабре 1937 г. был повторно арестован, обвинен в

---

¹ Свод законов Российской Империи. СПб., 1896. Т. XI. Ч. 1.

² Епископ Т. Майер. В Сибирь. В служении Евангелическо-лютеранской церкви. М., 2005. С. 63.

³ Архив УФСБ РФ по РБ. ВФ № 4612 Д. 52743. Л. 52.

контрреволюционной деятельности и расстрелян 13.02.1938 г.¹ В период репрессий были уничтожены и большинство церковных старост. Религиозные общины распались. Больше не проводились обряды конфирмации и венчания. Крещением детей и проводами покойных занимались, как правило, пожилые женщины, знакомые с процедурой этих обрядов. Естественно, что очевидцев обрядов проводившихся в латышских колониях в дореволюционный период и в первые годы советской власти, в настоящее время уже не осталось. Сведения, полученные во время полевых исследований, касаются в основном обрядов совершенных в более поздние периоды, но при этом народные традиции сохранялись. Для реконструкции обрядов также использовались и сохранившиеся в латышских семьях фотографии, документы, предметы быта.

Особое значение в жизни латышей имеет комнатное растение мирт, символ чистоты, любви и вечной жизни, который сопровождал человека от рождения и до смерти. Это вечнозеленое растение, присутствует во всех церковных и семейных обрядах латышского этноса. Также согласно общей лютеранской традиции, во время праздников дома и дворы украшались березовыми ветками. Следует отметить, что на многих старых фотографиях запечатлены стены домов, украшенные не только березой, но также ветками дуба и клена.

Как происходил обряд крашения младенцев, рассказали информаторы из Иглинского и Архангельского районов². Естественно, что в советское время данное событие проходило в домашних условиях, так как лютеранских церквей на территории БАССР не было, и как правило, в выходной день. В этот период распространено было крещение и в православной церкви. Но описание православного обряда выходит за рамки нашего исследования. Описываемое крещение было совершено в середине 60-х гг. прошлого века в селе Бакалдино исполнявшим в тот период обязанности церковного старосты

---

¹ Книга памяти жертв политических репрессий РБ. Уфа, 2005. Т. 5. С. 217.

² ПМА – 2013 г. Воспоминания В.Я. Ломжинской (1951 г. р.), с. Бакалдино Архангельского р-на РБ.

М.М. Каданцевым, а также дополнено сведениями полученными из других источников. В день крещения в назначенное время в доме, где происходил обряд, собирались приглашенные гости и участники. Все приходили в праздничных одеждах, с гостинцами, которые были завернуты в узелки из платков. Приносили пироги, сладости, пряники, конфеты, вино, продукты из мяса, рыбу, сыр – кто, что мог. Комната к началу обряда специально украшалась миртом, как растущими в горшках, так и отдельными веточками на шторах и скатертях. Место, где стояла купель, скамья или стол, застилалось светлым покрывалом, на котором также были разложены веточки мирта. В купели тоже плавали миртовые веточки. Купель была не обязательно большого размера, так как ребенка в нее не погружали, а только окропляли водой. Проводится обряд крещения, обязательно по канонам церкви, произносятся все необходимые молитвы, например при окроплении обязательно говорят «во имя Отца, и Сына и Святого Духа». На руках младенца держал кто-то из крестных родителей. Девочку – женщина, мальчика – мужчина. На девочке, если она была уже не совсем маленькой, было надето белое платье с кружевами, а на мальчике – белая рубашка. Если младенец был совсем маленьким, его заворачивали в пеленку, которая расстилалась рядом с купелью поверх мирта. В купель крестные родители и гости бросали деньги, которые потом хранили на память. Восприемников старались подбирать из числа молодых людей, чтобы в случае фатального случая с родителями они могли принять участие в воспитании ребенка до достижения им 18 лет в традициях лютеранской веры и подготовить ребенка к обряду конфирмации. Как правило, восприемники подбирались либо самими родителями ребенка с согласия крестившего, либо самим лицом проводившим обряд крещения. Один из восприемников был со стороны отца ребенка, другой – со стороны матери из числа родственников или близких друзей. «Виножник праздника... – больше находился на руках крестной

матери, мать была занята гостями, крестный отец обходил всех с тарелкой и собирал серебряные рубли – чтобы у малыша выросли крепкие зубы»¹.

После завершения обряда устраивался праздничный обед, так называемые крестины, как говорили в деревне «кресбины»². На стол выставлялись принесенные гостинцы, а также угощения, приготовленные хозяевами. Это были каши, например, пшенная или рисовая с тыквой, а также щи или куриная лапша. Обязательно кисель, кофе, из алкогольных напитков – самодельное пиво, иногда вино, брага. Платки, из которых делались узелки для гостинцев и посуда, имевшаяся в них, оставались на память о семейном празднике у родителей ребенка. Если крестины проводились летом, то на улице устраивали танцы под аккомпанемент музыкальных инструментов, пели песни, «...вокруг дома... по обычаю надо было затоптать всю крапиву и репейники, чтобы у малыша жизнь была легче»³.

Конфирмация являлась наиболее значительным событием в жизни евангелических лютеран. Это обряд, специально не установленный Библией, а подтверждение крещального обета, когда «ранее крещенный конфирмант возобновляет и подтверждает веру в Троидного Бога»⁴. В соответствии с Уставом евангелическо-лютеранской церкви России, церковный обряд конфирмации совершался над молодыми обоего пола не ранее пятнадцати и не позднее восемнадцатилетнего возраста⁵. В связи с тем, что списки конфирмованных латышей Уфимской губернии не сохранились, провести анализ возраста катехуменов не представляется возможным. Информанты из Иглинского и Архангельского районов республики рассказывали, что в латышских колониях конфирмации подлежала молодежь, достигшая возраста

¹ Рукшан Х., Аунс-Уралиетис А. Указ. соч. С. 68.

² ПМА – 2013 г. Воспоминания З.П. Толстиковой (1922 г. р.), д. Балажи Иглинского р-на РБ.

³ Там же.

⁴ Рудольф Ф. Норден. Символы и их значения, СПб., 2000. С.60.

⁵ Свод законов Российской Империи // Уставы духовных дел иностранных исповеданий. СПб., 1896. Т. XI. Ч. 1. С. 59.

18 лет. Эта косвенно подтверждается и обнаруженными во время полевых исследований «Конфирмационными свидетельствами», в которых возраст конфирмованных составляет 18 лет (Фото 67; 68), а также фотографиями, сделанными в этот день (Фото 63–66). На фотографиях видно, что все участники обряда примерно одного восемнадцатилетнего возраста, а также, что среди них нет более младших подростков. Конфирмация делала юношей и девушек не только полноправными членами церковной общины, но и давала право на вступление в законный брак. «Конфирмационное свидетельство» фактически становилось «путевкой во взрослую жизнь». В латышских семьях, как в колониях, так и на этнической родине, конфирмация была семейным праздником. К ней заранее готовились, шили праздничную одежду, готовили подарки. На основании сохранившихся фотографий можно судить, насколько значимым было это событие. На девушках одеты длинные, ниже колен, белые платья, похожие на платья невест. Видно, что у некоторых имеются нижние кружевные юбки, которые позволяли сделать платье более праздничным и пышным. Украшением платья служили веточки мирта, приколотые на груди, наподобие броши, под вырезом воротника. На всех светлые (белые) чулки и хорошая кожаная обувь. Каждая из девушек держала в руках книгу Святого писания. Юноши также одевались в праздничные костюмы, многие в галстуках или в рубашках с отлогими воротниками поверх пиджаков. С левой стороны пиджаков, на лацканах также прикалывались веточки мирта. К обряду молодежь готовили, проводили занятия по изучению Закона Божиего, как в семье, так и под руководством священников и церковных старост¹. Основным источником вероучения, который они должны были изучить, был «Малый катехизис» Лютера. Из обнаруженных «Конфирмационных свидетельств» наиболее поздняя дата проведенного обряда указана в свидетельстве Я. Озола выданным ему в Балажинской колонии в 1927 г.

---

¹ Свод законов Российской Империи // Уставы духовных дел иностранных исповеданий. СПб., 1896. Т. XI. Ч. 1. С. 59.

миссионером Э.О. Францем. Этот документ, интересен также тем, что бланк был отпечатан не в Латвии, как у ранее обнаруженных документов, а в 1927 г. в городе Омске в типографии «Рабочий путь»¹. Интересное воспоминание о конфирмации, проведенной в 30-е годы прошлого века, было записано в мае 2011г. в д. Балажи. На хуторе, где проходил обряд, в установленное время собрались его участники: юноши и девушки, достигшие возраста 18 лет, а также их родители и гости. Все были в праздничных одеждах. Заранее готовилось место для совершения обряда, к которому вела тропинка, украшенная с обеих сторон березовыми ветками. Пастор, отслужив церковную службу, приступил к проведению конфирмации. По импровизированной березовой аллее, шли участники обряда, девушки отдельно от юношей. Ответив на вопросы пастора, прочитали молитвы «Отче наш...» и «Символ веры», потом выступал пастор, который тоже прочитал молитву и поздравлял конфирмованного. Юноши и девушки благодарили пастора. Всем были подарены сборники церковных песнопений «Dziesma grāmata»². Трудно поверить, но в период массовых репрессий и в последующие годы советской власти религиозная жизнь еще как-то продолжала свое существование. Носила она скрытый характер и поддерживалась в основном пожилыми женщинами, хранительницами религиозных и национальных традиций. Валлэ Мирдза из д. Балажи рассказывала, что ее и других ее сверстников тоже готовили к конфирмации, которая должна была состояться в 1941 г. в Архангельском районе республики, но война, не позволила осуществиться этим планам. Приведенная информация, по всей видимости, не совсем достоверна, так как после расстрела Э.О. Франца в Башкирии уже не было лютеранских священников имевших право совершения обряда. Сведений о работе на территории республики других пасторов не обнаружены и весьма

---

¹ ПМА – 2013 г. Из домашнего архива В.К. Михельсон (1951 г. р.), д. Балажи Иглинского р-на РБ.

² ПМА – 2011 г. Информатор М.И. Валлэ (1923 г.р.), д. Балажи Иглинского р-на РБ.

сомнительны. По-видимому, в тот исторический период еще сохранялась традиция обучения молодежи основам лютеранской религии. Отголоски обряда продолжали жить вплоть до 80-х гг. XX в., когда при достижении возраста 18 лет латышским юношам и девушкам особо устраивали праздник Дня рождения, девушек в этот день старались нарядить в белые платья¹.

Документальных свидетельств описания похорон у латышей-лютеран Башкирии, за исключением воспоминаний Х. Рукшана и А. Аунс-Уралиетиса, не обнаружено. Естественно, что сам обряд похорон проводился в соответствии с канонами лютеранской церкви, но есть этнографические особенности, которые были зафиксированы во время полевых исследований и подтверждаются рассказами информаторов из различных районов республики. Как известно, у латышей существует особый культ кладбища, латыши по общей христианской традиции верят, что жизнь со смертью не кончается. Но в отличие от других христианских конфессий, проводы покойных отличаются в зависимости от возраста умершего человека, иногда сопровождаются музыкой и песнями. Существует старинная дайна:

*Vedat mani dziedādami,
Nevadat raudādami,
Lai iet mana dvēselīte
Pie Dieviņa dziedādama².*

*Везите меня с песнями,
Не везите со слезами,
Пусть моя душа к Богу идет
И песни поет.*

О таких похоронах рассказали Х. Рукшана и А. Аунс-Уралиетиса: «Желание умершего – это закон, от которого нельзя отступить: именно поэтому восемь мужиков тащили на кладбище тяжелейший крест Яункауна, который он заказал себе, а Пецу Карлис велел на его похоронах плясать до упаду... Так происходило, если хоронили старого человека, кого-либо из первых бакалдинцев. И танцевали, и плясали, если было так завещано»³. Конечно, ни о каких песнях и танцах не могло быть и речи, если смерть

¹ ПМА – 2012 г. Воспоминания В.П. Поколо (1952 г. р.), д. Балажи Иглинского р-на РБ.

² Latviešu tradīciju enciklopēdija. Jumava. Rīga, 2014. 104 lpp.

³ Рукшан Х., Аунс-Уралиетис А. Письма с земли детства. Верхние Татышлы, 2007. С. 69.

была трагической, и тем более, если наступала в молодом или детском возрасте.

Отголоски этой традиции дошли и до нашего времени. А.А. Лямина, жительница с. Балтика, рассказала о том, как в 1996 г. проходили похороны ее бабушки М.И. Бурцевой, которая перед смертью завещала, чтобы из родни никто не грустил и просила, чтобы в день похорон все пели песни. После поминального обеда родные покойной и приглашенные пели латышские и советские песни. Потом, когда в доме остались только члены семьи, вспоминали бабушку и пели до позднего вечера под аккомпанемент гитары лирические песни из репертуара Антонова, группы «Машины времени», др. советских и российских композиторов¹.

Особенностями латышских похорон (главным образом в сельской местности) было то, что покойного никогда не держали в доме, а выносили в подсобные помещения, например в холодные сени. Для похорон не было установленного дня, поэтому их иногда откладывали до одной недели, и более, если родственники не могли своевременно приехать. В таких случаях покойного (в летнее время) помещали во временную могилу, вырытую, где-нибудь, в затененной части двора или в саду прохладном месте. В этом случае покойного обкладывали крапивой, иногда обкладывали льдом, если была такая возможность, а сверху закрывали досками или брезентом². Зимой покойного держали в не отапливаемом помещении. Существовала традиция, заранее изготовлять гробы, еще при жизни человека, часто задолго до смерти. Отголоски этой традиции сохранились до наших дней. Такой гроб мы видели на чердаке дома у Мирдзы Валэ в Балажах (Фото 73) и гробы, изготовленные для обоих супругов Эглит (А.И. Эглит, уроженец с. Ауструм) в г. Аша Челябинской области. Иногда эти гробы люди возили с собой в течение длительного времени, при смене места жительства.

---

¹ ПМА – 2014 г. Воспоминания А.А. Ляминой (1970 г. р.), с. Балтика Иглинского р-на РБ.

² ПМА – 2013 г. Воспоминания Р.Р. Бордуковой (1940 г. р.), ст. Тавтиманово, З.П. Толстиковой, (1922 г. р.), д. Балажи Иглинского р-на РБ.

На похороны приходили только по приглашению, что связано с организацией поминального обеда. В день похорон, в одной из комнат дома накрывали стол, на котором были бутерброды, например сыр с маслом, пирожки и другие угощения. Наливали кофе и пиво. Гроб украшался веточками мирта и хвоей (Фото 74). Покойному также в руку клали мирт, а иногда и листок с молитвой. Перед тем как выносить покойного подавали по рюмочке настойки или пива и на закуску бисквит, бутерброды или пирожки. «Для того, чтобы проводить умершего в последний путь, отбирались сивые или гнедые лошади»¹ (Фото 72). Так как во время похорон пасторы присутствовали редко, только когда их визит в колонии совпадал с похоронами, а во время советской власти пасторов вообще не стало, библейские тексты читали либо церковные старосты (пока существовал такой институт), либо кто-то из сельчан. Во время прохождения процессии и непосредственно похорон пелись религиозные песни. В довоенный период на латышских кладбищах еще имелись специально построенные часовни (лат.- karļiņa), в которых проводилось отпевание. Такая каплица, например, была на кладбище в Балажах². Мужчинам, которые несли гроб и закапывали могилу, дарили вязанные шерстяные варежки или носки. Заранее изготавливались специальные погребальные полотенца, на которых часто вышивались эпитафии (Фото 43). Эти полотенца передавались по наследству, и использовались в дальнейшем на других похоронах.

На могилах устанавливали кресты и памятники (Фото 77; 78). Они сохранились на кладбищах в селах Балажи, Ауструм, Балтика, М. Горький и других кладбищах. Часто устанавливали чугунные кресты, по-видимому, их заказывали на предприятиях Латвии. Каждый крест изготовлен индивидуально, так как на них редко встречаются таблички, а текст отлит сразу с крестом. Значит, для каждого креста форму для заливки изготавливали по конкретному заказу (Фото 75; 76). Аналогичные кресты

¹ Рукшан Х., Аунс-Уралиетис А. Указ. соч. С. 69.

² ПМА – 2013 г. Воспоминания З.П. Толстиковой, (1922 г. р.), д. Балажи Иглинского р-на РБ.

имеются на кладбищах в Латвии и в Витебской области Белоруссии. В 30-е гг. XX в., в период массовых репрессий, в Башкирии мародеры из числа местных жителей (не латышей) раскопали некоторые латышские могилы, наивно полагая, что там есть драгоценности. Молодежь, одурманенная советской пропагандой, как бы мстя латышским кулакам, уничтожала чугунные кресты¹.

Интересные воспоминания бывшей жительницы с. Ауструм В.К. Лейтан, ныне проживающей в г. Балдоне (Латвия), опубликованы в январе 1990 г. в Латвийской газете «Kultūras Fonda Avīze» (газета Фонда культуры). Она приводит сведения о том, что первый человек, который умер и был похоронен на кладбище в Ауструмской колонии, была сестра ее бабушки, еще молодая девушка Эглит Эмма. С тех пор местные жители это кладбище называли "Кладбищем Эммы"².

Могилы засаживали барвинком, латыши его называют *Kapu mirtes* (могильный мирт). До коллективизации на кладбищах колоний хоронили только латышей, но после образования сел, заселенных различными этносами, кладбища становятся общими независимо от этнической и конфессиональной принадлежности. После возвращения с кладбища устраивался обед, на котором обязательно подавали куриный суп (шутили, «покойника в воздух не поднимут, если крылышек не будет»), был кисель, который наливали в глубокие суповые тарелки и ели ложками. Кисель чаще всего готовили из ягод черной смородины с добавлением ягод черноплодной рябины. Черная рябина, кроме вкуса придавала красивый цвет этому блюду. Угощения готовятся заранее, и по возвращению с кладбища обеденный стол бывает уже готов. В этот день приглашенные на похороны не расходились до вечера, и обед переходил в ужин. Вечером до ужина пели песни, часто жалостливые, так называемые «сиротские», например: «Остался без матери

---

¹ ПМА – 2011 г. Воспоминания Э.А. Штенберг (1931 г. р.), с. Ауструм Иглинского р-на РБ.

² Velta Leitāne. Latviešu Austrumciems Baškīrijā // Kultūras Fonda Avīze. 1990. Janvāris.

без отца, лес кругом стоит а дом пустой». Ближе к вечеру (если похоронили пожилого человека) не возбранялось петь песни и даже устраивать танцы¹.

Поминки по умершим у лютеран больше не устраивались, но у латышей имеется особый кладбищенский праздник, который проводится на кладбище в летнее время, но не ранее праздника Троица. Эта традиция сохранялась и у латышей Башкирии. Имеется документальное свидетельство, о том, что в августе 1928 г. на кладбищенской службе в Архангельской латышской колонии присутствовало 300 человек².

Растение мирт – символ чистоты, любви и вечной жизни, сопровождал человека от рождения до смерти и после нее. Если умирала незамужняя девушка, ее облачали в белое платье, украшенное миртом. До начала XXI в. сохранился обычай: провожая человека в последний путь, дожидаться приезда всех родственников, даже издалека. Летом, чтобы сохранить тело (иногда в течение недели), его прикапывают в огороде, обкладывают ветками цветущих растений. Провожая мертвого на кладбище, по пути следования бросают ветки ели, растущие в латышских селах довольно часто. Гробы старые люди готовят заранее, они хранятся на чердаках домов. На могиле устанавливают крест (их раньше привозили из Латвии) и памятник.

Таким образом, из семейных к настоящему времени лучше сохранились обряды, связанные с похоронами. Свадебные обряды ныне проводят по общероссийским традициям. Конфирмации прекратились в 1980-е гг. Растение мирт растет во многих домах и как комнатное, и как садовое растение.

---

¹ ПМА – 2012 г. Воспоминания Р.Р. Бордуковой (1940 г. р.), ст. Тавтиманово, Иглинского р-на РБ.

² Архив УФСБ РФ по РБ. ВФ № 3748. Т. 14. Л. 30.

3.4. Декоративно-прикладное искусство

К началу XXI в. у латышей Башкортостана основные виды прикладного искусства были утрачены. Об их творчестве мы можем судить по вещам, хранящимся в семьях потомков латышских переселенцев, в экспозициях музеев школ сел М. Горький и Бакалдино Архангельского района, а также в коллекциях Национального музея РБ и Музея археологии и этнографии ИЭИ УНЦ РАН.

Тема народного прикладного творчества латышей Уфимской губернии специально не изучалась. Имеются упоминания в краеведческих материалах районных и республиканских газет, в телевизионных передачах, посвященных латышам республики, празднику Лиго. Естественно, что большинство современных публикаций о латышской культуре издаются в Латвии и для русскоязычного читателя малодоступны. Фундаментальным трудом в отечественной историографии народного прикладного творчества латышей является монография С.И. Рыжаковой «Язык орнамента в латышской культуре»¹, а также значительное количество ее же работ в рецензируемых отечественных и зарубежных журналах.

Характеризуя «многоязычность» латышской культуры, С.И. Рыжакова отметила, что «латышская культура — культура украшения пространства, и это, возможно, одна из важнейших ее доминант»². Подтверждение этому тезису мы неоднократно находили во время исследований, рассматривая предметы народного творчества, посещая места расположения усадеб латышских хуторов, записывая воспоминания информаторов, изучая старые фотографии. Очевидно, что благополучие переселенцев способствовало сохранению и развитию этнической культуры, давало возможность выделению средств из семейных бюджетов на удовлетворение культурных потребностей. И естественно, что культура украшения пространства может

---

¹ Рыжакова С.И. Язык орнамента в латышской культуре. М.: Индрик, 2002.

² Там же. С. 5.

существовать и развиваться только в местах долговременного проживания людей.

Латышские крестьяне занимались различными ремеслами, но эта деятельность не имела приоритетного характера, так как основу их благополучия составляло сельское хозяйство. По этой же причине у колонистов отсутствовали отхожие промыслы. Каждая латышская семья, как и любая крестьянская семья, независимо от этнической принадлежности, производила все необходимые изделия для внутрисемейного использования (Фото 44–53). Профессиональными ремесленниками были кузнецы и портные. Изготавливали бондарные изделия, корзины, телеги, сани, колеса, шили одежду. Традиционными видами народного творчества, культивировавшегося у латышей Башкирии, было ткачество (Фото 19–29). О высоком качестве изготавливавшегося здесь сукна приводятся сведения в газете «Красная Башкирия», в заметке «Надо помочь артели», в которой отмечалось, что «сукно латышки выделывают сами с разводимых ими породистых тонкорунных овец <...> [Оно] отличается своей прочностью против сукна фабричного производства»¹. Также было распространено украшение одежды и других тканых изделий кружевами и вышивкой, вязание скатертей, кружевных подзоров, салфеток и т.д. (Фото 30–36).

Широкое распространение получило изготовление верхней вязаной одежды – кофточек, свитеров, носков, шарфов, чулок и др. Интересные воспоминания Т.В. Маляровской (Москва) о встрече с латышами Ново-Балтийской колонии Башкирии в конце 20-х гг. XX в. опубликовал латвийский историк Т. Кикутс: «Особенно удивляла одежда женщин. ... на всех ... были серые или белые вязаные жакеты. Удивляться было чему – из местных жителей ни у кого таких нарядов не было»². Особо любимыми и даже обрядовыми изделиями являются шерстяные варежки. Их,

---

¹ Член артели. Надо помочь артели. (Письмо из Иглино) // Красная Башкирия. 1925. 16 апр.

² Кикутс Т. Основные тенденции в истории создания и развития латышских колоний в Уфимской губернии // Россия и Балтия. Вып. 6. М., 2011. С. 45–46.

всевозможных узоров и расцветок, дарили как на свадьбе, так и на похоронах.

В то же время некоторые виды традиционных ремесел не получили своего развития на Южном Урале, например, изготовление художественных гончарных изделий, украшений из серебра и металлов и др.

Наиболее широкое распространение получило изготовление национальных латышских шерстяных одеял (*Šatiera Segas*) и тканых покрывал на кровати (*Austs gultas pārklājs*) (Фото 19–22; 25; 26). Традиционны два типа тканых плетений – в полоску и с узором, а также изделия, в которых присутствуют оба вида. Разноцветные одеяла изготавливались в качестве приданого дочерям, их дарили и другим членам семьи. Они являлись одним из главных украшений дома, внося в крестьянский быт праздничное настроение. До настоящего времени дошли интересные экземпляры. Следует отметить, что изготовление традиционных латышских одеял на территории Иглинского района переняли и некоторые белорусские семьи¹.

Латышские мастерицы ткали также традиционные платки (*Austie Lakati*), чаще однотонные, с полосой по краям или в клетку, украшенные бахромой² (Фото 57), ковровые безворсовые дорожки, узорчатые ткани для украшения стен, полотна для костюмов, рубашек, нижней одежды, полотенец и других изделий. При изготовлении полотна использовались как шерстяные нитки, так и лен, реже конопля. Полотно выдeldывали как однотонное различных расцветок, так и узорчатое, часто в полоску или в клетку. Было принято дарить такие ткани на свадьбе родственникам жениха и гостям.

При крашении ниток использовали как натуральные красители, изготовленные из природных материалов: листьев, желудей, почек и коры деревьев (например, ольхи, березы), корней трав, так и покупные. Особо

---

¹ ПМА – 2012 г. Воспоминания Р.В. Рудкевич (1939 г. р.), д. Балажи Иглинского р-на РБ.

² ПМА – 2014 г. Воспоминания М.Я. Вейс (1927 г. р.), п. Горный Архангельского р-на РБ.

ценились красители, доставляемые из Латвии. Наиболее умелые красильщики проживали в Стерлитамакском уезде, к ним обращались не только жители соседних селений, но и из других районов.

Одной из добрых традиций латышского населения была вышивка на тканых изделиях инициалов хозяев, монограмм, мудрых изречений и добрых пожеланий. Такие предметы становились семейной ценностью и передавались по наследству. Часто на тканых вещах, особенно полотенцах и различных накидках, вышивали, например: «Labrit» (Доброе утро), «Rīta stunda – zelta stunda» (Утренний час – золотой час), "Saldus un patīkamus sapņus" (Сладких снов и приятных сновидений) и др. (Фото 39–43).

Часто тканые и вязаные изделия украшались орнаментом, как геометрическим, так и растительным (Фото 37; 38). Происхождение графических символов уходят корнями в древнюю латышскую мифологию. С давних времен орнамент служил не просто украшением, но и оберегом. Творчество латышских колонистов Башкортостана также изобилует древними символами, они имеются на многих изделиях народных мастеров.

Из представленных материалов можно сделать вывод, что латышские крестьяне, переселившись на территорию Уфимской губернии (Башкирию), принесли с собой уникальную этническую культуру. В течение длительного периода сохраняли и развивали традиционные формы народного творчества, вносили вклад в обогащение культуры других народов. К сожалению, исторические потрясения XX в. уничтожили не только латышские хутора, но и привели к снижению численности латышского этноса. Негативное воздействие на сохранение традиционной культуры латышей оказала и урбанизация населения. Все это привело к утрате многих видов декоративно-прикладного искусства, и, в первую очередь, традиционного латышского ткачества.

3.5. Суеверия и знахарство

Целью раздела является анализ приемов целительства латышей Башкирии (Уфимской губернии, Башкортостана) – переселенцев из Прибалтийских губерний последней четверти XIX – начала XX в. Они сложились на основной этнической территории, описаны, например, в повести классика латышской литературы Яниса Яунсудрабиньша «Белая книга»¹, и были перенесены на башкирские земли. В советский период отношение к знахарству со стороны властей было отрицательным, что привело к безвозвратной утере целого пласта этнической культуры. В то же время в условиях многоэтнической среды, где зачастую проявляются процессы консервации культуры малочисленного народа, некоторые традиции могли сохраниться. Подтверждение этому тезису дают результаты исследования сибирских латышей-латгальцев². На территории Южного Урала бытованию этнических традиций латышей также способствовала моноэтничность их хуторов.

Практика и способы целительства в среде латышских колонистов Южного Урала, как и многие другие проявления их этнической культуры, ранее не изучались. Вместе с тем, они представляют интерес для этнографии, особенно в контексте обрядовой культуры³, изучения народных представлений, народной философии. Основным источником для написания данного раздела стали полевые материалы автора 2009–2013 гг., также использованы архивные документы и газетные публикации первой половины прошлого столетия.

---

¹ Яунсудрабиньш Я. Белая книга: [сайт] URL:<http://www.rulit.net/books/belaya-kniga-read-230474-1.html> (дата обращения 19.09.2013).

² Эйсуль Э. Латыши // Сибирская советская энциклопедия. Т. 2. Новосибирск, 1931. С. 26.

³ Галиева Ф.Г. Этнографические исследования русского населения Башкортостана. Уфа, 2012. С. 57.

Как показало исследование, народная медицина у местных латышей не имела приоритетного характера. Во-первых, потому что латышские колонии Уфимской губернии, по сравнению с некоторыми сибирскими колониями, находились в более благоприятных условиях не только в отношении транспортной инфраструктуры, но и наличия медицинских учреждений. Во-вторых, большинство колонистов было зажиточными крестьянами, которые вели здоровый образ жизни. Физический труд, хорошее питание и экология, высокий уровень бытовой культуры, умеренное употребление алкоголя (имея в хозяйстве до 10 и более голов только крупнорогатого скота, латышам было не до пьянства), религиозность, - сохраняли здоровье населения.

Тем не менее, целители были, они пользовались большим авторитетом, к ним обращались достаточно часто, к их советам прислушивались. Это было связано с тем, что жизнь латышских колонистов, также как и крестьян других этносов, определялась природой и общественными установками. Знание природных явлений и причин болезней было насущной необходимостью, а незнание сопровождалось суевериями, растолковать которые и помочь человеку могли народные знахари. Примеры лечения, сохранившиеся в памяти информаторов, особенно старшего поколения, иногда носят фантастическую окраску. В основном это относится к лечению заболеваний, в основе которых, по их представлению, лежат сглаз, порча и колдовство. Естественно, что на людей, верящих в лечение заговорами и молитвами, эта практика достигала положительного психотерапевтического эффекта, который действительно мог оказывать оздоровительное воздействие.

К документальным сведениям относится информация о знахаре Августе Гуркисе, отраженная в докладе обследования деятельности Ауструмской ячейки ВКП(б) за период с января 1926 г. по март 1927 г. В нем отмечалось, что «на почве суеверий населения сильно орудует в районе гр-н Гуркис, который назван волшебным целителем (лечит святой водой и словами), и к которому приезжают даже из других кантонов. Следовало бы его убрать и посадить за решетку, как по газетным сведениям недавно убрали

«мамку Марию» из Екатеринослава. Вести работу за разоблачение «шарлатанских» методов лечения Гуркисом, всячески разъясняя населению вздорный и вредный характер его работы. Осветить его работу в печати. Ходатайствовать совместно с Латсекцией перед высшими партийными органами о необходимости выселения гр-на Гуркиса из пределов Ауструмской колонии»¹.

О А. Гуркисе до сих пор помнит старшее поколение. О нем рассказывают полуфантастические истории. Нет причины их все пересказывать, приведем только наиболее характерные. Например: «Как-то гостил Гуркис у дочери в селе Бакалдино. К дому, где они жили, подъехал башкир из соседней деревни Тереклы, попросил воды для лошадей. Вез он из Уфы больного отца, которого отказались лечить в больнице, по-видимому, тот готовился умереть. Гуркис попросил занести его в дом. Что он с ним делал, неизвестно, но после возвращения в деревню этот человек прожил еще около пятнадцати лет»². Другой пример, как «одна женщина из Ауструмской колонии ездила к нему на прием. Решила она рассчитаться со знахарем овечьей шерстью, но пока ехала, отдавать ей стало жалко, тогда она решила часть шерсти спрятать в лесу. После лечения Гуркис платы не взял, но напомнил женщине не забыть забрать ту шерсть, которую она припрятала»³. Рассказывают в разных вариациях и такой случай, который произошел в день, когда «Гуркиса пытались арестовать. Гуркис попросил разрешения выйти в другую комнату переодеться. По его возвращению оказалось, что милиционеры не могут подняться со стульев, так как у них отнялись ноги»⁴. Конечно, мы не можем поручиться за достоверность этих историй, но одно, безусловно, что такие легенды могли окружать только

---

¹ ЦАОО РБ. Ф. 122. Оп. 6. Д. 150. Св. 114. Л. 12.

² ПМА – 2013 г. Воспоминания В.Я. Ломжинской (1951 г. р.), с. Бакалдино Архангельского р-на РБ.

³ ПМА – 2013 г. Воспоминания Э.А. Штенберг (1927 г. р.), с. Ауструм Иглинского р-на РБ.

⁴ ПМА – 2012 г. Воспоминания М.Я. Вэйс (1927 г. р.), п. Горный Архангельского р-на РБ.

неординарную личность. Гуркис, по всей видимости, был хорошим психологом, он всегда мог определить, когда человек ему не доверяет и тогда спрашивал, для чего же он приехал? После смерти Августа Гуркиса знахарством занималась его старшая дочь Ольга.

Роль знахарства, как в целом и народной медицины, неизмеримо возрастала во время социальных потрясений, когда переставали нормально функционировать или полностью отсутствовали медицинские учреждения, например, во время революций, войн, массовых эпидемий и других событий, связанных с потерей населением нормальных жизненных условий. Имена целителей хорошо помнят в латышских деревнях республики. Так, в Балажах Иглинского района знахарем была Рэкис Минна Ивановна, которая лечила молитвами и заговорами, с использованием продуктов питания, например, соли, сахара, хлеба, конфет. Информаторы, проживающие в различных населенных пунктах республики, неоднократно рассказывали о том, как она смогла поднять на ноги девушку, от которой отказались в медицинских учреждениях. При этом использовались заговоренные конфеты – ириски, которые любила больная, и соль. В сентябре 2013 г. удалось найти этого человека и опросить. Этой девушкой оказалась Екатерина Михайловна Лунник (Богданова), ныне живущая в д. Чкаловское Иглинского района. В 13 лет она заболела коллагеновым дерматомиозитом. Три года была прикована к постели, безрезультатно лечилась в больницах г. Уфы. В 1964 г. была направлена в Москву в Боткинскую больницу. Прогноз врачей был неутешительным: предполагалась полная инвалидность. Врачи были уверены, что она никогда не сможет ходить. По просьбе матери, М.И. Рэкис заговорила конфеты и соль. При этом конфеты были развернутыми. Заговоренные продукты были переправлены в больницу. Как рассказала Екатерина Михайловна, знахарка предупредила, что если ее средство будет помогать, то у больной начнется рвота, что и произошло. Екатерина Михайловна понемногу ела конфеты, и солила еду присланной солью.

Здоровье начало постепенно восстанавливаться¹. Характерно то, что у нее не было прямого контакта со знахарем, с Рэкис Минной она не была лично знакома и даже никогда ее не видела, но конечно знала, что во время лечения употребляла продукты, присланные знахарем. По всей видимости, сильное желание выздороветь сделало невозможное и победило болезнь. В последующем Екатерина Михайловна вышла замуж и родила двоих детей. К М.И. Рэкис обращались за помощью не только местные жители, к ней приезжали и из других регионов страны (Украины, Молдавии)².

Другой целительницей, практиковавшей в тот же период в Балажах, была Выдринна Эмма. По воспоминаниям очевидцев, в своей практике она пользовалась старой книгой на латышском языке, напечатанной готическим шрифтом. Это была якобы книга о черной и белой магии³.

Знахаркой, обладающей значительной силой, считалась Луция Земел из села М. Горький Архангельского района (умерла в 70-е годы прошлого века). Заговаривала зубную боль, рожу, грудницу (мастит), колики у телят, другие заболевания у людей и домашних животных. В Архангельском районе целительством занимался также Берзин Александр Яковович из с. Бейсово. Он практиковал снятие порчи и сглаза методом накладыванием рук на больное место, а также на голову, плечи, в дальнейшем опуская их вниз вдоль тела с чтением молитв и заговоров. Считалось, что после снятия порчи нельзя было в течение 9 дней брать что-то из рук посторонних людей, или что-то отдавать им, например деньги, предметы, продукты питания и т.д. Был А.Берзин и хорошим костоправом, лечил различные травмы, заболевания опорно-двигательного аппарата и позвоночника.

В настоящее время практика лечения молитвами и заговорами в среде латышского населения республики практически отсутствует, приёмы

---

¹ ПМА – 2013 г. Воспоминания Е.М. Лунник (1947 г. р.), д. Чкаловское Иглинского р-на РБ.

² ПМА – 2013 г. Воспоминания Л.Б. Дубовой (1950 г. р.), д. Балажи Иглинского р-на РБ.

³ ПМА – 2013 г. Воспоминания З.З. Выдриной (1937 г. р.), д. Балажи Иглинского р-на РБ.

народного целительства в основном утеряны. Связано это в большей степени с сокращением численности латышского населения, и особенно в сельской местности. Однако интерес к заговорам остается, особенно для помощи домашним животным. В последние годы нами выявлен единственный случай попытки целительства людей молитвами – в с. М. Горький Архангельского района это Вецис Жан. Он, из-за незнания молитв на родном языке, читает их на русском.

Как ни парадоксально, но распространению знахарства помогала и высокая грамотность населения. Одной из семейно-бытовых традиций латышей, способствовавшей сохранению культуры, было ведение внутрисемейных записей, в том числе описание свойств лечебных трав, заговоров и молитв, применявшихся при лечении. За время полевых исследований в 2011–2013 гг. в Иглинском и Архангельском районах республики такие документы встречались неоднократно. Наиболее интересный и объемный из них был обнаружен в селе М. Горький Архангельского района – рукописный сборник Петра Рацена (Pehter Rahzen), датированный 1891 г. Всего в тетради записано 67 заговоров и заклинаний, как для лечения людей, так и животных, а также использовавшихся в различных жизненных ситуациях. Например, для лечения подложечных и зубных болей, боли в груди, от поноса, судорог, кашля, рожи и когда неизвестно, что с больным, для лечения свиней, колик у животных, защиты от змей, огня, грома, воров, завистников, заговоры, произносимые перед тем, как отправиться на охоту, при продаже скота и т.д. Трудность перевода заключается в том, что некоторые тексты не сохранились в полном объеме. Встречаются записи, которые трудно разобрать или слова, не используемые в современном латышском языке.

Ниже приведем текст заклинания, который произносят молодые незамужние девушки при посещении бани. Называется он «Meitu vārdi» (в сборнике имеет № 57), дословно переводится как «слова дочерей». Это

просьба о женихе, который должен быть ласковым и добрым, как банный пар и березовый веник, и который будет верным мужем:

Kad jaunās meitas pirtī iet pērties, tas jārunā: "Dievs (v. Laima) dod man tādu vīriņu tiksmīgu kā pirts gariņš, kā pirts slotiņa, kā bērzu lapiņa, - ne pīru pīpētāju, ne ragu ragotāju, ne dālderu meklētāju, ne brandavīna dzērāju!"

Как и любой другой народ, латыши передавали из поколения в поколение множество народных примет и суеверий, связанных с бытом и жизнедеятельностью человека. Нельзя сказать, что они были присущи только латышскому народу, тем более, в условиях Уфимской губернии, заселенной множеством этносов. Ниже мы приведем несколько таких примет, которыми пользовались латыши Иглинского района¹. Некоторые касаются строительной обрядности:

«При строительстве дома, бани, сарая на стойки фундамента кладут овечью шерсть – строения будут теплыми.

Или:

«Вставлять окна, косяки дверей и подоконники нужно в пятницу при убывающей луне в ее IV фазе – не будут замерзать стекла, а если стекла и замерзнут, то при оттаивании вода не будет стекать на подоконник. Вторые (зимние рамы) вставляются аналогично каждую осень».

Есть предписания для сохранения урожая от грызунов:

«При закладке картофеля и овощей на зимнее хранение в погреб или в бургт нужно встать спиной к югу и высыпать первое ведро со словами: «Первое ведро для мышей и крыс».

---

¹ ПМА – 2013 г. Воспоминания З.П. Толстиковой (1922 г. р.), д. Балажи Иглинского р-на РБ.

Чтобы защититься от воров:

«Вечером, после заката солнца (в сумерках), нужно 3 раза обойти усадьбу против часовой стрелки, читая непрерывно молитву «Отче наш».

Есть даже рекомендации, сохранившиеся с времен репрессий, коснувшихся латышей в больших масштабах:

«Засушенный свиной пяточок нужно перед судом отдать подследственному – оправдают.

Бытовые советы:

«Белье стирается при IV фазе луны – будет намного чище».

Рекомендации для скота:

«Когда весной корову первый раз выгоняют на пастбище, то используют прутик из вербы, который кладут потом на балку над воротами сарая, – чтобы корова возвращалась домой».

Интересно также и то, что коровам часто давали клички – своего рода обереги – по названию рек. Считалось также, что у коров с такими кличками молока должно быть так много, как воды в реке. Были распространены клички: Гауя (Gauja), Вента (Venta), Даугава (Daugava), Волга и др.¹.

Таким образом, в ареалах расселения латышей Южного Урала – Иглинском и Архангельском районе Башкортостана – до сих пор

---

¹ ПМА – 2013 г. Воспоминания Е.Р. Барановой (1951 г. р.), с. Архангельское, и А.И. Гусаровой (1956 г. р.), с. М. Горький Архангельского р-на РБ.

сохраняются некоторые традиции, связанные со знахарством и суевериями. Лечение людей и животных производилось молитвами, заговорами, заклинаниями, с использованием святой воды, продуктов питания, методом накладывания рук и внушения.

Итоги главы. Латыши, переселившись из прибалтийских губерний России на Южный Урал, наряду с другими переселенцами, активно включились в процесс крестьянской колонизации края, смогли за короткое время адаптироваться к новым природно-географическим и этническим условиям, и создать зажиточные передовые фермерские хозяйства, которые стали играть заметную роль в развитии сельского хозяйства региона в целом. В то же время исторические процессы, происходившие в первой половине XX века, связанные с коллективизацией, индустриализацией, репрессиями 1930-х годов, событиями Великой Отечественной войны, существенно изменили уклад жизни латышей, а также способствовали дисперсному расселению, привели к значительному уменьшению их численности, которая неуклонно продолжается до настоящего времени.

Латыши существенным образом отличались от других народов уровнем социально-экономического развития, образованности, владения передовыми технологиями ведения хозяйства, менталитетом, этническим характером (четкое планирование хозяйственной деятельности, предпринимательские способности и др.). В связи с этим, латыши никогда не селились рядом с башкирами, татарами, марийцами и другими народами. Более близкой для них оказалась русская и белорусская культура, поэтому латыши в ряде случаев становились их соседями.

Сселение латышей из хуторов в многоэтничные села привело к окончательному уничтожению традиционного типа латышского селения, очага этнической культуры. Во вновь построенных поселках сложилась новая социальная структура, в которой семейно-родовые отношения

уступили место постулатам социалистического строительства. В результате истребления мужского населения и ориентации большинства латышских девушек на внутриэтнические браки, семьи стали создаваться редко, начался процесс вымирания населения. В смешанных семьях приоритетом была избрана русская культура. В поселках не было национальных латышских школ, обучение детей велось только на русском языке. Связи с прежней родиной и земляками в других регионах России прервались. Перестали поступать латышские книги и газеты. Произошла этнокультурная ассимиляция. На территории Башкортостана латышские селения стали полиэтническими с унифицированной культурой. В последние десятилетия развернулась работа по возрождению этнических традиций через деятельность латышского историко-культурного центра, латышской школы и фольклорных коллективов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование показало драматичность судьбы латышских переселенцев Башкирии. В поисках свободных земель они преодолели тысячи километров, перевозя с собой новейшие для своего времени технологии земледелия и скотоводства, орудия труда, предметы быта и даже музыкальные инструменты. Большое внимание латыши уделяли улучшению качества, повышению урожайности земли (в отличие от русских, украинцев, белорусов, татар, башкир навоз как основное органическое удобрение они использовали на 100%), первыми в крае стали культивировать скороспелые сорта картофеля, выращивать красный клевер как корм скоту и для получения семян с последующей их реализацией.

Благодаря латышам новый импульс получило молочное животноводство, разведение метисов бестужевской и симментальской породы. В 1905 г. в колонии Ауструм была создана первая в Уфимской губернии маслодельная артель (100 членов с 600 коровами), вслед за которой появились артели у русских и других народов. Латыши первыми на Южном Урале освоили рамочное разведение пчел. Будучи хорошими ремесленниками, они создавали бондарные изделия, столярную и плетеную мебель, корзины, шили одежду, уникальные произведения латышского декоративно-прикладного искусства, которые сохранились до настоящего времени.

Латыши старались селиться рядом с русскими и белорусами, знакомыми им по прежней родине, и активно сотрудничали с ними. В первые годы они производили сельскохозяйственные работы, исходя из сельскохозяйственного календаря, сформировавшегося в Латвии. Неудачный опыт, связанный с местными более суровыми природно-климатическими условиями, когда зерновые не успевают созреть, заставил обратиться к

примеру русского населения. Русских мастеров латыши приглашали при строительстве домов (сами латыши крыли крыши и делали пол).

Хутора стали наиболее удобным и приемлемым для латышей видом селений на Южном Урале. Первым латышским переселенцем считается И.Я. Вейнберг, который в 1878 г. приобрел земельный участок на территории современного Иглинского района республики. Первым латышским поселением стала колония Ауструм, основанная в 1881–1896 гг. при его участии как комиссионера между переселенцами и землевладельцем Заварницким. Земли покупались каждым колонистом при содействии Крестьянского Поземельного Банка стоимостью от 25 до 50 руб. за десятину. Величина хуторов была от 10 до 60 дес., в среднем – 17 дес.

Количество хуторов увеличивалось вплоть до 1930-х гг. В 1917 г. было зафиксировано 63 сельских латышских населенных пунктах, объединенных в колонии. Так, 1994 чел., или 84,8%, проживало в 9 колониях 4 волостей Уфимского уезда. В Свято-Троицкой волости располагались Ауструмская, Дубовская, Рижская и Цветаевская колонии, в Иглинской волости – Балтийская и Симбирская, в Урман-Кудейской волости – Ликсненская колония и Ергазинские хутора, в Охлебининской волости – колония Балажи. В Стерлитамакском уезде в этот период проживало 3454 чел., из которых 2730 чел., или 79,0%, были расселены в 2 колониях Архангельской волости: Архангельская латышская колония – 1775 чел. и Бакалдинская – 955 чел. В Банковской колонии Калкашевской волости – 65 чел. В Белебеевском уезде Ново-Балтийская колония Зильдяровской волости – 114 чел. (сведения на 1920 г.). В отличие от латышских переселенцев Уфимского уезда, приобретавших участки в собственность у частных землевладельцев, латыши, переселившиеся в Стерлитамакский уезд, обосновались на арендованных землях Удельного ведомства.

Огромное трудолюбие («нам некогда было пьянствовать, мы постоянно работали»), рациональность мышления, прагматизм, умение сочетать собственный опыт и соседних народов – все эти качества позволили латышам

создать крепкие хозяйства, намного зажиточнее, чем на прежней родине, во многом и благодаря плодородной земле. Закрепилась поговорка: «В Латвии дерево воткнешь в землю – палкой станет, а здесь – палку воткнешь – деревом станет». К 1927 г. 78% латышских семей Башкирской республики имели середняцкие или середнячко-зажиточные хозяйства. По А.С. Бежковичу, у латышей Башкирской республики, по сравнению с другими этносами, был наиболее высокий удельный вес кулацких хозяйств – 58,8%.

Те же качества стали причиной неприятия советской власти и политики коллективизации. Латышские крестьяне наиболее сильно пострадали от раскулачивания. Их выселяли на спецпоселения, угольные шахты Прокопьевска (спецпоселок Анджерка), заготовку леса (спецпоселки Белорецкого, Нуримановского, Караидельского и Дуванского районов) и пр. Выселению подверглись не только зажиточные крестьяне, но и служители религиозных культов. Массовым арестам латыши подверглись во время репрессий 1937–1938 гг. К началу 1939 г. было осуждено 656 латышей, приговорено к высшей мере наказания и расстреляно 418 чел. Латыши потеряли мужское, наиболее работоспособное, население. Латышские девушки, строго ориентированные на внутриэтнический брак, остались без женихов и мужей, и не могли продолжить род.

По программе советских властей, к концу 1930-х гг. латышские колонии на территории республики были ликвидированы, крестьянские дворы стянуты в производственные центры – бригады и в центральные усадьбы колхозов. Местные власти применяли насилие, принуждая людей к уходу с хуторов – стаскивали дома с фундаментов, в осенне-зимний период разбирали трубы и печи, раскатывали срубы домов.

Указанные обстоятельства еще более усугубили демографические проблемы, начавшиеся в первые годы советской власти. По переписи 1897 г., в Уфимской губернии латышей проживало 3873 чел., в 1970 г. – 3500 чел., в 2002 г. – 1508 чел., в 2010 г. – 1117 чел., в том числе горожан 575 чел., из них

уфимцев – 378 чел., у которых традиционна низкая рождаемость, высокая смертность и значительная доля межэтнических браков.

В 1930-х гг. в местах компактного расселения латышей – Иглинском и Архангельском районах – было создано 6 латышских колхозов. Потеряв собственный скот и землю, всю свою энергию латышские крестьяне направили на общественный труд. Они отличались трудолюбием и профессионализмом, получали дипломы и медали ВДНХ. Широкую известность в 1930-е гг. получили рекорды доярок колхозов им. П. Стучка и «Маяк» Архангельского района Доры Бите и Леонтины Зельдер, успехи телятницы колхоза «Маяк» Анны Браже, работавшей на ферме по разведению племенного бестужевского скота. Многие были удостоены высших государственных наград.

В последние годы ситуация изменилась. В республике провозглашена политика поддержки этносов и этнических общностей, изучения, сохранения и развития многообразия культур. В 1993 г. создано национально-культурное общество «Ауструм», которое установило контакты с латышскими общинами России, с Обществом Латвии в России, с посольством Латышской Республики в России. Его преемником стал Республиканский латышский национальный центр Башкортостана, созданный в 1996 г. По Указу Президента Республики Башкортостан от 29.09.2003 г. № УП–574 создан историко-культурный центр «Село Максим Горький». При нем действуют краеведческий кружок, кружок декоративно-прикладного творчества и два фольклорных ансамбля – детский «Авогс» («Родник») и взрослый «Атбалсс» («Эхо»). Ежегодно центр празднует Рождество, Мартыни, Праздник свечей, Пасху, Янов вечер (Лиго), Праздник хлеба, сыра и мёда. В 2009 г. в районе под патронатом супруги Президента Латвии госпожи Лилиты Затлере прошел Всероссийский фестиваль латышской песни, при участии коллективов из Латвийской Республики и регионов России. В 2010-х гг. латышский ИКЦ проводит конкурсы «На лучшее латышское подворье», «На лучший латышский сыр», «На лучшее ячменное пиво», «На лучший хлеб из

ржаной муки» и пр. В 2012 г. принял участие в официальной встрече делегации Латвии под руководством Чрезвычайного и Полномочного посла Латвийской Республики в РФ Эдгарса Скуя (первый визит был в 2009 г.).

Латышская молодежь живо интересуются историей своих предков, некоторые ищут сведения о них в архивах Латвии, переписываются с зарубежными родственниками. Они принимают активное участие в латышских обрядах и праздниках, которые возрождаются силами историко-культурных и национально-культурных центров.

Возрождается латышская школа. В условиях хуторского проживания они были центрами не только образования, но и культуры, функционировали во всех крупных колониях края. Заслуженным педагогом был директор Балтийской школы К.Ю. Свилле. Учителем в Ауструмской школе в 1884–1887 гг. работал известный латышский писатель Судрабу Эджус, который в этот период занимался переводом на латышский язык литовских дайн. В школах велись занятия на латышском языке, на нем же самодеятельные коллективы ставили спектакли, в том числе пьесы Рудольфа Блауманиса «Дни портных в Силмачах» (*Skrodes dienas Silmacos*) и Эдуарда Вульфа «Праздник в Скангале» (*Svētki Skangalē*). В настоящее время работает национальная школа в с. М. Горький Иглинского района. В качестве преподавателей приглашают специалистов из Латвии. Школа участвует в организации народных праздников, отмечает юбилеи выдающихся деятелей латышской культуры – Вилиса Лациса, Яна Судры, Яна Яунсудрабень и др. При школе имеется этнографический музей. В нем хранятся старинные платья и костюмы, шляпы, венки, бытовая утварь, скрипка. Несмотря на работу школы, национально-культурного и историко-культурно центров и агитационную деятельность со стороны Латвии, латышским языком владеет в основном старшее поколение, молодежь и среднее поколение изъясняются на русском языке. Оно ориентировано на город и не исключает межэтнические браки, в которых дети, как правило, идентифицируют себя как русские.

Изменения коснулись религиозной идентичности латышей. В материалах переписи 1897 г. было зарегистрировано 3211 латышей-лютеран, что составляло 82,9% от их общей численности. Вторую, значительную по величине группу, составляли православные – 596 чел., или 15,4%. Другие конфессиональные группы и вероисповедования в среде латышского населения представлены крайне незначительно: старообрядцы – 7 чел., католики – 13 чел., баптисты – 17 чел. В дальнейшем численность баптистов несколько возросла. Их общины появились в Балтийской и Архангельской латышской колониях. К 1913 г. Скимская баптистская община из Архангельской латышской колонии насчитывала уже 95 чел. (Фото 79). Лютеранская религия стала не только основой духовной жизни, но и связующим звеном как с исторической родиной, так и с земляками из других колоний края и страны. Церковные службы осуществлялись в молитвенных домах или в школах, а в последующие годы – в частных домах. Лютеранские священники периодически, не реже одного раза в год, посещали колонии, проводили богослужения, читали проповеди, совершали обряды: крестили детей, венчали, причащали, конфирмировали, утверждали акты крещения и смерти. В каждой латышской лютеранской семье были Библия, Малый катехизис Мартина Лютера (*Mārtiņa Lutera Mazais Katehisms*), молитвенники, церковные календари, библейские истории, «Книга песен» («*Dziesma grāmata*») с текстами псалмов, которые исполнялись во время богослужений. С установлением советской власти были закрыты и использовались не по назначению культовые сооружения. Последний служитель лютеранской церкви в Башкирии миссионер Эдуард Оттович Франц из Архангельской латышской колонии был репрессирован и расстрелян в 1938 г. В начале XXI в. многие латыши перешли в православие, в домах имеют божницу, посещают православные храмы.

Латыши Башкортостана гордятся яркими личностями, проживавшими или связанными своей деятельностью в республике, оставившими след в истории. Среди них: Г. Пунга, директор Богоявленского завода Пашковых

(1910), министр финансов Латвии (1923–1924), дипломат (1927–1939), К. Балодис, пастор прихода Св. Марии г. Златоуст (1893–1895), профессор Берлинского (1905) и Рижского университетов (1919), К. Ирбе, первый латышский епископ, доктор теологии, А. П. Бромс, борец за становление Советской власти в Уфимской губернии, организатор в 1917 г. в г. Уфе латышской социал-демократической группы И. Янсон, известный Уфимский фармацевт, кавалер ордена Ленина.

На вопрос «Хотели ли Вы вернуться на родину?» многие информаторы отмечают, что это практически невозможно. Не потому, что их не отпускают, а по ряду других причин. Здесь прошла их молодость, их жизнь. За многие годы проживания в Башкортостане изменился их язык, и во время поездок в Латвию они с трудом понимают их речь. Изменились их традиции, обычаи. Появились новые друзья, подруги и родственники – представители других этносов.

Этническая группа латышей Башкортостана прошла этапы адаптации к природно-климатическим и социально-политическим условиям, в том числе иноэтническому и поликонфессиональному окружению, внутриэтнической и межэтнической консолидации. На рубеже XX и XXI вв. происходит их ассимиляция в русской среде.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ**НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ****Архивные материалы**

Центральный архив общественных объединений Республики Башкортостан:

Ф. 1. Уфимский губернский комитет РКП(б). – Оп. 1. – Д. 46;

Ф. 122. Башкирский республиканский комитет (реском) коммунистических партий РСФСР, г. Уфа (1922–1991 гг.). – Оп. 1. – Д. 74, 79; Оп. 2. – Д. 135, 133; Оп. 3. – Д. 24; Оп. 4. – Д. 156; Оп. 5. – Д. 194, 197; Оп. 6. – Д. 150; Оп. 7. – Д. 113; Оп. 8. – Д. 125; Оп. 16. – Д. 69, 71, 333; Оп. 36. – Д. 27, 2089;

Ф. П-122. Башкирский обком КПСС. – Оп. 2. – Д. 17; Оп. 4. – Д. 12;

Центральный исторический архив Республики Башкортостан:

Ф. И-10. Уфимское губернское присутствие. – Оп. 1. – Д. 2461;

Ф. И-148. Уфимский губернский статистический комитет. – Оп. 1. – Д. 5;

Ф. Р-394. Уфимский союзный завод «Промсвязь» Министерства связи СССР. – Оп. 2. – Д. 1172;

Ф. И-420. Уфимское латышское общество взаимопомощи. – Оп. 1. – Д. 1;

Ф. Р-472. Статистическое управление при Совете Министров Башкирской АССР. – Оп. 1. – Д. 177, 325.

Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Башкортостан. Временные фонды:

ВФ № 4612. – Д. 52743;

ВФ № 11954;

ВФ № 3748. – Т. 1–19;

ВФ № 14003;

ВФ № 8574.

Архивный отдел администрации муниципального района Иглинский район Республики Башкортостан:

Похозяйственные книги колхоза Балажи за 1940–1942 гг. – Ф. 38. – Оп. 2;

Похозяйственные книги с. Ауструм за 1946–1948 гг. – Ф. 38. – Оп. 2. – Д. 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 58;

Похозяйственные книги с. Ауструм за 1952–1954 гг. – Ф. 38. – Оп. 2. – Д. 83, 86;

Похозяйственные книги с. Ауструм за 1958–1960 гг. – Ф. 38. – Оп. 2. – Д. 151, 152;

Похозяйственные книги с. Ауструм за 1971–1973 гг. – Ф. 38. – Оп. 2. – Д. 224, 225;

Похозяйственные книги с. Ауструм за 1980–1982 гг. – Ф. 38. – Оп. 2. – Д. 275.

Городской архив г. Златоуст Челябинской обл. – Ф. И-98. – Оп. 1. – Д. 1а. – Л. 56–65.

Книжная палата Республики Башкортостан (Архив печати). Фонд республиканских, городских и районных газет.

Полевые материалы

Список основных информаторов

Архангельский район Республики Башкортостан

С. Архангельское

1. Баранова Евгения Рудольфовна, 1951 г. р.
2. Фрейман Нелли Петровна, 1949 г. р.

С. Бакадино

3. Гибет Надежда Семеновна, 1955 г. р.
4. Гибет Иван Альфредович, 1952 г. р.
5. Гибет Клара Альфредовна 1959 г. р.
6. Гибет Юрий Леопольдович, 1958 г. р.
7. Кадынцева Леонтина Карловна, 1930 г. р.
8. Ломжинская Вера Яковлевна, 1951 г. р.

Д. Бафиновка

9. Пономарев Владимир Николаевич, 1949 г. р.

С. Максим Горький

10. Вецис Милда Августовна, 1929 г. р.
11. Вецис Жан Ренисович, 1960 г. р.

Д. Горный

12. Вэйс Милда Яковлевна, 1927 г.р.
13. Гусарова Анна Ивановна, 1956 г.р.

Благовещенский район Республики Башкортостан

Г. Благовещенск

14. Клименко Владимир Васильевич, 1956 г.р.

Иглинский район Республики Башкортостан

С. Ауструм

15. Штенберг Эрмина Августовна, 1931 г. р.

С. Балтика

16. Втюрина Милда Густавовна, 1947 г. р.
17. Гулбис Густав Карлович, 1918 г. р.
18. Лямина Анжелика Александровна, 1970 г. р.
19. Харитонов Александр Николаевич, 1937 г. р.

Д. Балажи

20. Бирзгал Роза Михайловна, 1949 г. р.
21. Валле Мирдза Яковлевна, 1923 г. р.
22. Выдрин Зоя Захаровна, 1937 г. р.
23. Гайлис Лилия Ивановна, 1929 г. р.
24. Либман Рихард Карлович, 1932 г. р.
25. Осис Айна – Майга Ивановна, 1928 г. р.
26. Поколо Валентина Петровна. 1952 г. р.
27. Толстикова Зоя Петровна, 1922 г. р.

П. Иглино

28. Иванова Алевтина Романовна, 1941 г. р.

П. Кудеевский

29. Терещенко Ауэра Ивановна, 1928 г. р.

Ст. Тавтиманово

30. Перевалова Ираида Яковлевна, 1923 г. р.
31. Эглит Валерий Арнольдович, 1952 г. р.

П. Чкаловский

32. Лунник Екатерина Михайловна, 1947 г. р.

Д. Заветы Ильича

33. Клеен Велта Волдемаровна, 1930 г. р.

Стерлибашевский район Республики Башкортостан**Д. Банковка**

34. Мезис Эдуард Александрович, 1926 г. р.

Г. Уфа

35. Бордукова Роза Рудофольфовна, 1940 г. р.
36. Воробьева Люция Язеповна, 1946 г. р.
37. Васильева Ауэра Петровна, 1934 г. р.
38. Глушко Лидия Викторовна, 1941 г. р.

- 39. Дубова Лидия Борисовна, 1950 г. р.
- 40. Жилко Велта Ивановна, 1943 г. р.
- 41. Михельсон Вера Карловна, 1951 г. р.
- 42. Покровская Вера Теодоровна, 1940 г. р.
- 43. Чиглицева Раиса Васильевна, 1939 г. р.
- 44. Чуракова Алма Федотовна, 1941г. р.
- 45. Шабанова Генриетта Фрицевна, 1929 г.р.

Уфимский район Республики Башкортостан.

С. Алексеевка

- 46. Михайлова Вера Владимировна, 1955 г. р.

Ашинский район Челябинской области

Г. Аша

- 47. Эглит Арвид Иванович, 1939 г. р.

Латвийская республика

Г. Балдоне

- 48. Лейтан Велта Карловна, 1926 г. р.

Г. Вентспилс

- 49. Гринбергс Улдис., 1933 г.р.

Вергалэ (Лиепайский край)

- 50. Кузнецова Лиля Робертовна, 1937 г. р.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Абельтин, А.А. О содействии развитию молочного хозяйства в Уфимской губернии в 1913–1914 г. связи с их общей характеристикой / А.А. Абельтин. – Уфа, 1914. – 28 с.

Абельтин, А.А. Об условиях развития молочных артелей в Уфимской губернии в связи с их общей характеристикой / А.А. Абельтин. – Уфа, 1914. – 20 с.

Абрютин, В.А. Переселенцы и переселенческое дело в Белебеевском уезде Уфимской губернии. Отчет о командировке члена уфимского губернского присутствия В.А. Абрютина, составленный по поручению г. Уфимского губернатора К.М. Богдановича / В.А. Абрютин. – Уфа: Тип. губернского правления, 1898. – 88 с.

Ахмадиев, Т.Х. Материалы Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по Башкирии / Т.Х. Ахмадиев // Южно-уральский археографический сборник. Вып. I. – Уфа, 1973. – 407 с.

Баллод, Я. Латыши / Я Баллод // Сибирская советская энциклопедия Т. 3. – М.: Западно-Сибирское отделение ОГИЗ, 1932. – С. 26–28.

Барсов, Н.Н. Грамотность основных народностей БАССР / Н.Н. Барсов // Хозяйство Башкирии. – 1929. – № 4–5. – С. 200–221.

Боголюбов, Н.В. Кормовые корнеплоды / Н.В. Боголюбов. – Уфа: Электрическая губернская типография, 1913. – 39 с.

Брагин, А.М. Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. (По данным подворной переписи 1915 года). Из статистического отдела Уфимского губернского земства / А.М. Брагин. – Уфа: Печать, 1916. – 151 с., табл.

Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – СПб., 1904. Т. XLV: Уфимская губерния. – Тетрадь 2. – С. VII.

Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. IV. Вятский район, Уральская область. Башкирская АССР. Отд. I. – М.: ЦСУ Союза ССР, 1928. – Т. 4. – С. 336, 337.

Григорьев, Ф. Посевы клевера // Уфимский сельскохозяйственный листок. – 1914. – № 31.

Грузооборот в Уфимской губернии. Материалы по торговому договору с Германией. – Уфа: Электрическая типография «Печать», 1915. – 135 с.

Журнал министерства народного просвещения. – СПб., 1904, март. – Ч. СССЛII.

Журналы Уфимской Городской Думы. – Уфа: Электр. типо-литография В.П. Калмацкаго и К., 1901.

Журналы Уфимской Городской Думы. – Уфа: Электрическая типо-литография т-ва Ф.Г. Соловьева и К., 1905.

Иванов, П.М., Груздев, С.А. Массовое улучшение рогатого скота по общегубернскому плану / П.М. Иванов, С.А. Груздев. – Уфа, 1913. – 146 с.

Иллюстрированный каталог земледельческих орудий и машин. Склад Уфимского губернского земства. Для отпуска в пределах Уфимской губернии. – Уфа, 1900. – 26 с.

Ионов, Н.М. Отхожие, местные и кустарные промыслы в Уфимской губернии / Н.М. Ионов. [Б. м. и г. Оттиск из хозяйственно-статистического обзора за 1905 год]. – 45 с.

Историко-статистические и экономические таблицы по Автономной Башкирской республике. Издание Башнаркомзема. – Уфа. Типо-литография Башпрома «Октяб. натиск» – 1923. – 150 с.

Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1920 г. в границах губерний на 1 марта 1922 г. – Вып. 8. – М., 1923. – (Труды Центр. стат. управления; Т.2, вып.8: Отдел сельскохозяйственных переписей).

Книга памяти жертв политических репрессий Республики Башкортостан: в 9 т. / Х.Х. Ишмуратов (гл. ред.) и др. – Уфа, 1997–. Т. 1: А–В. – 1997. – 461 с.; Т. 2: Г–И. – 1999. – 528 с.; Т. 3: К–М. – 2001. – 631 с.; Т. 4:

Н–С. – 2003. – 630 с.; Т. 5: Т–Я. – 2005. – 630 с.; Т. 6: А–Л. Доп. списки. – 2008. – 407 с.; Т. 7: М–Я. Доп. списки. – 2011. – 407 с.

Кооперация в Уфимской губернии. Вып. 2-й: Кредитная кооперация по данным 1913 года. – Уфа: Электрическая типография «Печать», 1914. – 85 с.

Красильников, М.П. Крестьянское скотоводство Уфимской губернии в 1899 году. Материалы по текущей статистике за 1898–1899 хозяйственный год. Издание Уфимской земской управы / М.П. Красильников – Самара: Типография Н.К. Реутовского, 1899. – 133 с.

Красильников, М.П. Хутора Уфимской губернии / М.П. Красильников. – Уфа: Паровая типография Н.В. Шаровкина и К., 1914. – 51 с., табл.

Крестьянское хозяйство Уфимской губернии: Подворная перепись 1912–1913 гг. / Стат. отдел Уфимской губ. управы. Ч. 2: Таблицы. – Уфа: Электрическая типография т-ва «Печать», 1914. – 1844 с., табл.

Крылов, К.К. возделыванию красного клевера // Уфимский сельскохозяйственный листок. – 1909. – № 5. – С. 3.

Массовое улучшение рогатого скота по общегубернскому плану / Сост. П.М. Иванов, Г.А. Груздев – Уфа: Электрическая губ. типография, 1913. – 146 с., 11 рис.

Материалы по исследованию крупного рогатого скота в крестьянских хозяйствах Уфимской губернии. / Сост. П.М. Иванов – Уфа: Электрическая типо-литография т-ва Ф.Г. Соловьев и К., 1912. – 179 с., диаграммы.

Материалы по сельскохозяйственной кооперации Уфимской губернии. Вып. I. – Уфа: Электрическая губернская типография, 1914. – 154 с.

Материалы по сельскохозяйственной кооперации Уфимской губернии. Вып. 1. – Уфа: Электрическая губ. типография, 1914. – 154 с.

Минцлов, С.Р. Уфа. Дебри жизни. Дневник 1910–1915 / С.Р. Минцлов. – Уфа, 1992. – 175 с.

М.К. [Михаил Красильников]. Учебный маслодельный завод Уфимского уездного земства // Уфимский сельскохозяйственный листок. – 1908. – № 10.

Михайлов, В. Переселенцы и переселенческое дело в Бирском и Мензелинском уезде Уфимской губернии. Отчет по командировке члена губернского присутствия В. Михайлова, составленный по поручению г. Уфимского губернатора К.М. Богдановича / В. Михайлов. – Уфа: Тип. губернского правления, 1898. – 163 с.

Михайлов, В. Переселенцы и переселенческое дело в Стерлитамакском уезде Уфимской губернии. Отчет о командировке неперменного члена уфимского губернского присутствия В. Михайлова, составленный по поручению г. Уфимского губернатора К.М. Богдановича / В. Михайлов. – Уфа: Тип. губернского правления, 1897. – 282 с.

Народное хозяйство и культурное строительство в Башкирской АССР: Статистический сборник. – Уфа: Статистика, 1964. – 290 с.

Населенные пункты Башкортостана. Ч. III. Башреспублика, 1926. – Уфа. Китап, 2002. – 400 с.

Населенные пункты Башкортостана. Часть 1: Уфимская губерния. 1877 г. / Отв. за выпуск А.А. Хисматуллин. – Уфа: Китап, 2002. – 432 с.

Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 года. Статистический сборник Ч. 1 / Отв. за вып. И.Б. Утяшева. – Уфа, 2013. – 56 с.

О деятельности Уфимской губернской земской управы по сельскохозяйственной части. Отчет за 1912 год. – Уфа: Губернская типография, 1913. – 160 с.

О содействии развитию молочного хозяйства в Уфимской губернии в 1913–1914 г. / Сост. А.А. Абельтин, – Уфа: Электрическая типография т-ва «Печать», 1914. – 28 с.

Обзор агрономической помощи в районах землеустройства Уфимской губернии в 1914 году. / Сост. А.Г. Иванов. Ред. В.П. Шидловский – Уфа: Паров. типо-литография Н.В. Шаровкина и К., 1915. – 415 с.

Обзор о деятельности уфимских молочных артелей, их характеристика и сбыт масла / Сост. В.В. Вылежинский, А.А. Абельтин, Г.В. Резанцев – Уфа: Электрическая губ. типография, 1913. – 44 с.

Обзор Уфимской губернии за 1911 год. – Уфа: Губернская электрическая типография, 1914. – 171 с.

Овчинников, Н.Г. О новых способах хозяйства. – Белебей: Тип. А.Л. Напалкова, 1910. – 89 с.

Однодневная перепись начальных школ в Империи, произведенная 18 января 1911 года. – СПб., 1916. – Вып. VII, часть 1. – С. 84.

Отчет о деятельности Уфимской губернской земской управы за 1908 год по сельскохозяйственной части. – Уфа: Пар. типо-литография торг. дома Л.Е. Милюков и И.А. Медведев, 1908. – 120 с.

Отчет о деятельности Уфимской губернской земской управы по содействию кустарной промышленности за 1912 год. – Уфа: Электрическая типография товарищества «Печать», 1913. – 52 с.

Отчет о мероприятиях по улучшению сельского хозяйства в 1913 году. – Уфа: Электрическая губ. типография, 1913. – 288 с.

Орлов, И.Л. Сельскохозяйственные районы БАССР // Хозяйство Башкирии. – 1929. – № 1 – С.102.

Падучев, П.П. Русская Швейцария. (Очерки Южного Урала) / П.П. Падучев // Исторический вестник. – СПб., 1892, октябрь. – С. 463–464.

Перепись сельскохозяйственная и поземельная 1917 года. Статистический словарь / Гл. ред. А.И. Ежов. – М.: Статистика, 1965. – 415 с.

Подворная перепись крестьянского хозяйства Уфимской губернии. Уфимский уезд. – Уфа: Электрическая типография товарищества «Печать», 1914. – 327 с.

Положение и труды Уфимской губернской земской зоотехнической комиссии. Вып. I. – Уфа: Электрическая губ. типография, 1914. – 40 с.

Ремезов, Н.В. Очерки из жизни дикой Башкирии. Быль в сказочной стране / Н.В. Ремезов. – М., 1887. – 197 с.

Национальный состав населения БАССР (Таблицы по данным переписи 1926 г.). Издание Государственной плановой комиссии Башкирской АССР Республики, Уфа, 1926. – 18 с.

Самарин, Ю. Православные латыши. 1841–1842 годы / Ю. Самарин // Русский архив. – М., 1869. – С. 1224–1361.

Сборник антропологических и этнографических статей о России и странах ей прилежащих, издаваемый В.А. Дашковым. Книга II: Народные песни латышей. – М., 1873. – 235 с.

Свод законов Российской Империи. Т. XI, ч 1: Уставы духовных дел иностранных исповеданий. – СПб., 1896. – С. 54–168.

Сельскохозяйственный календарь. Составлен статистическим и агрономическим отделами губернской земской управы. – Уфа: Электрическая типография т-ва «Печать», 1915. – 160 с.

Степанов, А. О получении семян клевера // Уфимский сельскохозяйственный листок. – 1914. – № 7. – С.3.

Сирик, В.И. К двадцатилетию советской маслодельно-сыроваренной промышленности // Молочно-маслодельная промышленность. – 1937. – № 5. – С. 3.

Смирнов, Н.Ф. Хозяйство на латышских хуторах в Уфимской губернии / Н.Ф. Смирнов. – Уфа, 1908. – 16 с.

Смирнов, Н.Ф. Хозяйство немецких и эстонских хуторов в Белебеевском и Бирском уездах Уфимской губернии / Н.Ф. Смирнов. – Уфа, 1908. – 33 с.

Список населенных пунктов Башреспублики. – Уфа: Изд-во Башкниги, 1926. – 189 с.

Список населенных пунктов Стерлитамакского уезда. Составлен в мае месяце 1902 года. Издание Стерлитамакской уездной земской управы. – Стерлитамак: Типография Кузнецова, 1902. – 141 с.

Съезд сельских хозяев // Уфимский сельскохозяйственный листок. – 1914. – № 20.

Труды Уфимского губернского земства агрономического совета. Созыв XIII. 18–22 ноября 1913 г. – Уфа: Электрическая губ. типография, 1908. – 150 с.

Труды Уфимского отдела Московского общества сельского хозяйства 1913 год. – Уфа: Электрическая типо-литография Ф.Г. Соловьева, 1915. – 220 с.

Труды Уфимской губернской земской зоотехнической комиссии. Выпуск IV. 18–20 ноября 1915 года. – Уфа: Электрическая типография «Печать», 1916. – 128 с.

Уфимская губерния. Список населенных пунктов по сведениям 1870 г. – СПб., 1877. – 344 с.

Уфимская Епархия. Географический, этнографический, административно-исторический и статистический очерк / сост. И. Златоверховников. – Уфа: Паровая типография А.П. Зайкова, 1899. – 308 с.

Уфимский земский календарь на 1911 год. – Уфа: Электрическая типография «Печать», 1911. – 178 с.

Хозяйственно-статистический обзор Уфимской губернии за 1900–1901 годы. – Вып. I. – Уфа, 1901. – 241 с.; Вып. II. – 483 с.

Хозяйственно-статистический обзор Уфимской губернии за 1902 год. – Уфа, 1903. – 776 с.

Эйсуль, А. Латгальцы / А. Эйсуль // Сибирская советская энциклопедия. Т. 3. – М.: Западно-Сибирское отделение ОГИЗ, 1932. – С. 25–26.

Литература

Александров, А.П. Долиною смертной тени. Евангельские христиане и баптисты Башкирии в 1918–1943 гг. / А.П. Александров. – Уфа, 2014. – 214 с.

Аминев, З.А. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии (1917–1919 гг.) / З.А. Аминев. – Уфа: Башкнигоиздат, 1966. – 483 с., ил.

Арутюнов, С.А. Народы и культуры: Развитие и взаимодействие / С.А. Арутюнов. – М.: Наука, 1989. – 246 с.

Арутюнян, Ю.В., Дробижева, Л.М., Сусоколов, А.А. Этносоциология / Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, А.А. Сусоколов. – М.: Аспект-Пресс, 1999. – 271 с.

Бабенко, В.Я. Украинцы // Народы Башкортостана: ист.-этнограф. очерки / В.Я. Бабенко. – Уфа, 2002. – С. 259–294.

Бабенко, В.Я. Украинцы в Башкирской ССР: Поведение малой этнической группы в полиэтничной среде / В.Я. Бабенко; Башкир. респ. товарищество почитателей украинской культуры «Кобзарь»; Башкир. респ. общественный центр украинистики; Ин-т ист., яз. и лит. УрО РАН. – Уфа, 1992. – 260 с.

Байков, А.М. Развитие скотоводства в Башкирии (историко-экономические очерки) / А.М. Байков; под ред. К.Т. Манькова. – Уфа: Башкнигоиздат, 1967. – 205 с., табл.

Бежкович, А.С. Этнические особенности земледелия у народов Башкирии / А.С. Бежкович // Археология и этнография Башкирии. Т. 5. – Уфа, 1973. – С. 61–93.

Белорусы / РАН, Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая; Нац. АН Беларуси, Ин-т искусствоведения, этнографии, фольклора им. К. Крапивы; Отв. ред. М.В. Пилипенко. – М.: Наука, 1991. – 567 с. – (Народы и культуры).

Бикбулатов, Н.В. Вопросы взаимодействия и сотрудничества народов Башкортостана в советскую эпоху / Н.В. Бикбулатов // Современные этнические процессы в Башкортостане. – Уфа, 1992. – С. 35–51.

Блинкена, А.Ф. Латыши в Башкирской АССР // Этнические процессы в Башкирии в новое и новейшее время / А.Ф. Блинкена. – Уфа. 1987. – 106 с.

Бромлей, Ю.В. Очерки теории этноса / Ю.В. Бромлей; АН СССР. Ин-т этнологии и антропологии. – М.: Наука, 1983. – 412 с.

Бромлей, Ю.В. Этнографическое изучение этнографических функций культуры / Ю.В. Бромлей // Традиции в современном обществе. Исследование этнокультурных процессов. – М., 1990. – С. 5–17.

Бутулис И., Зунда, А. История Латвии. Учебное пособие / И. Бутулис, А. Зунда. – Рига: Jumava. Рига, 2010. – 240 с.

Владыкин, В.Е., Христюлова, Л.С. Этнография удмуртов / В.Е. Владыкин, Л.С. Христюлова. – Ижевск, 1997. – 248 с.

Габдрафиков, И.М., Блинкена, А.Я. Латыши / И.М. Габдрафиков, А.Я. Блинкена // Народы Башкортостана: историко-этнографические очерки. – Уфа, 2002. – С. 411–430.

Галиева, Ф.Г. Русские Башкортостана. Крестьянский быт. Календарные обряды и праздники / Ф.Г. Галиева. – Уфа: Китап, 2014. – 260 с.

Галиева, Ф.Г. Этнографические исследования русского населения Башкортостана / Ф.Г. Галиева. – Уфа, 2012. – 140 с.

Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев. – М.: Айрис-Пресс, 2007. – 560 с.

Давлетшин, Р.А. История крестьянства Башкортостана. 1917–1940 годы / Р.А. Давлетшин. – Уфа: Гилем, 2001. – 274 с.

Живая память / Авт.-сост. М.М. Утябаева. – Уфа: Китап, 2009. – 310 с.

Историко-этнографический атлас Прибалтики / Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР; Ин-т истории АН ЛатССР; Ин-т истории АН ЛитССР; Ин-т истории ЭССР; Гос. этнограф.

музей ЭССР. Одежда / С.И. Брук, Л.Н. Лаврентьева (гл. ред.), М.К. Слава и др. – Рига: Зинатне, 1986. – 172 с., ил., карты.

История административно-территориального деления Республики Башкортостан (1708–2001): сборник документов и материалов / Упр. по делам арх. при Правительстве Респ. Башкортостан. – Уфа, 2003. – 533 с.

Калмантаев, Н.М. Аграрно-национальный вопрос в Башкирии в конце XIX – начале XX вв. / Н.М. Калмантаев // Социально-политические и этнодемографические процессы на Южном Урале. XVII–XX вв. – Уфа, 1992. – 143 с.

Кикутс, Т. Латышские колонисты в Уфимской губернии: образ жизни и межэтнические отношения (1877–1914). Жители латышских переселенческих колоний / Т. Кикутс // Актуальные проблемы истории и этнологии. – Уфа, 2011. – С. 93–106.

Кикутс, Т. Основные тенденции в истории создания и развития латышских колоний в Уфимской губернии / Т. Кикутс // Россия и Балтия. – М: Весь Мир, 2011. – Вып. 6. – С. 27–41.

Кляшев, А.Н. Протестантизм в Республике Башкортостан: социальная реакция на вызовы современности / А.Н. Кляшев. – Уфа: Здравоохранение Башкортостана, 2013. – 248 с.

Колоткин, М.Н. Социально-политическая история балтийских поселенцев Сибири (1917 – середина 1930-х гг.) / М.Н. Колоткин. – Новосибирск, 2010 – 186 с.

Кононов, А.А. Процесс сселения хуторов на Псковщине (1930–1960 гг.) / А.А. Кононов // Псков, 2006. – № 24. – С. 167–172.

Коровушкин, Д.Г. Латыши и эстонцы в Западной Сибири: расселение и численность в конце XIX – начале XX века / Д.Г. Коровушкин. – Новосибирск, 2008 – 248 с.

Кузеев, Р.Г., Бабенко, В.Я. Этнографические и этнические группы (к проблемам гетерогенности этноса) / Р.Г. Кузеев, В.Я. Бабенко // Этнос и его

подразделения. Ч. I: Этнические и этнографические группы. – М., 1993. – С. 17–37.

Кузеев, Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю / Р.Г. Кузеев. – М.: Наука, 1992. – 345 с.

Кузеев, Р.Г. Развитие хозяйства башкир в X–XIX вв. (к истории перехода башкир от кочевого скотоводства к оседлому земледелию / Р.Г. Кузеев // Археология и этнография Башкирии. Т. 3. – Уфа, 1968. – С. 261–321.

Кузеев, Р.Г., Бабенко, В.Я. Этнические и этнографические группы в СССР / Р.Г. Кузеев, В.Я. Бабенко. – Уфа, 1989. – 56 с.

Курило, О.В. Лютеране в России XVI–XX вв. / О.В. Курило. – СПб.: Фонд «Лютеранское Наследие». Wold Wide Printing, 2002. – 400 с.

Кустарные промыслы Уфимской губернии. Изд. Уфимской губ. Управы. – Уфа, 1912. – 193 с.

Кучумов, И.В. К проблемам идентичности и межкультурного взаимодействия (на примере русского населения Башкортостана) / И.В. Кучумов. – Уфа, ДизайнПолиграфСервис 2010. – 136 с.

Кушнер, П.И. Этнические территории и этнические границы / П.И. Кушнер. – М.: АН СССР, 1951. – 285 с.

Левин, З.И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ) / З.И. Левин. – М.: Изд-во Р. Арсланова «Юридический центр Пресс», 2001. – 462 с.

Лиценбергер, О.А. Евангелическо-лютеранская церковь в Российской истории / О.А. Лиценбергер. – М.: Фонд «Лютеранское Культурное наследие», 2003. – 429 с.

Лиценбергер, О.А. Евангелическо-лютеранская церковь и советское государство (1917–1938) / О.А. Лиценбергер. – М.: Готика, 1999. – 544 с.

Лоткин, И.В. Прибалтийские диаспоры в Сибири: история и современность. Учебное пособие / И.В. Лоткин. – Омск, 2003. – 164 с.

Лоткин, И.В. Прибалтийские диаспоры в Сибири (1920–1930 годы): аспекты этносоциальной истории / И.В. Лоткин. – Омск, 2006. – 348 с.

Лоткин, И.В. Социально-политическая, экономическая и культурная адаптация Прибалтийских поселенцев в Сибири (1920–1940 гг.). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Лоткин Илья Викторович. – Тюмень, 2012. – 40 с.

Майер, Т., Епископ. В Сибирь. В служении Евангелическо-Лютеранской Церкви / Т. Майер. – М.: Готика, 2005. – 174 с.

Нам, И.В. Латышские организации в Сибири в условиях революции и Гражданской войны (1917–1919) / И.В. Нам // Россия и Балтия. Вып. 5. – М.: Наука, 2008. – С. 139–176.

Никитина, Г.А. Народная педагогика удмуртов / Г.А. Никитина. – Ижевск: Удмуртия, 1997. – 136 с., ил.

Новые этнические группы в России. Пути гражданской интеграции. 2-е изд. / Ред. В.А. Тишков, В.В. Степанов. – М.: Росинформагротех, 2009. – 432 с.

Рудольф, Ф. Норден. Символы и их значения / Рудольф Ф. Норден. – СПб.: Лютеранское наследие, 2000. – 30 с.

Рукшан, Х., Аунс-Уралиетис, А. Письма с земли детства / Х. Рукшан, А. Аунс-Уралиетис. – Верхние Татышлы, 2007. – 158 с.

Попков, В.Д. «Классические» диаспоры: к вопросу о дефиниции термина / В.Д. Попков // Диаспоры. – М., 2002. – № 1. – С. 6–22.

Роднов, М.И. Крупнокрестьянское хозяйство Стерлитамакского уезда по переписи 1917 года / М.И. Роднов; РАН. УНЦ. Ин-т истории, языка и лит. – Уфа, 1997. – 147 с.

Роднов, М.И. У истоков уфимской прессы. Вкупе с прогулками по старинной Уфе и просторам Башкирии. – Уфа, 2009. – 172 с.

Роднов, М.И. Крестьянство Белебеевского уезда Уфимской губернии по переписи 1920 года: этнический состав / М.И. Роднов; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М., 2009. – 121 с., табл.

Роднов, М.И. Крестьянство Стерлитамакского уезда по переписи 1917 года / М.И. Роднов; РАН. УНЦ. Ин-т истории, языка и лит. – Уфа, 2010. – 131 с., табл.

Роднов, М.И., Васильева, О.В. Храм в Архангельском / 200 лет Уфимской Епархии (1799–1999) / М.И. Роднов, О.В. Васильева. – Уфа, 1999. – 48 с., ил.

Роднов, М.И. Крестьяне Бирского уезда по переписи 1917 года / М.И. Роднов. – Уфа: Гилем, 1997. – 122 с., табл.

Роднов, М.И. Крестьянство Златоустовского уезда по переписи 1917 года / М.И. Роднов; РАН. УНЦ. Ин-т истории, языка и лит.; Фонд фундаментальных исследований АН РБ; Башк. отд. Рос. о-ва историков-архивистов. – Уфа, 2002. – 67 с., табл.

Роднов, М.И. Крестьянство Уфимского уезда по переписи 1917 года / М.И. Роднов; РАН. УНЦ. Ин-т истории, языка и лит. – Уфа, 1997. – 191 с., табл.

Роднов, М.И. Аграрные отношения в Уфимской губернии накануне Великой Октябрьской социалистической революции. 1912–1917 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Роднов Михаил Игорьевич. – Казань, 1988. – 15 с.

Роднов, М.И. К вопросу о социальной структуре крестьянства Уфимской губернии накануне Октября 1917 г. / М.И. Роднов // Октябрь на Урале: История и современность. Социально-экономические и политические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции: Информационные материалы. – Свердловск, 1988. – С. 53–56.

Роднов, М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917): социальная структура, социальные отношения / М.И. Роднов. – Уфа: ДизайнПолиграфСервис, 2002. – 312 с., табл.

Руденко, С.И. Башкиры: Историко-этнографические очерки / С.И. Руденко. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – 393 с.

Русские / В.А. Александров, В.А. Тишков, И.В. Власова и др.; Отв. ред. В.А. Александров и др.; РАН, Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая – М., 1997. – 828 с. – (Серия «Народы и культуры»).

Русские Айско-Юрюзаньского междуречья. История, антропология, культура / Ин-т этнологич. исслед. им. Р.Г. Кузеева Уфим. науч. центра Рос. академии наук; Сост., отв. ред. Е.Е. Нечвалода. – Уфа, 2012. – 380 с.

Рыжакова, С.И. Этнокультурные представления об основах латышской идентичности: исторический контекст, взаимосвязи, современные аспекты (середина XIX – начало XXI вв.). Дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.07 / Рыжакова Светлана Игорьевна. – М., 2011. – 609 с.

Рыжакова, С.И. Язык орнамента в латышской культуре / С.И. Рыжакова. – М.: Индрик, 2002. – 408 с.

Садиков, Р.Р. Эстонцы на Южном Урале: историко-этнографические очерки / Р.Р. Садиков. – Уфа: ИП Галиуллин, 2012. – 132 с.

Садофьева, Н.Н. К вопросу о причинах переселения эстонских крестьян в Европейскую Россию / Н.Н. Садофьева // Река времени. – Уфа, 2004. – С. 92–97.

Самородов, Д.П. Развитие потребительской кооперации в Уфимской губернии в эпоху первой мировой войны / Д.П. Самородов // Страницы истории Башкортостана XX века. – Уфа, 1998. – С. 89–103.

Сергеев, Ю.Н. Баптизм в Башкирии: очерки истории (конец XIX – XX вв.). Учебное пособие / Ю.Н. Сергеев. – Уфа: Издательство БашГУ, 1998. – 54 с.

Солодовников, В.В. Лютеранская диадема / В.В. Солодовников. – Псков, 2010. – 198 с.

Стродс, Х.П. Латыши / Х.Ф. Стродс // Народы мира: ист. - этнограф. справочник. – М.: Сов. энциклопедия, 1988. – С. 248–251.

Тишков, В.А. Миграции и новые диаспоры в постсоветских государствах / В.А. Тишков. – М.: Авииздат, 1996. – 238 с.

Токарев, С.А. Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры / В.А. Токарев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958. – 616 с.

Усманов, Х.Ф. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период: 60–90-е годы XIX в. – М.: Наука, 1981. – 372 с.

Филатова, И., Сухова-Айснер, И. Немцы / И. Филатова, И. Сухова-Айснер // Народы Башкортостана: ист.-этнограф. очерки. – Уфа, 2002. – С. 455–476.

Хабибуллина, А.Р. Историко-культурные центры Республики Башкортостан: форма оптимизации этнической идентичности и межэтнических коммуникаций в регионе / А.Р. Хабибуллина. – LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 294 с.

Чебоксаров, Н.Н., Чебоксарова, И.А. Народы, расы, культуры / Н.Н. Чебоксаров, И.А. Чебоксарова; 2-е изд. – М.: Наука, 1985. – 272 с.

Чегодаев, Е.А. Этнический состав спецпоселка ЦЭС / Е.А. Чегодаев // Труды Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. Материалы симпозиума, посвященного 80-летию Наиля Валеевича Бикбулатова. Уфа, 5 апреля 2011 г. – Уфа, 2012. – Вып. V. – С. 45–57.

Чегодаев, Е.А. Влияние бытовых условий на криминогенную обстановку в обществе / Е.А. Чегодаев // Духовно-нравственное воспитание в образовании: роль социо-гуманитарных дисциплин. Материалы конференции. – Т. 1. – Уфа, 2006. – С. 177–181.

Чегодаев, Е.А. Роль латышей в формировании маслодельческого производства Уфимской губернии / Е.А. Чегодаев // Этнос. Общество. Цивилизация: III Кузеевские чтения. – Уфа. 2012. – С. 95–99.

Чегодаев, Е.А. Спецпоселки / Е.А. Чегодаев // Родной край Нуримановский: Научно-справочное изд. – Уфа: Гилем, 2010. – С. 84–92.

Черемшанский, В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом им промышленном отношениях / В.М. Черемшанский. – Уфа, 1859. – 472 с.

Черных, А.В. Народы Пермского края: история и этнография / А.В. Черных. – Пермь: Пушка, 2007. – 296 с.

Черных, А.В., Бахматов, А.А., Подюков, И.А., Хоробрых, С.В. Русские в Коми-пермяцком округе / А.В. Черных, А.А. Бахматов, И.А. Подюков, С.В. Хоробрых. – Пермь, 2008. – 280 с.

Черных, А.В., Голева, Т.Г., Шевырин, С.А. Эстонцы в Пермском крае: очерки истории и этнографии / А.В. Черных, Т.Г. Голева, С.А. Шевырин. – СПб. 2010. – 244 с.

Шакурова, Ф.А., Чегодаев, Е.А. Организация спецпоселков на территории Башкирской АССР и вопросы правового регулирования ссылки и высылки / Ф.А. Шакурова, Е.А. Чегодаев // Органы управления и правовая системы страны в экстремальных условиях развития государственности. – Уфа, 2005. – С. 180–183.

Шкурко, Э.А. Евреи в Башкортостане: полтора века в истории / Э.А. Шкурко. – Уфа: Аэрокосмос и ноосфера, 2007. – 254 с.

Юлдашбаев, Б.Х. Новейшая история Башкортостана / Б.Х. Юлдашбаев. – Уфа: Китап, 1995. – 287 с.

Периодические издания

Арутюнов, С.А. Диаспора – это процесс // Этнографическое обозрение. – М., 2000. – № 2. – С. 74–78.

Арутюнов, С.А., Козлов, С.Я. Диаспоры: скрытая угроза или дополнительный ресурс // Независ. газ. – М., 2005. – 23 нояб.

Барахович, И.И. Формирование ценностей социального характера переселенцев в Сибири (на примере латгальцев в Сибири) / И.И. Барахович // Альманах Института компаративистики Т. 22: Язык и мир. Вып. 2: Материя диалекта и идиолект перевода. – Daugavpils Universitats, 2010. – С. 40–54.

Вейден, Я. Латышский театр «Скатувэ» / Я. Вейден // Советский театр. – 1930. – № 7. – С. 18–19.

Загребин, А.Е. Финно-угорские народы России в историографии XVIII – первой половины XIX в. // Отечественная история. – 2007. – № 5. – С. 169–175.

Известия Уфимского губернского революционного комитета. – 1920 г.

Лейкума, Л. Экспедиция в Сибирь / Л. Лейкума // Альманах Института компаративистики Том 22: Язык и мир Вып. 2: Материя диалекта и идиолект перевода. – Daugavpils Universitats, 2010. – С. 11–39.

Литягина, А.В. Уровень религиозности населения Западной Сибири (1861–1917 гг.) / А.В. Литягина // Вопросы истории. – 2006. – № 9. – С. 117–124.

Ревуненкова, Е.В., Решетов, А.М. Сергей Михайлович Широкогоров / Е.В. Ревуненкова, А.М. Решетов // Этнографическое обозрение. – 2003. – № 3. – С. 100–119.

Рыжакова, С.И. «Святая Мара» в латышской народной культуре / С.И. Рыжакова // Живая старина. – М., 1996. – № 2. – С. 42–46.

Рыжакова, С.И. Raksts («орнамент, узор») в латышской народной культуре / С.И. Рыжакова // Живая старина. – 1998. – № 3 (19). – С. 6–9.

Рыжакова, С.И. Кладбищенский праздник (Кару svētki) у латышей: история, обычаи, контекст бытования / С.И. Рыжакова // Антропологический форум. – М., 2013. – № 18. – С. 188–212.

Рыжакова, С.И. Латышская национальная история: о культурных механизмах в конструировании и реферировании прошлого / С.И. Рыжакова // Антропологический форум. – М., 2009. – № 11. – С. 216–274.

Рыжакова, С.И. Латышские женские наплечные покрывала – виллайне: семиотика бытования / С.И. Рыжакова // Живая старина. – М., 1996. – № 3. – С. 11–13.

Сафаров, Т. Ореховка / Т. Сафаров // Октябрь. Орган Миякинского исполкома райсовета. – 1993. – 19 июня.

Хабибуллина, А.Р. Историко-культурные центры Республики Башкортостан: история создания и правовое положение / А.Р. Хабибуллина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 41 (179). – С. 104–110.

Хабибуллина, А.Р. Сферы межэтнического взаимодействия в Республике Башкортостан на современном этапе / А.Р. Хабибуллина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – Вып. 40. – № 15. – С. 103–112.

Хамидуллин, С., Таймасов, Р. Большая Башкирия / С. Хамидуллин, Р. Таймасов // Ватандаш. – 2009. – № 5. – С. 70–85.

Чегодаев, Е.А. Деятельность латышского просветительного общества «Prometejs» и театра «Skatuve» в Башкирской республике (30-е годы XX в.) / Е.А. Чегодаев // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. – Уфа, 2012. – Том 17. – № 4. – С. 56–66.

Чегодаев, Е.А. Знахарство и суеверия у латышей Башкирии / Е.А. Чегодаев // Вестник ВЭГУ. – 2013. – № 6 (68). – С. 165–170.

Чегодаев, Е.А. Латыши Башкирской АССР в первые десятилетия Советской власти: факторы выживания и сохранения этничности / Е.А. Чегодаев // Известия Уфимского научного центра РАН. – 2013. – № 2. – С. 115–122.

Чегодаев, Е.А. Ликвидация латышских хуторов в Башкирии в годы Советской власти: причины, условия и последствия / Е.А. Чегодаев // Вестник Балтийского Федерального университета им. И. Канта. – 2013 – № 6. – С. 108–112.

Чегодаев, Е.А. Метелочки Лаймы как символ вечной жизни / Е.А. Чегодаев // Панорама Башкортостана. – 2014. – № 4 (48), авг. – С. 62–65.

Черных, А.В. Латышские хутора Пермского Прикамья: становление и особенности традиционной культуры» / А.В. Черных // Вестник Пермского университета. – 2012. – № 3 (20). – С. 30–36.

Черных, А.В. Латышские хутора Пермского Прикамья: становление и особенности традиционной культуры / А.В. Черных // Вестник Пермского университета – 2012 – № 3 (20). – С. 30–36.

Шакурова, Ф.А., Чегодаев, Е.А. Спецпоселки на территории Башкортостана в 1930–1950 гг./ / Ф.А. Шакурова, Е.А. Чегодаев / Вестник Академии наук Республики Башкортостан. – 2005. – Т. 10. – № 2. – С. 71–78.

Юлдашбаев, А.М. Экономическое положение многонационального крестьянства Башкортостана в начале XX века / А.М. Юлдашбаев // Ватандаш. – 1997. – № 5. – С. 134–146.

Публикации на иностранных языках

Alsupe, A. Audumi Latgalē 20. gadsimtā / A. Alsupe. – Rīga: V/a “Tautas mākslas centrs”, 2008. – 276 lpp.

Armstrong, J.A. Mobilized and proletarian diasporas / J.A. Armstrong, // American political science review. – Wash., 1976. – Vol. 70. No. 2. –P. 393–408.

Balodis, A. Latvijas un latviešu tautas vēsture / A. Balodis. – Rīga: Kabata, 1991. – 432 lpp.

Brubaker, R. Accidental diasporas and external "homelands" in Central and Eastern Europe: Past a. present / R. Brubaker. – Wien., 2000.

Brubaker, R. The "diaspora" diaspora // Ethnic and racial studies / R. Brubaker. – N.Y., 2005. – Vol. 28, №. 1. P. 1–19.

Butulis, I. (sastādītājs). Latvijas vēsture. Mācību palīglīdzeklis I un II daļa / I. Butulis. – Rīga, 1996. – 112 lpp.

Butulis, I. (sastādītājs). Latvijas vēsture. Mācību palīglīdzeklis III daļa / I. Butulis – Rīga, 1996. – 160 lpp.

Cimdiņa, A., Hanovs, D. (sastādītāji). Latvija un latviskais. Nācija un valsts, tēlos un simbolos / A. Cimdiņa, D. Hanovs. – Rīga: “Zinātne”, 2010. – 243 lpp.

Grīns, M. un Grīna, M. Latviešu gads, gadskārta un godi / M. Grīns, M. Grīna. – Rīga: «Everest», 1991. – 452 lpp.

Krasnais, V. Latviešu kolonijas / V. Krasnais. – Rīga, 1938. – 373 lpp.

Latviešu Tautas Tērpi. III Zemgale, Augšzeme, Latgale. – Rīga: Latvijas Vēstures muzejs. 2003. – 365 lpp.

Latviešu tradīciju enciklopēdija. – Rīga: Jumava. 2014 – 383 lpp.

Sabaļausks, A. Mēs – balti / A. Sabaļausks. – Rīga: Valsts valodas aģentūra, 2014. – 191 lpp.

Sakārtojusi, I. Kad saulīte rotājas. Gadskārtu ieražu dziesmas. R. Drīzule / I. Sakārtojusi. – Rīga: «Zinātne», 1982. – 440 lpp.

Straubergs, K. Latviešu buramie vārdi. II. Kaitēšana un dziedināšana / K. Straubergs. – Rīga: Latviešu folkloras krātuve, 1941; Rīga: «Kabata», 1990. – 360 lpp.

Straubergs, K. Latviešu tautas paražas / K. Straubergs – Rīga: «Latvju grāmata, 1941; Rīga: “Kabata”, 1991 – 608 lpp.

Švābe, A. Latvijas vēsture 1800–1914. I. Trešais izdevums / A. Švābe. – Rīga: «Avots», 1991. – 384 lpp.

Šilde, A. Pirmā Republika esejas par Latvijas valsti / A. Šilde. – [Rīga]: “Elpa”, 1993. – 379 lpp.

Šķilters, K. Latkoloniju vēsture. 1. Izceļošana no Baltijas un koloniju pirmsākumi / K. Šķilters. – Maskava: Prometejs 1928. – 64–73. lpp.

Šmits, P. Latviešu tautas ticējumi / Šmits P. – Rīga: Latviešu folkloras krātuve, 1940; Rīga: “Kabata”, 1992. – 576 lpp.

Jansone, A. Tautas lietišķās mākslas studija “Auseklītis. Carnikavas novada kultūrvēsturē / A. Jansone. – Rīga: Zinātne, 2011. – 94 lpp.

Интернет-публикации

[Б. а.] Балодис Карл // Большая советская энциклопедия: [сайт] URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/67041/%D0%91%D0%B0%D0%BB%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D1%81> (дата обращения: 11.03.2012).

Булат Юлбарисов. Латыши Башкортостана празднуют День свечей // Башинформ. РФ. 2014. 26 февр.: [сайт] URL: <http://www.bashinform.ru/news/182104/> (дата обращения: 04.04.2014).

Галиева, Ф.Г., Чегодаев, Е.А. Латыши Башкортостана в источниках и материалах // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – Красноярск: Научно-инновационный центр, 2014. – № 6. URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2014/6/galieva.pdf> (дата обращения: 05.05.2014).

Кирчанов, М.В. Латышское сообщество в Канаде: проблемы истории и идентичности // Современные научные исследования и инновации (электронный журнал). – 2011, сентябрь. URL: <http://web.snauka.ru/issnes/2011/09/1972> (дата обращения: 18.04.2014).

Коровушкин, Д.Г. Диаспоры в Западной Сибири. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.07 / Коровушкин Дмитрий Георгиевич. – Новосибирск, 2009. URL: <http://www.dissercat.com/content/diaspory-v-zapadnoi-sibiri> (дата обращения: 11.03.2012).

Мухаметзянова, Р.М. Из истории нашего города: [сайт] URL: <http://www.davlekanovo.net/publ/8-1-0-9> (дата обращения: 05.05.2014).

Полоскова, Т.В. Диаспора – самостоятельный игрок // Независ. газ. 2014. 8 мая: [сайт] URL: http://www.ng.ru/project/2002-04-10/7_diaspora.html (дата обращения: 08.05.2014).

Свитнев, А.Б. Поселения и усадьбы латышей и латгальцев Западной Сибири конца XX – XX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Свитнев Алексей Борисович. Омск, 2001. URL: <http://cheloveknauka.com/poseleniya-i-usadby->

latyshey-i-latgaltsev-zapadnoy-sibiri-kontsa-xix-xx-v (дата обращения: 12.07.2010).

Сидорук, А. История лютеранства в Оренбурге. URL: www.orenluther.ru (дата обращения: 14.05.2012).

Широкогоров, С.М.: [сайт] URL: <http://www.shirokogorov.ru/s-m-shirokogorov> (дата обращения: 08.05.2014).

Широкогоров, С.М. Место этнографии среди наук и классификация этносов. Введение в курс этнографии Дальнего Востока, прочитанный в 1921–1922 году в Дальневосточном государственном университете [Владивосток: Свободная Россия, 1922]. Интернет версия: http://www.shirokogorov.ru/s-m-shirokogorov/publications/mesto_etnografii_sredi_nauk (дата обращения: 04.05.2014).

Яунсудрабиньш, Я. Белая книга. <http://www.rulit.net/books/belaya-kniga-read-230474-1.html> (дата обращения 19.09.2013 г.).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Таблицы

Таблица 1. Переселение латышей в колонию Балажи.....	25
Таблица 2. Переселение латышей в Дубовскую колонию.....	25
Таблица 3. Переселение латышей в Балтийскую колонию.....	26
Таблица 4. Этнический состав волостей компактного проживания латышей Уфимского уезда Уфимской губернии (1917 г.).....	29
Таблица 5. Этнический состав волостей компактного проживания латышей Стерлитамакского уезда Уфимской губернии (1917 г.).....	30
Таблица 6. Распределение латышей по уездам Уфимской губернии по результатам переписи 1897 г.	31
Таблица 7. Расселение латышей в сельской местности Уфимского уезда Уфимской губернии по итогам сельскохозяйственной переписи 1917 г.	33
Таблица 8. Расселение латышей в сельской местности Стерлитамакского уезда Уфимской губернии по итогам сельскохозяйственной переписи 1917 г.	35
Таблица 9. Расселение латышей в сельской местности Белебеевского уезда Уфимской губернии по итогам сельскохозяйственной переписи 1917 г.	37
Таблица 10. Расселение латышей в сельской местности Златоустовского уезда Уфимской губернии по итогам сельскохозяйственной переписи 1917 г.	37
Таблица 11. Количество латышей, проживающих в сельской местности в Уфимской губернии по переписям 1897 г., 1912 г.	

и 1917 г.....	40
Таблица 12. Количество латышей в БАССР по переписи 1920 г.....	41
Таблица 13. Распределение латышей по грамотности и возрастным группам Уфимской губернии (1897 г.).....	47
Таблица 14. Распределение великороссов и латышей Уфимской губернии по грамотности на русском языке (1897 г.)	48
Таблица 15. Характеристика года в зависимости от урожая меда на пасеке И.Я. Вейнберга.....	71
Таблица 16. Распределение хозяйств Архангельской латышской колонии по размеру площади обрабатываемой земли (пашня и сенокос).....	76
Таблица 17. Распределение коммунистов-латышей Уфимского кантона по времени вступления в РКП(б) (по состоянию на май 1923 г.).....	88
Таблица 18. Сведения о выступлениях Государственного латышского театра «Скатувэ» в Башкирской АССР в период с 3 июня по 20 июля 1936 г.....	102
Таблица 19. Количество латышей Башкортостана, арестованных в связи с привлечением к уголовной ответственности по ст. 58 УК РСФСР (контрреволюционные преступления).....	106
Таблица 20. Количество расстрелянных латышей Башкортостана.....	107
Таблица 21. Распределение полных семей по возрастным группам в с. Ауструм в 1946–1948 гг.....	128
Таблица 22. Анализ состава жителей с. Ауструм по возрасту и полу по состоянию на 01.01.1946 г.....	129
Таблица 23. Анализ латышских семей с. Ауструм.....	131
Таблица 24. Количество младенцев, крещенных пастором А. Симсонтом, и зарегистрированных в 1906 г. в латышском приходе церкви Св. Марии г. Златоуст.....	149

Таблица 25. Количество младенцев, крещенных по нужде церковными старостами в латышских колониях Уфимской губернии в 1906 г. 152

Диаграммы

Диаграмма 1. Количество латышей, арестованных в связи с привлечением по ст. 58 УК РСФСР (контрреволюционные преступления).....	113
Диаграмма 2. Количество расстрелянных латышей	113

Фотографии

Фото 1. Типичный латышский хутор Уфимской губернии. Источник: Обзор агрономической помощи в р-нах землеустройства Уфимской губернии в 1914 году / Сост. А.Г. Иванов, ред. В.П. Шидловский. Уфа, 1915. С. 312.

Фото 2. С. Максим Горький Архангельского р-на РБ. Фото автора, 2013 г.

Фото 3. Дом. Архангельская колония Архангельского р-на БашАССР. 1930-е гг. Фото из архива А.И. Гусаровой.

Фото 7. Фронтон дома из щепы. Д. Басыу Архангельского р-на РБ. Фото автора, 2013 г.

Фото 8. Колодец «журавль». Д. Искра Иглинского р-на РБ. Фото автора, 2012 г.

Фото 9. Традиционный забор из прутьев. Д. Балажи Иглинского р-на РБ. Фото автора, 2012 г.

Фото 10. Колодец и чугунный котел. Д. Искра Иглинского р-на РБ. Фото автора, 2012 г.

Фото 13. Земледелие, птицеводство. С. Бакалдино Архангельского р-на РБ. Фото автора, 2013 г.

Фото 15. Заготовка сена. Колхоз им. М. Горького Архангельского р-на РБ. 1940-е гг. Из архива А.И. Гусаровой.

Фото 16. Скотный двор. Колхоз «Бривайс Арайс» («Свободный пахарь») Иглинского р-на РБ. 1935 г. Фото из архива А.И. Эглит.

Фото 17. Охотники. Колония Аустрем Уфимского уезда Уфимской губернии. Начало XX в. Фото из архива А.И. Эглит.

Фото 18. Охотники. С. Бакалдино Архангельского р-на БашАССР. 1970-е гг. Фото из архива Ю.Л. Гибет.

Фото 19. Одеядло. С. Аустрем Иглинского р-на РБ. Фото автора, 2013 г.

Фото 20. Одеядло. С. Аустрем Иглинского р-на РБ. Фото автора, 2013 г.

Фото 21. Одеядло. С. М. Горький Архангельского р-на РБ. Фото автора, 2013 г.

Фото 22. Одеядло. С. Бакалдино Архангельского р-на РБ. Фото автора, 2013 г.

Фото 23. Льняное полотно. Д. Банковка Стерлибашевского р-на РБ. Фото автора, 2013 г.

Фото 24. Льняное полотно. Д. Банковка Стерлибашевского р-на РБ. Фото автора, 2013 г.

Фото 25. Шерстяное покрывало на кровать. Д. Балажи Иглинского р-на РБ. Фото автора, 2012 г.

Фото 26. Шерстяное покрывало на кровать. Д. Бейес Архангельского р-на РБ. Фото автора, 2011 г.

Фото 27. Ковер. Д. Бакалдино Архангельского р-на РБ. Фото автора, 2011 г.

Фото 28. Одеядло. Д. Басыу Архангельского р-на РБ. Фото автора, 2011 г.

Фото 29. Прялка. Д. Искра Иглинского р-на РБ. Фото автора, 2011 г.

Фото 30. Скатерть. Д. Балажи Иглинского р-на РБ. Фото автора, 2011 г.

Фото 31. Скатерть. Д. Балажи Иглинского р-на РБ. Фото автора, 2011 г.

Фото 32. Скатерть. Д. Балажи Иглинского р-на РБ. Фото автора, 2013 г.

Фото 33. Скатерть. Д. Балажи Иглинского р-на РБ. Фото автора, 2013 г.

Фото 34. Латышская семья у стола со скатертью. Балтийская колония Иглинского р-на БашАССР. 30-е гг. XX в. Фото из архива Р.Р. Бордукова.

Фото 35. Льняное покрывало на кровать. Д. Искра Иглинского р-на РБ. Фото автора, 2013 г.

Фото 36. Накидка с надписью «Dusi saldi sapņo jauki» («Сладкого сна, приятных сновидений»). С. М. Горький Архангельского р-на РБ. Фото автора, 2013 г.

Фото 37. Наволочки с вышивкой. С. Бакалдино Архангельского р-на РБ. Фото автора, 2012 г.

Фото 38. Вышитая картина. С. Бакалдино Архангельского р-на РБ. Фото автора, 2012 г.

Фото 39. Полотенце с вышитыми инициалами. Д. Балажи Иглинского р-на РБ. Фото автора, 2011 г.

Фото 40. Полотенце с надписью «Rīta stunda – zelta stunda» («Утренний час – золотой час»). С. М. Горький Архангельского р-на РБ. Фото автора, 2013 г.

Фото 41. Полотенце с надписью «Labrīt» («Доброе утро»). Ст. Тавтиманово, Иглинского р-на РБ. Фото автора, 2012 г.

Фото 42. Полотенце с вышитыми инициалами на одной стороне полотенца, на другой надпись на немецком языке «Guten morgen» («Доброе утро»). Д. Балажи Иглинского р-на РБ. Фото автора, 2011 г.

Фото 43. Погребальное полотенце с вышитой эпитафией. Д. Балажи Иглинского р-на РБ. Фото автора, 2014 г.

Фото 44. Короб из лыка. Д. Заветы Ильича Иглинского р-на РБ. Фото автора, 2011 г.

Фото 45. Чаша из соломы. Д. Балажи Иглинского р-на РБ. Фото автора, 2011 г.

Фото 46. Корзины. Д. Искра Иглинского р-на РБ. Фото автора, 2011 г.

Фото 47. Емкость для сыпучих продуктов из ржаной соломы. Д. Искра Иглинского р-на РБ. Фото автора, 2011 г.

Фото 48. Шкатулка из соломы. С. Ауструм Иглинского р-на РБ. Экспонат школьного музея. Фото автора, 2011 г.

Фото 49. Кадушка. Д. Искра Иглинского р-на РБ. Фото автора, 2011 г.

Фото 50. Форма для расфасовки масла. Д. Балажи Иглинского р-на РБ. Фото автора, 2011 г.

Фото 51 а, б. Обналички дверей. Выполнены в едином стиле со старинной мебелью. С. М. Горький Архангельского р-на РБ. Фото автора, 2013 г.

Фото 52. Кровать. Экспонат школьного музея. С. М. Горький Архангельского р-на РБ. Фото автора, 2014 г.

Фото 53. Стул. С. Бакалдино Архангельского р-на РБ. Владелец В. Вейде. Фото автора, 2012 г.

Фото 54. Шкаф. Экспонат школьного музея. С. М. Горький Архангельского р-на РБ. Фото автора, 2014 г.

Фото 55. Шкаф. Д. Заветы Ильича Иглинского р-на РБ. Владелец В. Клеен. Фото автора. 2011 г.

Фото 56. Платье и чепец. Экспонаты школьного музея. С. М. Горький Архангельского р-на РБ. Конец XIX в. Фото автора, 2014 г.

Фото 57. Традиционный платок. Д. Балажи Иглинского р-на РБ. Фото автора, 2014 г.

Фото 58. Посто́лы. Экспонат школьного музея. С. М. Горький Архангельского р-на РБ. Фото автора, 2014 г.

Фото 59. Блузка. Д. Балажи Иглинского р-на РБ. 1960-е гг. Фото автора, 2013 г.

Фото 60. Туфли кустарного изготовления. Колония Балажи Иглинского р-на БашАССР. 1930-е гг. Хранятся в семье В.К. Михельсон, г. Уфа. Фото автора, 2013 г.

Фото 61. Женщина в чепце. Колония Ауструм БашАССР. 1931 г. Из архива А.С. Шадринной.

Фото 62. Модная одежда 1940-х гг. Д. Балажи Иглинского р-на РБ. Фото из архива З.П. Толстиковой.

Фото 63. В день конфирмации. Балтийская колония Иглинского р-на БашАССР. Начало 30-х гг. XX в. Из архива Р.Р. Бордуковой.

Фото 64. В день конфирмации. Архангельская колония Архангельского р-на БашАССР. Начало 30-х гг. XX в. Из архива М.А. Вецис.

Фото 65. В день конфирмации. Колония Балажи Иглинского р-на БашАССР. Начало 30-х гг. XX в. Из архива З.П. Толстиковой.

Фото 66. В день конфирмации. Колония Балажи Иглинского р-на БашАССР. Начало 30-х гг. XX в. Из архива З.П. Толстиковой.

Фото 67. Свидетельство о прохождении конфирмации. Колония Ауструм Уфимского уезда Уфимской губернии. 1907 г. Экспонат школьного музея. Фото автора, 2012 г.

Фото 68. Свидетельство о прохождении конфирмации. Колония Балажи Иглинского р-на БашАССР. 1927 г. Из семейного архива В.К. Мехельсон. Фото автора, 2012 г.

Фото 69. Свадебное фото. Д. Балажи Иглинского р-на РБ. Начало XX в. Из семейного архива З.П. Толстиковой.

Фото 70. Свадебное фото. Русско-латышская пара. Николай (русский) и Люция (латышка). 1968 г. Из семейного архива Н.Д. Воробьева, г. Уфа.

Фото 71. Свадебное фото. 50-е гг. XX в. С. М. Горький Архангельского р-на РБ. Из семейного архива А.И. Гусаровой.

Фото 72. Похороны. С. М. Горький Архангельского р-на РБ. 40-е гг. XX в. Фото из архива А.И. Гусаровой.

Фото 73. Гроб, изготовленный при жизни человека. Д. Балажи Иглинского р-на РБ. Фото автора, 2010 г.

Фото 74. Похороны. Фото у дома, крытого щепой. С. М.Горький Архангельского р-на РБ. 1940-е гг. Из архива А.И. Гусаровой.

Фото 75. Чугунный надгробный крест. Кладбище с. Ауструм Иглинского р-на РБ. Фото автора, 2011 г.

Фото 76. Чугунный надгробный крест. Кладбище с. Ауструм Иглинского р-на РБ. Фото автора, 2011 г.

Фото 77. Каменный надгробный памятник на кладбище д. Балажи Иглинского р-на РБ. Фото автора, 2010 г.

Фото 78. Каменный надгробный памятник на кладбище. Д. Урожай Иглинского р-на РБ. Фото автора, 2010 г.

Фото 79. Скимская баптистская община. Архангельская колония Архангельского р-на БашАССР. 30-е гг. XX в. Фото из семейного архива А.И. Гусаровой.

Фото 80. Преемственность поколений. Д. Балажи Иглинского р-на РБ. Начало XX в. Из семейного архива Толстиковой З.П.

Фото 81. Латышская семья. С. М. Горький Архангельского р-на РБ. 60-е г. XX в. Из семейного архива М.А. Вецис.

Фото 82. А.А. Петерсон, председатель колхоза «Бривайс Арайс». С. Ауструм Иглинского р-на РБ. Из архива УФСБ РФ по РБ. ВФ № 3477.

Фото 83. П. Ю. Перкон, помощник наркома внутренних дел БашАССР. Г. Уфа. Из архива УФСБ РФ по РБ. ВФ № 3477.

Фото 84. Х.А. Шульц, домохозяйка. Г. Уфа. Из архива УФСБ РФ по РБ. ВФ № 3477.

Фото 85. Духовой оркестр Колония Ауструм Уфимского уезда Уфимской губернии. Начало XX в. Из семейного архива А.И. Эглит, г. Аша Челябинской обл.

Фото 86. Духовой оркестр с. Ауструм Иглинского р-на БАССР 1938 г. Из семейного архива Л.В. Гартман, г. Уфа.

Фото 87. Духовой оркестр. С. Ауструм Иглинского р-на БАССР 1957 г. Из семейного архива Л.В. Гартман, г. Уфа.

Фото 88. Струнный оркестр. С. Бакалдино Архангельского р-на БАССР 30-е гг. XX в. Из семейного архива Е.Р.Барановой, с. Архангельское Архангельского р-на РБ.

Фото 89. Кружок певчих. 1925 г. Балтийская колония Иглинского р-на РБ. Из семейного архива Р.Р. Бордуковой, г. Уфа.

Фото 90. Зрители на выступлении театра «Скатуве» в школе с. Бакалдино Архангельского р-на РБ. 1937 г. Фото из архива ЦИА РБ. Ф. 122. Оп. 5. Д. 194.

Фото 91. Гастроли театра «Скатуве» в Архангельском р-не БашАССР. 1937 г. Фото из архива ЦИА РБ. Ф. 122. Оп. 5. Д. 194.

Фото 92. К. Свилле, директор Балтийской НСШ с учениками. 1915-1916 учебный год. Из семейного архива Р.Р. Бордуковой, г. Уфа.

Фото 93. Бразилия, г. Сан-Пауло. Алма Кронис (Мартинсон) с семьей. 20-е гг. XX в. Из семейного архива М.А. Вецис, с. М. Горький Архангельского р-на РБ.

Фото 94. Канада, Калгари. Ян Гулбис в бригаде каменщиков. 20-е гг. XX в. Из семейного архива М.Г. Втюриной, с. Балтика Иглинского р-на РБ.

Фото 95. Урок латышского языка. С. М.Горький Архангельского р-на РБ. Фото автора, 2014 г.

Фото 96. Подготовка к празднику «День свечей» 2014 г. С. М. Горький Архангельского р-на РБ. Из архива латышского культурного центра «Максим Горький».

Фото 97. Праздник Лиго. С. Максим Горький. Архангельского р-на РБ. Фото автора, 2012 г.

Фото 98. Праздник Лиго. С. Максим Горький Архангельского р-на РБ. Фото автора, 2013 г.

Приложение (фотографии)

Латышские поселения

Фото 1. Типичный латышский хутор Уфимской губернии.
Из книги: Обзор агрономической помощи в р-нах землеустройства
Уфимской губернии в 1914 году / Сост. А.Г. Иванов, ред. В.П. Шидловский.
Уфа, 1915. С. 312.

Фото 2. Село Максим Горький Архангельского р-на РБ.
Фото автора, 2013 г.

Усадьба

Фото 3. Дом. Архангельская колония Архангельского р-на БашАССР.
1930-е гг. Фото из архива Гусаровой А.И.

Фото 4. Дом. Цветаевская колония Иглинского р-на БашАССР.
1930-е гг. Фото из архива Покровской В.Т.

Фото 5. Дом. Колония Ауструм Уфимского уезда Уфимской губернии.
Начало XX в. Фото из архива Эглит А.И.

Фото 6. Бревна угла дома, обработанные в брус. Д. Балажи Иглинского р-на РБ.
Фото автора, 2012 г.

Фото 7. Фронтон дома из щепы.
Д. Басю Архангельского р-на РБ.
Фото автора, 2013 г.

Фото 8. Колодец «журавль». Д. Искра Иглинского р-на РБ.
Фото автора, 2012 г.

Фото 9. Традиционный забор из прутьев.
Д. Балажи Иглинского р-на РБ. Фото автора, 2012 г.

Фото 10. Колодец и чугунный котел. Д. Искра Иглинского р-на РБ. Фото автора, 2012 г.

Хозяйственные занятия

Животноводство

Фото 11. Племенной скот латышей. Д. Балажи Иглинского р-на РБ. 1970-е гг. Фото из архива Осис А.М.

Фото 12. Маслозавод. С.Архангельское Архангельского р-на БашАССР 1920-е гг. Фото из архива Гусаровой А.И.

Приусадебное хозяйство

Фото 13. Земледелие, птицеводство. С. Бакалдино Архангельского р-на РБ. Фото автора, 2013 г.

Фото 14. Пчеловодство. С. Бакалдино Архангельского р-на РБ. Фото автора, 2013 г.

Колхозы

Фото 15. Заготовка сена. Колхоз им. М.Горького Архангельского р-на РБ. 1940-е гг.
Из архива Гусаровой А.И.

Фото 16. Скотный двор. Колхоз «Бривайс Арайс» («Свободный пахарь») Иглинского р-на
РБ. 1935 г. Фото из архива Эглит А.И.

Охота

Фото 17. Охотники. Колония Ауструм Уфимского уезда Уфимской губернии.
Начало XX в. Фото из архива Эглит А.И.

Фото 18. Охотники С. Бакадино Архангельского р-на БашАССР.
1970-е гг. Фото из архива Гибет Ю.Л.

Ткачество

Фото 19. Одеяло. С. Ауструм Иглинского
р-на РБ. Фото автора, 2013 г.

Фото 20. Одеяло. С. Ауструм Иглинского
р-на РБ. Фото автора, 2013 г.

Фото 21. Одеяло. С. Максим Горький
Архангельского р-на РБ.
Фото автора, 2013 г.

Фото 22. Одеяло. С. Бакалдино
Архангельского р-на РБ. Фото автора,
2013 г.

Фото 23. Льняное полотно. Д. Банковка
Стерлибашевского р-на РБ.
Фото автора, 2013 г.

Фото 24. Льняное полотно.
Д. Банковка Стерлибашевского р-на
РБ. Фото автора, 2013 г.

Фото 25. Покрывало на кровать. Шерсть.
Д. Балажи Иглинского р-на РБ.
Фото автора, 2012 г.

Фото 26. Покрывало на кровать.
Шерсть. Д. Бейес Архангельского р-на
РБ. Фото автора, 2011 г.

Фото 27. Ковер. Д. Бакалдино Архангельского
р-на РБ. Фото автора, 2011 г.

Фото 28. Одеяло. Д. Басыу
Архангельского р-на РБ.
Фото автора, 2011 г.

Фото 29. Прялка. Д. Искра Иглинского р-на РБ.
Фото автора, 2011 г.

Вязание

Фото 30. Скатерть. Д. Балажи Иглинского р-на РБ. Фото автора, 2011 г.

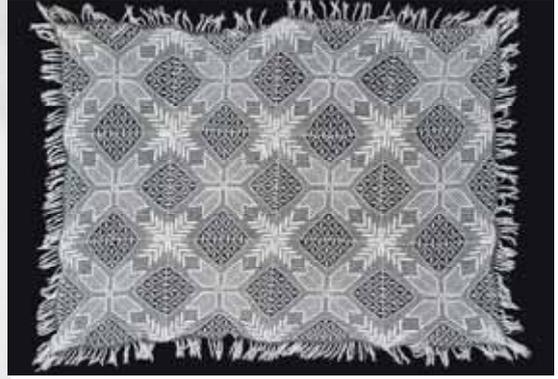

Фото 31. Скатерть. Д. Балажи Иглинского р-на РБ. Фото автора, 2011 г.

Фото 32. Скатерть. Д. Балажи Иглинского р-на РБ. Фото автора, 2013 г.

Фото 33. Скатерть. Д. Балажи Иглинского р-на РБ. Фото автора, 2013 г.

Фото 34. Латышская семья у стола со скатертью. Балтийская колония Иглинского р-на БашАССР. 30-е гг. XX в. Фото из архива Бордукова Р.Р.

Фото 35. Покрывало на кровать. Лен.
Д. Искра Иглинского р-на РБ. Фото автора, 2013 г.

Фото 36. Накидка с надписью «Dusi saldi sapņo jauki» («Сладкого сна, приятных сновидений»). С. Максим Горький Архангельского р-на РБ. Фото автора, 2013 г.

Вышивка

Фото 37. Подушки с вышивкой.
С. Бакалдино Архангельского р-на РБ.
Фото автора, 2012 г.

Фото 38. Вышитая картина.
С. Бакалдино Архангельского р-на РБ.
Фото автора, 2012 г.

*Украшение вещей инициалами хозяев, мудрыми изречениями,
добрыми пожеланиями*

Фото 39. Полотенце.
Д. Балажи
Иглинского р-на РБ.
Фото автора, 2011 г.

Фото 40. Полотенце с
надписью «Rīta stunda -
Zelta stunda» («Утренний
час - золотой час»). С. М.
Горький Архангельского р-
на РБ. Фото автора, 2013 г.

Фото 41. Полотенце с надписью
«Labrīt» (Доброе утро).
Ст. Тавтиманово
Иглинского р-на РБ.
Фото автора, 2012 г.

Фото 42. Полотенце.
Д. Балажи Иглинского р-на РБ.
Фото автора, 2013 г.

Фото 43. Погребальное полотенце.
Д. Балажи Иглинского р-на РБ.
Фото автора, 2014 г.

Плетение

Фото 44. Короб из лыка.
Д. Заветы Ильича Иглинского р-на РБ.
Фото автора, 2011 г.

Фото 45. Чаша из соломы. Д. Балажи Иглинского
р-на РБ. Передана диссертантом в МАЭ ИЭИ УНЦ
РАН. Фото автора, 2011 г.

Фото 46. Корзины. Д. Искра Иглинского р-на РБ.
Фото автора, 2011 г.

Фото 47. Емкость для сыпучих продуктов
из ржаной соломы. Д. Искра
Иглинского р-на РБ.
Фото автора, 2011 г.

Фото 48. Шкатулка из соломы.
С. Ауструм Иглинского р-на РБ. Экспонат
школьного музея. Фото автора, 2011 г.

Изделия из дерева

Фото 49. Кадушка. Д. Искра Иглинского р-на РБ. Фото автора, 2011 г.

Фото 50. Форма для расфасовки масла. Д. Балажи Иглинского р-на РБ. Фото автора, 2011 г.

а

б

Фото 51 а, б. Обналички дверей. Выполнены в едином стиле со старинной мебелью. С. Максим Горький Архангельского р-на РБ. Фото автора, 2013 г.

Мебель

Фото 52. Кровать.
Экспонат школьного музея.
С. Максим Горький Архангельского р-на
РБ. Фото автора, 2014 г.

Фото 53. Стул. С. Бакалдино Архангельского
р-на РБ. Владелец Вейде В.
Фото автора, 2012 г.

Фото 54. Шкаф.
Экспонат школьного музея.
С. Максим Горький Архангельского р-на
РБ. Фото автора, 2014 г.

Фото 55. Шкаф. Д. Заветы Ильича
Иглинского р-на РБ.
Владелец Клеен В. Фото автора, 2011 г.

Одежда, головные уборы, обувь

Фото 56. Платье и чепец.
Экспонаты школьного музея.
С. М. Горький Архангельского р-на РБ.
Конец XIX в. Фото автора, 2014 г.

Фото 57. Традиционный платок.
Д. Балажи Иглинского р-на РБ.
Фото автора, 2014 г.

Фото 58. Посто́лы. Экспонат
школьного музея. С. М. Горький
Архангельского р-на РБ.
Фото автора, 2014 г.

Фото 59. Блузка. Д. Балажи Иглинского р-на
РБ. 1960-е гг. Фото автора, 2013 г.

Фото 60. Туфли кустарного изготовления.
Балажи Иглинского р-на Баш АССР. Хранятся в
семье Михельсон В.К., г. Уфа.
1930-е гг. Фото автора, 2013 г.

Фото 61. Женщина в чепце. Колония Ауструм БашАССР.
1931 г. Из архива Шадриной А.С.

Фото 62. Модная одежда 1940-х гг. Д. Балажи Иглинского р-на РБ.
Фото из архива Толстиковой З.П.

Семейные обряды и праздники
Конфирмация

Фото 63. В день конфирмации. Балтийская колония Иглинского р-на БашАССР.
Начало 30-х гг. XX в. Из архива Бордуковой Р.Р.

Фото 64. В день конфирмации. Архангельская колония Архангельского р-на БашАССР.
Начало 30-х гг. XX в. Из архива Вецис М.А.

Фото 65. В день конфирмации. Колония Балажи Иглинского р-на БашАССР. Начало 30-х гг. XX в. Из архива Толстиковой З.П.

Фото 66. В день конфирмации. Колония Балажи Иглинского р-на БашАССР. Начало 30-х гг. XX в. Из архива Толстиковой З.П.

Фото 67. Свидетельство о прохождении обряда конфирмации. Колония Ауструм Уфимского уезда Уфимской губернии. 1907 г. Экспонат школьного музея. Фото автора, 2012 г.

Фото 68. Свидетельство о прохождении обряда конфирмации. Колония Балажи Иглинского р-на БашАССР. 1927 г. Из семейного архива Мехельсон В.К. Фото автора, 2012 г.

Свадьба

Фото 69. Свадебное фото.
Д. Балажи Иглинского р-на РБ. Начало
XX в. Из семейного архива
Толстиковой З.П.

Фото 70. Свадебное фото. Русско-
латышская пара. Николай (русский) и
Люция (латышка). 1968 г. Из семейного
архива Воробьева Н.Д., г. Уфа.

Фото 71. Свадебное фото. 50-е гг. XX в. С. Максим Горький Архангельского р-на РБ.
Из семейного архива Гусаровой А.И.

Похороны

Фото 72. Похороны. С. М. Горький Архангельского р-на РБ. 40-е гг. XX в.
Фото из архива Гусаровой А.И.

Фото 73. Гроб, изготовленный при жизни человека. Д. Балажи Иглинского р-на РБ. Фото автора, 2010 г.

Фото 74. Похороны. Фото у дома, крытого щепой. 1940-е гг. Из архива Гусаровой А.И.

Кладбище

Фото 75. Чугунный надгробный крест.
Кладбище с. Ауструм Иглинского р-на РБ.
Фото автора, 2011 г.

Фото 76. Чугунный надгробный крест.
Кладбище с. Ауструм Иглинского р-на РБ.
Фото автора, 2011 г.

Фото 77. Каменный надгробный памятник на
кладбище д. Балажи. Иглинского р-на РБ.
Фото автора, 2010 г.

Фото 78. Каменный надгробный
памятник на кладбище. Д. Урожай
Иглинского р-на РБ. Фото автора, 2010 г.

Религиозная жизнь

Фото 79. Скимская баптистская община. Архангельская колония Архангельского р-на БашАССР. 30-е гг. XX в. Фото из семейного архива Гусаровой А.И.

Семейные портреты

Фото 80. Преемственность поколений.
Д. Балажи Иглинского р-на РБ.
Начало XX в. Из семейного архива
Толстиковой З.П.

Фото 81. Латвийская семья. С. Максим
Горький Архангельского р-на РБ. 60-е гг.
XX в. Из семейного архива Вецис М.А.

Портреты репрессированных латышей

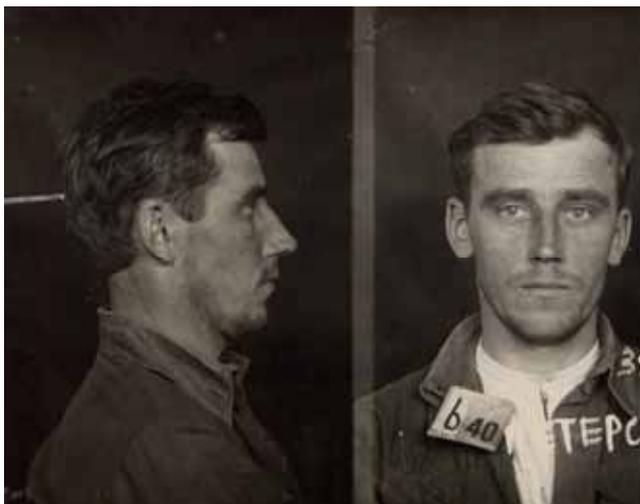

Фото 82. А.А. Петерсон, председатель колхоза Бривайс Арайс. С. Ауструм Иглинского р-на РБ. Из архива УФСБ РФ по РБ.

Фото 83. П. Ю. Перкон, помощник наркома внутренних дел БашАССР. Г. Уфа. Из архива УФСБ РФ по РБ.

Фото 84. Х.А. Шульц, домохозяйка. Г. Уфа. Из архива УФСБ РФ по РБ.

Музыкальная культура

Фото 85. Духовой оркестр Колония Ауструм Уфимского уезда Уфимской губернии. Начало XX в. Из семейного архива Эглит А.И., г. Аша Челябинской обл.

Фото 86. Духовой оркестр с. Ауструм Иглинского р-на БАССР. 1938 г. Из семейного архива Гартман Л.В, г. Уфа.

Фото 87. Духовой оркестр. С. Ауструм Иглинского р-на БАССР. 1957 г.
Из семейного архива Гартман Л.В., г. Уфа.

Фото 88. Струнный оркестр. С. Бакадино Архангельского р-на БАССР. 30-е г. XX в.
Из семейного архива Барановой Е.Р., с. Архангельское Архангельского р-на РБ.

Фото 89. Кружок певчих. 1925 г. Балтийская колония Иглинского р-на РБ.
Из семейного архива Бордуковой Р.Р., г. Уфа.

Театральная жизнь

Фото 90. Зрители на выступлении театра «Скатуве» в школе с. Бакалдино
Архангельского р-на РБ. 1937 г. Фото из архива ЦИА РБ.

Фото 91. Гастроли театра «Скатуве» в Архангельском р-не БашАССР. 1937 г.
Фото из архива ЦИА РБ.

Школа

Фото 92. К. Свилле, директор Балтийской НСШ с учениками. 1915–1916 учебный год.
Из семейного архива Бордуковой Р.Р., г. Уфа.

Эмиграция Уфимских латышей

Фото 93. Бразилия, г. Сан-Пауло. Алма Кронис (Мартинсон) с семьей. 20-е гг. XX в.
Из семейного архива Вецис М.А., с. Максим Горький Архангельского р-на РБ.

Фото 94. Канада, Калгари. Ян Гулбис в бригаде каменщиков. 20-е гг. XX в.
Из семейного архива Втюриной М.Г., с. Балтика Иглинского р-на РБ.

Латышский культурный центр «Максим Горький»

Фото 95. Урок латышского языка. С. Максим Горький Архангельского р-на РБ.
Фото автора, 2014 г.

Фото 96. Подготовка к празднику «День свечей» 2014 г.
С. Максим Горький Архангельского р-на РБ.
Из архива латышского культурного центра «Максим Горький»

Общественные обряды и праздники
Праздник Лиго

Фото 97. Праздник Лиго. С. Максим Горький. Архангельского р-на РБ.
Фото автора, 2012 г.

Фото 98. Праздник Лиго. С. Максим Горький Архангельского р-на РБ.
Фото автора, 2013 г.

